Год изд. 5-й

Кн. XII

Публичная Библиотека имени В. И. Ленина

ЭТНОГРАФИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Проф. В. Г. БОГОРАЗА-ТАНА, Я. П. КОШКИНА, акад. С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА,
А. А. ТАХО-ГОДИ и Б. С. ХОТИНСКОГО

Ответственный редактор акад. С. Ф. Ольденбург
Отв. секретарь Б. С. Хотинский

1930

№ 4

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА) | МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД | ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

XVI Партсъезд и наши задачи 3

П. Ф. Преображенский. Разложение родового строя и феодальный процесс у туркменов-иомудов 11

Е. А. Крейнович. Собаководство гиляков и его отражение в религиозной идеологии 29

М. В. Воеводский. К истории гончарной техники народов СССР 55

М. Т. Маркелов. Этнографическое изучение удмуртов 71

Из опыта ленинградских этнографов. Институт по изучению народов СССР (ИПИН) 81

Библиографический указатель русской литературы по народной ветеринарии с 1827 г. по 1/X — 1930 г. 87

Аннотации иностранной литературы 96

Год изд. 5-й Кн. XII

АА 1155 49 11155

ЭТНОГРАФИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Проф. В. Г. БОГОРАЗА-ТАНА, Я. П. КОШКИНА, акад. С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА,
А. А. ТАХО-ГОДИ и Б. С. ХОТИНСКОГО

ГУБПУ ... ЛЕНИНГРАД СССР XXXI - 192.

Ответственный редактор акад. С. Ф. Ольденбург
Отв. секретарь Б. С. Хотинский

1 9 3 0

№ 4

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА) | МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД | ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

П, 24. Гиз № 42981.
Ленинградский Областлит № 759.
7 1/2 л. Тираж 800. Зак. 382

XVI ПАРТСЪЕЗД И НАШИ ЗАДАЧИ

Б. Хотинский.

XVI партийный съезд является поворотным этапом на пути нашей пролетарской революции и войдет в историю как съезд великого перелома. Четко взят курс на развернутое социалистическое наступление по всему фронту, на основе последовательного, неуклонного и правильного осуществления большевистской ленинской линии.

Факты огромного роста строительства при невиданных темпах, великий подъем сознательного энтузиазма масс, массовый охват середняцких и бедняцких слоев деревни колхозным строительством, как предпосылка ликвидации кулачества как класса, определяют этот великий и переломный период. Это значит, что «Мы уже вступили в период социализма... хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко» (Сталин).

Великие эпохи характерны тем, что миллионные массы приходят в движение, круша старое, воздвигая новое; резко обнажаются до открытого столкновения противоречия, при этом обостряется до крайних пределов ожесточенное сопротивление отмирающих классов. История производит заново переучет экономических форм и всех отношений производства и быта и перегруппировывает классовые силы. Класс, овладевший диктатурой, сокрушает старые экономические формы, а с ними и воззрения господствовавшего класса.

Анализ двух систем — капиталистической и растущей социалистической, советской — соизмеряет ход и исход классовой борьбы данного периода и определяет тактику и стратегию борющихся.

Основная, контрольная характеристика каждой из этих двух борющихся систем дана четко т. Сталиным: «В СССР растущий подъем социалистического строительства и в промышленности и в сельском хозяйстве. У них, у капиталистов, растущий кризис экономики и в промышленности и в сельском хозяйстве».

Нынешний мировой экономический кризис, расшатывая капитализм, главным образом как капитализм монополистический (а иным он не может быть в эпоху развернутого империализма) с его основной тенденцией удержать цены на грабительском уровне, порожденный перепроизводством на

базе общего кризиса капитализма, опутав удавной петлей и промышленность и сельское хозяйство одновременно, ударив больно по миллионным массам промышленных стран, обездолив и разорив крестьянство в аграрных, колониальных и зависимых странах, нынешний экономический кризис «является самым серьезным и самым глубоким кризисом из всех существовавших до сих пор мировых экономических кризисов» (С т а л и н).

В то же время кризис резко выявил все классовые противоречия капиталистической системы, революционизирует обстановку, толкает рабочих на последние и решительные классовые бои. Усиливающиеся провокационные наскоки капиталистической реакции на СССР в связи с ростом и укреплением последней ярче подчеркивают неминуемый исход событий; бьет последний час капитала, и удары эти отбивает пролетариат, бои которого, возникая как экономические, превращаясь в политические, неминуемо приведут к мировой революции, к социализму.

Ряд буржуазных теоретиков и экономистов, в различных формулировках и интонациях, в объемистых исследованиях и тощих брошюрах, старается на всякие лады утверждать, что переживаемый кризис капитализма явление временного и главным образом неорганического порядка, тоже и существование СССР — явление преходящее (так себе, случайный каприз истории), что большевизм изживает себя (для чего достаточно пары папских воззваний и одного крестового похода) и в стране советов капитализм будет восстановлен; что в общем и целом капитализм нерушим и незыблем. Утверждающие подобное капиталисты и их агенты, вплоть до меньшевистско-троцкистских писак, не знают, что капитализм, который органически порождает кризисы, войны и революции, на данной стадии своего развития безнадежно поражен и неизлечим, что вместо «процветания» — нищета масс, общий крах, война всех против всех, рост революционного напора пролетариата, «что стабилизации капитализма приходит конец».

Еще один основной и решающий фактор упускают указанные писаки из виду, что потерявший равновесие «капитализм уже не представляет е д и н с т в е н н о й и в с е о х в а т ы в а ю щ е й системы мирового хозяйства, что на ряду с капиталистической системой хозяйства существует социалистическая система». Поскольку все преимущества на стороне советской системы, поскольку СССР, вступив в социализм, своим ростом и развитием усугубляет элементы социализма, определяя иные соотношения классовых сил и формы хозяйства (превращается из аграрной в индустриальную, коллективную и социалистическую, окончательно выкорчевывает капитализм и его кулацкие элементы, показывает путь перехода к социализму, минуя капитализм), поскольку фактом своего существования, демонстрируя гнилость капитализма, расшатывает основы империализма, революционирует пролетариат и колонии, и главное — поскольку эти факты вынуждены признать сами враги — постольку их ярость усиливается, в прямой пропорции с нашим ростом и своим бессилием. «Отсюда тенденция к авантюристским наскокам

на СССР и к интервенции, которая (тенденция) должна усиливаться в связи с развертывающимся экономическим кризисом» (С т а л и н).

Такова мировая ситуация в целом: на одном полюсе капиталистический мир, подорванный в своем равновесии, агонирующий, на другом — советская власть, которая является теперь «самой прочной властью из всех существующих властей в мире».

Успехи, достигнутые нами, объясняются правильностью политики, которую наша партия проводила, «политику принципиальную, которая есть единственно правильная политика» (Л е н и н). Отклонение или искривление этой линии вело бы к срывам, а потому борьба за наши успехи является в одно и то же время борьбой со всякими уклонами от этой линии.

Классовый враг без борьбы не желает уйти с исторической сцены. В ожесточенной предсмертной борьбе классовый враг разнообразит, видоизменяет оттенки, формы борьбы, пускает в ход все средства, мобилизует все силы, от религии до школы, от кабинетного теоретика до жулика или пацифиста, от якобы невинного исследователя до наглого вредителя, от социал-фашиста до открытого бандита-поджигателя.

Было бы смешно думать, что вредитель, вооруженный «учеными» очками, менее страшен, чем его соратник, вооруженный газовой или иной смертоносной маской. «Было бы смешно думать, что сопротивление этих классов не найдет того или иного отражения в рядах нашей партии» (С т а л и н). Поставив лозунг: наступление по всему фронту при неослабной борьбе с классовыми врагами, нельзя было успешно проводить его (лозунг), «имея в тылу их отражение в партии».

Необходимо было покончить с троцкизмом, отражающим действительность мечущейся, разоряющейся городской мелкой буржуазии. При оглядке на мировую революцию и левых фразах, блокирование с врагами пролетариата, «капитулянтство на деле, как содержание, левые фразы и «революционные» авантюристские замашки, как формы», — таков левый уклон.

Необходимо было разоблачить и правых, социальные корни которых иные и иная гамма классовых отображений. Если троцкизм представляет мелкобуржуазный радикализм, то правый оппортунизм по сути дела есть не что иное как мелкобуржуазный либерализм.

Правые не хотели признать непримиримой классовой борьбы и развернутого наступления социализма на капитализм. Отсюда все качества. Отсюда врастание кулака в социализм, отрегулированный рынок; отсюда замедленный темп крупного строительства, индустриализации, коллективизации, равнение на «узкие места» (без коих кулаку будет трудно врастать, а коечто и будет ему мешать) и т. д. Идя по этой линии конечно нужно будет итти дальше и декретировать (для стимула и врастания, пока, кулака) свободу купли и продажи земли, но эту последовательность уже округляет кондратьевщина. Вот куда ведет линия правых.

Коренясь на базе мелкобуржуазной стихии, являясь рупором и аген-

том кулачества внутри нашей партии, отражая «сопротивление основных элементов отживающих классов, именно поэтому правый уклон есть основная опасность нашего времени».

Непримиримая борьба с правой — главной опасностью, не ослабляя огня по левым, огонь на два фронта, борьба со всякими уклонами «ползучими», примиренчеством, и на всех фронтах «организация наступления на капиталистические элементы» — задачи нашей борьбы.

Эта кардинальная и решающая установка, решающая как для нашего роста и строительства, так и для мировой революции в целом, выдвинутая историческим отныне XVI партсъездом, ставит по-новому задачи и перед советской этнографией.

Развернутое наступление по всему фронту, по всем остаткам капитализма предполагает неослабное наступление и на идеологическом, теоретическом, научно-исследовательском фронте развернутым диалектическим материализмом во всеоружии марксизма-ленинизма.

Мы переживаем небывалую в истории перестановку вещей и сил, классов и людей, и не только образно слышим рост травы: ощущаем диалектические превращения и видоизменения. Колоссальный отсвет нашей Революции во всех странах, заостреннейшие противоречия, классовые бои на всех мировых участках, учит нас диалектике на опыте, единство распадается на свои различия, и противоречия обнаруживаются в единстве.

Новые формы производственных отношений открывают небывалый простор для развития производительных сил. Меняются процесс и формы производства; последнее становится иным как и характер самой рабсилы. «В психологии масс и в их отношении к труду произошел громадный перелом, в корне изменивший облик наших заводов и фабрик».

Социализм выдвигает, формует новый тип производительных сил. Соцсоревнование, ударничество, инициатива и изобретательство, вырвавшись из заводов, захлестнуло колхозы и совхозы. Опрокидываются верстовые пограничные столбы, грани между городом и деревней исчезают. Назревают новые соотношения, зреет новый быт, новые песни, даже новый язык в колхозах. База индустриализации реконструирует деревню, вместе с этим видоизменяя надстройку. На марксистско-ленинских, пролетарских, большевистских дрожжах вырабатывается новая идеология.

Не может и не должна перед лицом этих фактов этнография топтаться на одном месте. По-ленински, диалектическим методом, осознать закономерности развития, возникновения и взаимоотношения вещей и людей, групп и классов, на основе их борьбы, при определенных отношениях производства и имущества, обычаев и права, идеологии в целом, — основная наша установка.

Буржуазная наука очутилась в тупике, переживая не меньший кризис, чем буржуазная экономика. На базе агонирующего капитализма естественно рождаются теории бесперспективности, теории туманности З о м б а р т а,

закат Европы — дальше этого, паразитарности, эклектизма, дело не идет.

Перед лицом нашей реконструкции с теми колоссальными проблемами, которые она ставит сплошным фронтом, во всех отраслях наших знаний, когда от последней требуется освещать дорогу практикам, дать «твердую ориентацию и ясную перспективу» перед этнографией огромное поле новой плодотворной деятельности.

Необходимо расширить рамки и устремления ее дисциплины. К этому обязывает этнографию ленинизм-марксизм, «душа которого — диалектика». Нельзя ограничить себя искусственной гранью на одном из общественно-исторических этапов исключительно. Невозможно материальную культуру изучать без людей, без групп, без классов, не скатываясь к фетишизму вещей. В области вещей: почему орнаменты, амулеты, жилища пейзан и шалаш «дикаря»-кочевника—объект этнографии и в поле зрения исследователя, а украшения стен или «утварь» заводов, картины, архитектура в целом и т. д. этнографом игнорируются. Почему армяк ямщика прельщает этнографа, а риза или фрак или прозодежда отталкивают, производство, фабрика, рынки, город, их взаимоотношения с деревней, с колониями выпадают совсем.

Нужно вскрыть классовые корни в самой этнографии. Буржуазной этнографии классовый подход диктовал отбор и классификацию вещей, грани и дисциплину этнографии. Буржуазная этнография шла не широкими индустриальными трактами, а безлюдными, дикозвериными, колонизаторскими тропами. Этот «физиократизм,» это пейзанство, это облюбование «дикаря» первобытных формаций объясняется буржуазной классовой консеквентностью.

Империалист, ростовщик и грабитель (в надлежащих формах и способах, как Маркс отметил: «нация с развитой биржевой спекуляцией не может быть ограблена так, как пастушеское племя») рассматривает нацию свою или соседнюю исключительно с точки зрения внутреннего или внешнего рынка, а то просто как объекта открытого или почти открытого грабежа. Первоначально в родных деревнях, затем в колониях грабить легко и рентабельно. Буржуазия использовала этнографию, как науку в целом, в своих классовых целях, для эксплуатации, для одурачивания масс, т. е. для грабежа без осложнений. Услужливые ученые усердно, но не бескорыстно помогали буржуазии. Для грабежа, даже «дикарей», в наше время нужен благовидный, легальный мотив. Для удобства колонизаторов «деревня», «дикари», домашние и колониальные и весь их уклад рисовались буржуазной этнографией в лучшем случае разряженными, мирными пейзанами, «колоритным примитивом», дрессированным зверем, в худшем — чураками, людоедами, деревенщиной, которых необходимо цивилизовать приобщать к культуре и христианству. Если крест, сифилис и миссионер слабо действовали и «дикари» не хотели «цивилизоваться» и «приобщаться», необходимо было это делать посредством колониальных войск. Так это в «сугубо научной»

теории обрабатывалось и выставлялось в музеях, показывалось, как все существующее, завещанное и богом созданное, вечно и разумно.

Не этой дорогой итти советской этнографии. Нет у нас разрыва между городом и деревней (бессмыслица в строго научно-диалектическом значении), есть форма хозяйства, есть способ, отношение, профессионализация, техника производства, труда в коллективе. В коллективе люди не жили изолированно от вещей, как не жили робинзонадами, не оставались застойно. Все видоизменялось, под перекрестным влиянием множественности факторов в борьбе за существование, через классовую борьбу, что определялось в конечном итоге уровнем и способом производства коллектива на данной стадии развития.

Все эти взаимовлияния и пертурбации, возникновения и превращения коллектива, а в нем вещей и людей может быть вскрыто, как через микроскоп, диалектическим осознаванием факторов и явлений, не механистически, фатально, не бездушно-схематически и формально, а классово, т. е. марксистски-ленински, т. е. научно-объективно. Но поскольку диалектика как метод по своему существу не может оставаться схемой, так как все рассматриваемое само диалектично в объективном своем самодвижении и развитии, потому неприкладных наук у нас быть не может — теория только форрейтор, отсвет практики для практики, помня марксову установку, что мир достаточно изучен, — его надо переделать.

Изучая материальную культуру людей, коллективов, их быт, язык, этнография должна перекинуться, как на исходную предпосылку, на производство и на экономику, без деления — город, деревня, — чтобы не остаться на полдороге. Продвигая в этнографию поставленную т. Сталиным задачу приблизить теорию к изучению проблем революционной практики, наша задача археологию и антропологию подчинить этнографии, не как расовую буржуазную теорию не как сказку о вымирающих народностях и племенах, не как деление нации и людей на разумных и убогих, а как раз наоборот, чтобы бороться и опровергнуть эти сказки, выявить профессионально-производственные явления и уклады населения групп и профессий и т. д., как диалектические сцепления материалистического этнографически-исторического порядка. В этом иной подход и к археологии, доисторическим вещам, формациям и народностям. Вещи не в разрыве с человеком в коллективе, а в их взаимоотношениях, очерченных диалектикой производства и классовой борьбы.

Ленин, говоря о теории диалектики, как метода познавания, сказал: «история философии, история познания вообще, вся область знания, история развития животных, история языка плюс психология, плюс физиология органов чувств — вот те области знания, из которых должна сложиться теория познания и диалектика», — этнография, на расширенной базе своей дисциплины, углубляясь на основе материалистической диалектики в тесном контакте с историками и социологами-марксистами, на почве взаимной увязки теории и практики обещает пополнить и оплодотворить в свою очередь теорию диалектики.

Актуальная наша задача—бороться с уклонами, с псевдо-марксизмом, эклектизмом на этнографическом фронте; научно-исследовательскую работу направить в сторону разоблачения попыток буржуазных подголосков, под маской «нейтральности» и «чистой науки» и «описательности» протащить взгляды, противоречащие установке партии и марксизма-ленинизма. Такие попытки, имевшие место в последнее время в этнографической, краеведческой, востоковедческой работе необходимо выкорчевать. Извращая политику партии, эти с виду невинные «научные труды» демобилизуют, дезориентируют пролетариат в момент его героического наступления против классового врага развернутым фронтом.

Ни минуты не забывать, что наука партийна и классова, как и ее служители, не затушевывать, что «идеологические сословия плоть от плоти» буржуазии «с того времени, как духовный труд... поступил на службу к капиталистическому производству» и у ее умственных представителей, «которые сами принадлежат к числу попов, профессоров и т. д. — обнаруживается кроме того желание доказать свою «производительную полезность» (Маркс). Раз навсегда покончить с шатаниями, «нейтральностью», болотом: пролетариату должна служить советская этнография.

На совещании этнографов Москвы и Ленинграда (5 апреля 1929 г.) дана в основном четкая установка и ориентация советским этнографам, намечена теоретическая и организационная платформа деятельности. Решения совещания, проникнутые политической установкой партии, являются обязательными для каждого этнографа, желающего активно содействовать социалистическому строительству в СССР. Особенно актуальным является положение, что «этнография не только должна, но и не может стоять вне практических задач социалистического строительства в СССР» (из резолюции совещания).

Пестрый этнический состав нашего Союза особо выделяет подход этнографии к национальному вопросу. В этом отношении для каждого этнографа имеется четкая установка, данная XVI партсъездом. В атмосфере обостренной классовой борьбы враг неминуемо усилит свои выпады на национальном фронте. Отражая наскоки явного или скрытого классового врага, необходимо неослабно вести и тут борьбу на два фронта, со всякими уклонами и примиренчеством к ним, принимающими в нацвопросе форму ползучего уклона.

Тут мы имеем двоякую разновидность: великорусский шовинизм и уклон в сторону местного шовинизма. Опасность первого состоит в том, что под видом принципиальности и интернационализма и ссылок на Ленина, проводится грубый, великорусский шовинизм. Наша задача — всемерно бороться с этим уклоном, где кроме вреда и клеветы на Ленина, по существу, ничего не кроется. Ошибка этих уклонистов в основном заключается в том, что будто бы «период строительства социализма в СССР есть период развала и ликвидации национальных культур». Дело обстоит как

раз наоборот: «период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме» (Сталин).

В свете сказанного перед нами задача на конкретном научно-исследовательском материале углубить и доводить до широких масс» жизненную правду марксистской диалектики» формулы «разъединение для объединения», данной Лениным о национальном самоопределении, что эта правдивая диалектика, проводимая нашей партией, применима в отношении национальной культуры: «расцвет национальных культур (и языков) в период диктатуры пролетариата в одной стране в целях подготовки условий для отмирания и слияния в одну общую социалистическую культуру (и в один общий язык) в период победы социализма во всем мире» (Сталин). Всякие попытки отстаивать один общий язык в пределах одного государства, в пределах СССР, клонит фактически к восстановлению привилегий для великорусского языка,—отсюда главная опасность великорусского шовинизма.

Не менее опасен уклон к местному национализму, коренящийся в стремлении отживающих классов ранее угнетенных наций «обособиться в свое национальное государство и установить там свое классовое господство». Опасность этого уклона состоит в том, что он «культивирует буржуазный национализм, ослабляет единство трудящихся народов СССР и играет на руку интервенционистам».

Таковы те огромные задачи, которые в свете XVI партсъезда, на основе развернутого наступления по всему фронту, в духе «жизненной правды марксистско-ленинской диалектики», стоят перед советской этнографией.

РАЗЛОЖЕНИЕ РОДОВОГО СТРОЯ И ФЕОДАЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС У ТУРКМЕНОВ-ИОМУДОВ

(Результаты обследования Средне-Азиатской экспедиции РАНИОН 1928/29)

Проф. *П. Ф. Преображенский*

Говорить о родовом строе туркменов-иомудов Куня-Ургенчского района Ташаусского округа ТССР — задача весьма трудная. Ее основные трудности заключаются главным образом в том, что мы имеем здесь дело не с простой и сравнительно однородной социально-экономической формацией, а с ее деформацией, получившейся вследствие целого ряда социально-политических причин. Из этих последних, по крайней мере, три могут быть отмечены с полной очевидностью: вкрапленность старинного строя туркменов-иомудов в не особенно крепко сбитую, но все же государственную систему хивинского ханата, последовавшая после революции 1917 г. гражданская война, соединенная с попытками утверждения национального иомудского ханата, и, наконец, систематическая борьба с родовым принципом, проводимая советской властью. Чрезвычайно трудно оценить удельный вес каждого из этих обстоятельств, но во всяком случае советской власти пришлось иметь дело с деформациями родового строя, общая тенденция которых может быть выявлена в отдельных подробностях.

С экономической точки зрения быт всех туркменов-иомудов, сидящих в пределах хорезмского оазиса с прилегающими к нему районами песков, может быть охарактеризован как все большее и большее внедрение земледельческого хозяйства на место прежнего скотоводческого. Этот процесс, несомненно, весьма давнего происхождения и ведет свое начало еще с хивинских времен, но в предшествовавшую введению советского строя эпоху гражданской войны он пережил некоторое обострение, повлекшее за собой новую перетасовку земельных, а следовательно и имущественно-родовых отношений. Большинство подвергшихся экспедиционному обследованию земледельческих кишлаков — сравнительно недавнего происхождения и в рассказах об их основании проглядывают весьма своеобразные черты, рисующие конкретную почву, на которой принцип территориальный получил свое господство над родовым.

На месте кишлака Ак-Кум сидели прежде казаки и кара-калпаки, только

эпоним соседнего кишлака Амин-Кала сидел в крепости его имени. За этим скрывается тот простой факт, что во время гражданской войны иомуды при деятельном участии знаменитого Джунаида-хана учинили избиение старого населения и уселись на место последнего. Это оседание не было однородным в родовом смысле — рядом с многочисленными «тире» орсукчей уселись и салаки и даже кара-чока. В новом кишлаке преобладали орсукчи, со значительными примесями других основных родовых подразделений. Во многих отношениях аналогично основание весьма многочисленного по количеству населения и обладающего значительной по своим размерам крепостью кишлака Сафар-Кучук. По показаниям весьма толкового жителя этого кишлака, Араз Мрада Мурадова, крепость была построена для защиты от басмачей во время гражданской войны. Первоначально за ее сооружение под предводительством аксакала Сафар-Кучука из рода орсукчи-кор взялось около 100 кибиток этого же рода. Однако вскоре же к орсукчи-кор присоединились орсукчи-мрали, орсукчи-говора. На этом процесс родового смешения не остановился и в настоящее время в Сафар-Кучуке имеются и салаки и даже ничтожное количество окузов.

Несколько более мирный характер носит рассказ об основании кишлака Куташок. Этот кишлак основан около 10 лет тому назад. Первоначально заселение носило сравнительно сильно выраженный родовой характер. Кара-окузы куташоки сидели на плохой земле и послали ходоков на место их современного жительства. За ходоками двинулись сначала только куташоки, а за последними потянулись и другие кара-окузы, марам и куня.

Повидимому появление этих последних было даже желательно, так как одни поселившиеся куташоки не имели достаточного количества рабочих рук для очистки арыка. Интересно отметить, что именно этот кишлак наиболее ярко сохранил в своем быту некоторые характерные черты родового строя. Объяснение этому весьма просто — сравнительная однородность его родового состава. Впрочем следует отнестись с некоторым сомнением к мирному характеру этого повествования, имея в виду два предыдущих случая на территории 2-го аулсовета К. Ургенчского района, где земледелие носит сравнительно примитивный характер и более ново по своему происхождению, в то время как куташоки осаживались на территории старых и более высоких земледельческих культур 4-го аулсовета с его более густым народонаселением. Вряд ли им не пришлось столкнуться со старинными жителями облюбованной ими территории. Трудно лишь сказать, было ли здесь прямое вытеснение, либо, может быть, занятие мест, покинутых их прежними жителями. Как бы то ни было, из всех трех приведенных примеров видно, что, если при первых попытках основания кишлака принцип родовой однородности до некоторой степени и соблюдался, то в дальнейшем эта однородность уступала место большей или меньшей пестроте родового состава. Точно так же неоднороден родовой состав и остальных обследованных кишлаков— салаки сожительствуют с орсукчами, байрам-чали с кара-чока. Эта родовая

неоднородность была причиной того, что и экономическая характеристика рода, как социальной единицы, терпела значительный ущерб.

Следует, однако, отметить, что вообще между 2-м и 4-м аулсоветами К. Ургенчского района имеется некоторая диференциация. Прежде всего хозяйственная — территория 4-го аулсовета расположена в центре старинного земледелия по получающему свои водные запасы из Аму-Дарьи Хин-Ябу, 2-й аулсовет расположен в области более нового и примитивного земледелия с озерным орошением. Этому обстоятельству соответствует и различие, проводимое, правда, лишь до некоторой степени, и в родовом составе кишлаков. Родовой состав отдельных кишлаков 4 аулсовета все же более однороден — об этом свидетельствуют даже названия, как-то Куташок, Ушок, повторяющие имена родовых подразделений, и также имена отдельных арыков, как Бага-Яб, Коджук-Яб, сохраняющие, как сейчас будет видно, принципы старого распределения воды. Возможно даже, что в 4-м аулсовете национальный антагонизм между узбеками и иомудами, в значительной степени коренящийся в противоположении земледелец — кочевник и, казалось бы, терявший почву на чисто земледельческой территории, где узбек и иомуд хозяйствовали одинаково, получил позже новые соки как раз из того факта, что прочистка устьев главных оросительных магистралей находилась в руках узбеков, и масса земледельцев-иомудов должна была остро чувствовать на себе эту зависимость. Эта сравнительная однородность кишлаков 4-го аулсовета получила много брешей во время мобилизации населения в период гражданской войны, но кое-где сохранилась настолько, что и в смысле родовой однородности противоположение 2-го и 4-го аулсоветов имеет некоторое значение. Кишлаки 2-го аулсовета гораздо более смешаны и их родовая пестрота получает такой характер, что говорить о каком-либо родовом принципе в их составе становится делом очень трудным, если не безнадежным.

При условии поливного земледелия, господствующего в хорезмском оазисе, земля сама по себе особой ценности не представляет и приобретает таковую лишь в соединении с водой. Регулирование землепользования между отдельными хозяйствами производится по количеству работников, посылаемых каждую весну и осень для прочистки арыков. Существенные функции распределения воды несет на себе мираб, должность которого уже и при хивинском хане часто была выборной не от родового союза, а от кишлака. Естественно, что при исключительном значении воды в земледелии хорезмского иомуда, ее, так сказать, «неродовой» характер накладывает сильнейший отпечаток на всю экономику родового союза. Вернее, внутренне-экономические его связи стушевываются перед связью территориально-водной, соседской. Только в одном случае вода может иметь родовой характер — при условии родовой однородности всего кишлака, а именно о подобных случаях не приходится и говорить, — встречаются лишь приближения к этой однородности. Высказывания отдельных информантов не оставляют на этот счет

никакого сомнения. В уже упомянутом и сравнительно однородном кишлаке Куташок еще существует родовая взаимопомощь — при пожаре, при гибели скота члены одного «тире» помогают друг другу, но уже и тут нередки случаи соседской взаимопомощи. В более смешанном кишлаке Коджук-Кум взаимопомощь приобрела чисто соседский характер, помощь родовая относится к давним временам и тут же приводится причина этого изменения — происшедшее в последнее время смешение родов. В кишлаке Текеджик помощь оказывают лишь близкие родственники и приятели. Пострадавший ходит по юртам, не делая различия между своим и чужим «тире», и просит вспомоществования.

Все сведения о коллективном родовом владении водою и землей относятся к сравнительно отдаленному прошлому. В том же Текеджике старинное землепользование и водопользование характеризовалось как совместное владение определенной территории всем родом, причем в каждой такой родовой территории проводился отдаленный арык, откуда уже брали воду отдельные хозяйства. Чрезвычайно осведомленный в старинных и новых порядках Кор-оглы в кишлаке того же имени, неподалеку от Текеджика, рисует, говоря о старинном землепользовании, приблизительно ту же картину: при пожаловании хивинским ханом воды иомудам, последние делили ее между собой по родам. Однако сомнительно, чтобы этот старинный водный коллективизм гарантировал внутриродовое равенство. По свидетельству того же Кор-оглы ханские представители за взятки делали прирезку орошаемых земель. Эта прирезка шла на долю не всему родовому коллективу, а только его зажиточной части. Особенно ярко эта внутриродовая диференциация проявлялась при распределении заливных земель на берегу Аму-Дарьи. Хотя эти земли находились во владении отдельных родов, это не мешало баям скупать их у своих сородичей и монополизировать их в своих руках. Сдвинутость родовых делений по территориальному принципу могла только ускорить этот процесс.

К каким конкретным результатам могла повести экономическая диференциация, показывает биография одного жителя этого кишлака, глубокого старика. Будучи сиротой, он уже с 8 лет батрачит в чужих хозяйствах и потерял своим хозяевам счет. Все его отношения к людям сложились на почве наемного труда. Жены он купить не мог и по этой же причине никогда не знал женщин вообще. На другой день после нашей с ним встречи он работал на маслобойке, гоняя вокруг особого приспособления для выделки кунжутного масла верблюда, и неожиданно умер. В тот же день, без всяких церемоний, он был закопан близ дороги.

A priori может показаться, что более старинный для туркменов-иомудов скотоводческий быт, чарводарство, мог более сохранить экономические внутриродовые связи. Однако, в пределах К. Ургенчского района это может быть принято только с большими оговорками. Правда в старину отдельные «тире» кочевали порознь и имели свои колодцы для скота, но по

существу эта родовая солидарность уже принимала характер фикции. Богатые скотоводческие хозяйства типа большой семьи кочевали отдельно и рыли свои собственные колодцы для своего скота. Более маломощные хозяйства соединялись вместе для коллективного кочевания и коллективного рытья колодцев. Конечно такой экономически диференцированный тип перекочевок все же не исключал перекочевок и большими группами, однородными по своему родовому составу. В одном и довольно типичном скотоводческом кишлаке первоначально жили одни ак-салахи заманлы, но в настоящее время там имеются и кара-салахи, и орсукчи, и окузы, и кара-чока. Причина такого смешения родов довольно очевидна — ее нужно искать в бурном басмаческом движении, сначала связанном с процессами феодализации и выделения национального или, вернее, племенного иомудского ханата, а затем выродившемся в значительной степени в контр-революционный бандитизм. При постоянном рысканьи басмаческих шаек на местах скотоводческих перекочевок скотоводы волей неволей принуждены были разорвать свою прежнюю родовую ограниченность с тем же приблизительно результатом, как в земледельческих кишлаках, — усилением соседских связей и форм хозяйствования над родовыми.

Пожалуй в скотоводческих кишлаках всего легче и нагляднее наблюдать картину разложения родового общества и его классового расселения, может быть, потому, что скотоводчество как форма хозяйства всего легче допускает экономическую диференциацию и всего яснее показывает ее перед глазами исследователя. Для достижения достоинства бая, по мнению скотовода-иомуда, необходимо иметь около 400 верблюдов и 1500 овец. Скотовод-бедняк обладает 5-6 верблюдами и 20-30 овцами. При расчете в денежных единицах стоимость верблюда следует принять от 100 до 250 руб.

Простое сравнение приведенных цифр показывает, насколько далеко может заходить процесс экономической диференциации у чарводаров, причем любопытно, что чарводарство до сих пор еще служит притягательным магнитом для иомуда-земледельца. Это занятие кажется ему и более исконным, и более привольным, и более прибыльным.

Таким образом при исследовании экономических внутриродовых связей у туркменов-иомудов К. Ургенчского района необходимо прийти к выводу, что перетасовка родовых делений при мобилизации населения в эпоху, последовавшую за падением ханата, привела к значительному ослаблению этих связей не только у земледельцев, где этот процесс вследствие большого значения соседской связи у земледельцев вообще был бы более естественно даже и у скотоводов.

Два института обычно подчеркивались исследователями при всякой характеристике родового строя — экзогамия и кровная месть. Относительно первого из них можно с полной определенностью утверждать, что практика экзогамии у туркменов-иомудов отсутствует. Высказывания иомудов по поводу выбора жены не оставляют никакого сомнения на этот счет. Все

они либо подчеркивают полную безразличность родового деления, либо иногда указывают, что лучше брать жену из чужого рода, но этот тип высказывания обычно сопровождается какой-нибудь аргументацией, всего чаще указанием на то, что чужеродку легче заставить больше работать. Конечно таким объяснениям вряд ли следует придавать большое значение, но уже их наличие показывает, что абсолютные экзогамные запрещения либо не существовали, либо весьма основательно позабыты. Довольно показательны данные генеалогической статистики: 45% браков вполне экзогамны, т. е. родовое происхождение мужа и жены не совпадает во всех родовых подразделениях, 17% браков показывают совпадение в наиболее крупном родовом делении, 24% в двух наиболее крупных, а в 14% экзогамия отсутствует начисто. Некоторым дополнением к этим данным могут послужить цифры, касающиеся локальной экзогамии — браков, заключающихся вне кишлака и в его пределах. Экзогамных браков в этом смысле 59%, неэкзогамных 41%. Приняв с некоторыми оговорками эти процентные соотношения, следует как будто прийти к заключению, что все же некоторые хотя и слабые следы родовой экзогамии имеются, даже несмотря на то, что ее наличие и ее обязательность совершенно вышли из поля сознания туркмена-иомуда.

Гораздо более выразительны данные, касающиеся второго из названных институтов — кровной мести. Характерно, что в уже упоминавшемся и интересном по своей родовой однородности кишлаке Куташок всего чаще и яснее сохранились представления о важности и необходимости этого института. При убийстве мстят все родовичи и считается позорным отказать в помощи тому, кто ее просит. Куташокские старики с негодованием отвергли мысль о возможности выкупа за убийство. «Никаких денег, только кровь»,— такова была формула этих ревнителей древнего благочестия. Некоторые подробности бросают интересные штрихи на самый механизм кровомщения. Если при кровомщении произойдет столкновение между двумя группами родовичей и результатом такого столкновения будет лишняя смерть у одной из враждующих сторон, то это будет поводом для нового кровомщения. Таким образом здесь господствует принцип строгой уравнительности. Если сам убийца не найден, то можно убить ближайшего родственника, хотя бы на базаре. Подобные убийства происходили прежде 2-3 раза в месяц. Однако, не следует думать, что принцип кровомщения остался демократически равным для всех и не поддался никакой социальной диференциации. Сильный хозяин может дать убежище, спрятать у себя. С другой стороны, даже кази в хивинскую эпоху не мог помочь маломощному «тире» отстоять свои права. Следовательно, принцип кровомщения стал в некоторых случаях преимущественным орудием в руках более зажиточных.

Можно наметить некоторые следы, хотя и очень слабые, постепенного выветривания обычая кровной мести, прежде всего в количестве кровомстителей. Здесь имеются своеобразные пределы: максимальный — все «тире» целиком, причем иногда субъектом мщения было крупное «тире»

и в таком случае собиралось до 300—400 человек кровомстителей, и минимальный — братья убитого, но в этом последнем случае род помогал снаряжением. Но самым интересным ограничением кровомщения несомненно является платеж так наз. «хуна», т. е. выкупа. Размеры выкупа довольно однообразны — 1 000 тилл за мужчину, но значительный интерес представляет самый механизм выкупной операции. Предварительной стадией было бегство убийцы в чужой род, который по каким-либо причинам брал на себя роль заступника, либо просто за пределы досягаемости. Затем на сцену выступал либо мулла, либо ишан, которые, с одной стороны, служили посредниками при платеже, а с другой, — своего рода поручителями в том, что уплатившего хун убийцу действительно не тронут. Эта практика платы за кровь интересна в двух отношениях. Прежде всего она несомненно являлась привилегией богатых. В этом отношении достаточно выразительны уже самые размеры «хуна». Он значительно превосходит самую крупную выплату, которую приходилось производить в прежние времена туркмену-иомуду, а именно калым. Даже калым, плативший за дочь бая, — максимально 500 тилл, был значительно меньше платы за кровь. Для родового туркмена-иомуда хун таких размеров был просто непосилен и для него единственным исходом, если он естественно желал избегнуть смерти, было изгойство.

Второй любопытной чертой в практике кровного выкупа следует считать участие муллы или ишана. Совершенно несомненно, что их посредничество в этом деле влекло за собой повышение их авторитета и социального веса в общественном целом. Конечно их значение росло в данном случае на счет старинных родовых институтов, было в значительной степени отражением экономического расслоения в родовых союзах, но в то же время в нем заключались и некоторые прогрессивные моменты надродового авторитета и объединения.

В сознании туркменов-иомудов институт кровной мести особенно тесно спаялся с их родовыми порядками. На бессмысленный, наверное, с их точки зрения, вопрос о происхождении их родовых союзов, один из наиболее обычных ответов был, что родовые деления образованы для защиты, так как в старину было много убийств. Ишаны были провозвестниками какого-то нового правопорядка, хотя и в искаженной в пользу зажиточных элементов форме. Эта роль мулл и ишанов не ускользнула и от проводников идеи племенного ханата как Джунаида, так и Якши Гельды. В оппозиционно настроенном к Советской власти кишлаке Амин-Кала была дана, между прочим, информация такого рода — примирителями в междуродовых столкновениях на почве кровной мести выступали «хорошие» люди, как Джунаид-хан и Якши-Гельды-хан. Повидимому и сами представители нового ханата были не прочь перетянуть на свою сторону часть ишанского, возможно бывшего и небездоходным, авторитета и, кроме того, влиятельные группы мулл, ишанов и просто баев, поддерживавшие это движение, пытались вдохнуть

новую жизнь в испытанный уже ими арсенал средств междуродового замирения и укрепления своего надродового влияния.

Особенно роль Джунаида-хана как противника кровной мести и примирителя сторон очень ярко запечатлелась в воспоминаниях К. Ургенчских иомудов, несмотря на некоторый риск высказываний о нем и некоторый таинственный ореол, окружающий эту интереснейшую фигуру иомудской истории.

Весьма любопытно проследить, как выветривание родовых отношений отражается на идеологических надстройках свойственных, этим отношениям. Из этих надстроек особенно характерны этиологические объяснения происхождения названий отдельных «тире». Большинство этих объяснений этиологично по той простой причине, что, вообще говоря, происхождение большинства родовых названий уже забыто, а попадающиеся объяснения являются, по большей части, позднее возникшими толкованиями. Именно этот факт уже показывает сам по себе некоторую окаменелость родовых отношений, все более и более растущую их рудиментарность

Примером наиболее простого высказывания на интересующую нас тему может служить «Кор был храбрый джигит». В этом высказывании следует отметить две любопытных черты. Первая — персоналистское объяснение происхождения рода. Род выводится от определенного лица, и этот тип объяснения самый распространенный. Другой пример столь же краткого персонализма — «Из Туркестана пришли два человека, называли их Кара-Ходжа. Отсюда и название рода». Конечно весьма часто такое объяснение лишь позднейший домысел, но в некоторых случаях за ним может скрываться и историческая конкретность. Дело в том, что хозяйственной единицей у иомудов довольно часто является не индивидуальная малая семья, а более крупная группа родственников — большая семья. Есть хозяйства, ведущиеся дедом, женатыми сыновьями и их детьми. После смерти деда один из сыновей, не обязательно старший, руководит хозяйством. Случаются и разделы, но при жизни отца они считаются непохвальными. Эта хозяйственная структура отражается и на жилье иомуда-земледельца, когда двор занят рядом жилых помещений и служб. Возможно, что при благоприятных обстоятельствах такая большая семья могла развиться в самостоятельное «тире». Одна незначительная подробность подтверждает эту мысль — при жизни Якши-Гельды-хана появилась тенденция выделить особое «тире» Якши-Гельды, что нашло свое отражение даже в литературе, касающейся родового состава иомудов.

Значительно больший интерес представляет собой предание, касающееся происхождения «тире» Овнук. Это предание фиксировано в двух редакциях, более подробной, записанной в скотоводческом кишлаке, и сокращенной у земледельцев. Впрочем более подробная редакция своеобразно характеризуется контаминацией с преданием о происхождении другого «тире», именно Заманлы. Эта контаминация интересна своей связью с историче-

скими событиями. В данном скотоводческом кишлаке первоначально жило только «тире» Заманлы. Данные о происхождении этого «тире» совершенно соответствуют коротеньким персоналистским объяснениям происхождения рода, приведенным выше. По этим данным сам Заманлы был ученым муллой, неизвестно когда жившим. Из-за стычек с Джунаидом весь кишлак, состоявший только из заманлы, ушел к туркменам теке, а по возвращении, уже при советской власти произошло соединение вернувшихся заманлы с другими «тире», причем результатом этого соединения был кишлак чрезвычайно пестрого родового состава, где мирно сожительствовали и салаки, и орсукчи, и кара-чока. Любопытно, что именно с этого времени заманлы стали считать себя подразделением овнуков, чего раньше не было.

Самый рассказ о странствиях этих скотоводов весьма наглядно подтверждает высказанные ранее соображения о смешении родов в скотоводческих кишлаках во время гражданской войны. Однако присоединение заманлы к овнукам было далеко не случайным, о чем свидетельствует предание о происхождении самих овнуков. По этому преданию, претендующему на сравнительную давность, приблизительно около 200 лет, жило 5 братьев: Дурдамет, Мамет, Кзыл-Бурун, Мирзанки и Заманлы. Сведения о последнем уже известны, а относительно всех пятерых следует заметить, что все они, за исключением Дурдамета и не зафиксированного в качестве «тире» Мирзанки, представляют собой в то же время названия соответствующих «тире» аксалаков. Далее, предание касается лишь старшего брата. У него было два полноправных сына Кульянко и Бегеджик и от второй жены персиянки 2 или 3 неполноправных сына «ярыма», носивших название «овнуки» — мелкие. Все эти имена — опять-таки названия родовых подразделений. Интересно отметить, что, по представлению информантов, сам Дурдамет был баем. Когда Дурдамет умер, полноправные сыновья стали делиться и хотели поделить между собой и овнуков. Однако Кульянко счел за лучшее взять себе только своих неполноправных братьев по отцу, а весь скот отдал Бегеджику. Земледельческая версия уже не знает о существовании пяти братьев, не упоминает также имени Дурдамета — она просто рассказывает об «одном человеке» и его двух женах, иомудке и персианке. Число овнуков в земледельческой версии увеличивается до девяти. Имеется также нравоучительное добавление, что вследствие упомянутого дележа овнуки считают себя более близкими к Кульянко, который вдобавок дал свою дочь в жены старшему овнуку. Это предание представляет своеобразный интерес потому, что оно является все же попыткой объяснить более тесную связь нескольких «тире» между собой. Как легко заметить, оно остается строго персоналистским.

Очень своеобразная нравоучительная этиология прорывается в рассказе о происхождении еще нескольких ак-салакских «тире» — когда-то Чуюрук, Кульпак, Ярчи и Бойнок вместе засевали поля, последние внимательно смотрели за посевами, а Чуюрук лежал на боку. Отсюда и название. Здесь

*

этиология становится весьма наивной — название «тире» и существует до совершения его эпонимом определенных действий, а затем и выводится из последних. Объективная ценность всех этих генеалогий и не очень велика, а, может быть, даже и безразлична, так как весь их тон и характер только об одном — об утрате в социальной психологии живого чувства родового происхождения и родовой солидарности. Идущее по пути наименьшего сопротивления, а персонализм как раз и является таким путем, этиологическое повествование заменяет повидимому уже забытые подлинные предания о родовом происхождении. Чем крупнее «тире», тем повествование становится более убогим. Так о происхождении двух основных родовых ветвей иомудов — Кара-чока и Байрам-чали рассказывается обычный трафарет — у одного человека было два сына. Один брат носил черную одежду, другой нарядную с серебряными украшениями. Отсюда карачока и байрам-чали. «Тире» машрык имеет свое название по форме головного убора, особой формы кожаной шапки. Везде мы встречаем несколько суховатый рационализм, иногда просто надуманность. Идеологическое творчество как бы подрезано в корне теми сложными социально-экономическими процессами, которые разорвали прежнюю родовую солидарность и сделали из родового строя нечто окостеневшее в своей форме, но потерявшее свой основной жизненный смысл. Этот процесс омертвения народного творчества, поскольку оно касается психологического переживания рода, как организации, имеет повидимому уже давнее происхождение и строго соответствует отмиранию и деформации основных начал родового строя в иомудском обществе. Этиологизированное и деформированное родовое предание является здесь идеологическим коррелатом к деформированному и территориализированному родовому обществу, внутри которого уже вызрели взрывающие его экономические противоречия.

Таким образом не только прежняя родовая солидарность, но даже юридический институт кровной мести в значительной степени испытали на себе влияние классового расслоения, приведшего уже в хивинские времена к выделению батрачествующих бедняков, с одной стороны, и зажиточных баев — с другой. Хивинская администрация давала достаточный простор для социального оформления классовой диференциации иомудского общества и, когда она была сметена уничтожением хивинского ханата, то немудрено, что эта диференциация стала находить себе новое оформление и выражение в своих собственных специфических формах несколько примитивной государственности, хотя и работавшей отчасти по доступным ей хивинским образцам. Поэтому конечно название этой государственности «примитивной» и ее дальнейшее сравнение с древнегерманскими формами государственного примитива несколько условны, но тем не менее некоторые ее формы все же представляют собой запоздавшую и несколько усложненную вариацию на старую тацитовскую тему.

Здесь надо сделать одну оговорку. Классовое расслоение иомудского

рода, говоря о нем лишь ограничительно, т. е. лишь в пределах Ташаусского района, во время существования Хивы, как государственного целого, не имело своего государственного национального оформления. Находясь в среде хивинской государственности, классовая диференциация ташаусских иомудов как бы приспосабливала эту государственность к своим нуждам и путем длительного процесса вросла в нее. Можно пожалуй сказать, что совершалось медленное приспособление диференцировавшейся родовой организации к государственной форме, более высокой, нежели та, которая могла бы быть самостоятельно выделена переродившимся иомудским родом. Перерыв в существовании соответствующей государственной формы и отсутствие на несколько лет всякой государственной организации привели к феодальной революции, к созданию кратковременно существовавшего временного ханата, возможность появления которого была обусловлена сравнительно медленным образованием органов советской власти в Ташаусском районе. Таким образом процесс образования примитивно-феодальной государственности — именно в этом смысле мы говорим о «феодализационном процессе» — проходил в условиях роста советской власти, которая пользовалась отдельными агентами этого процесса для уничтожения его самого. Трудно конечно говорить о возможных результатах этой феодализации в том случае, если бы она была предоставлена своему естественному течению. По всем вероятиям, феодальная революция в среде ташаусских иомудов окончилась бы полным закреплением политического и экономического властвования феодалов различного калибра. Можно однако с уверенностью сказать, что, если само созидание своей собственной иомудской государственной организации шло в условиях образования нового для Средней Азии типа советского государства, то и предшествовавшее этому разложение родового строя иомудов испытало на себе конечно сильнейшее влияние торгово-капиталистических сил, действовавших в хивинском ханстве. К сожалению личное обследование могло констатировать лишь финальные результаты разложения родовой организации, пути которого, благодаря сложности исторической обстановки, были, разумеется, весьма непросты.

Здесь мы подходим к самому любопытному с общеисторической точки зрения и, так сказать, узловому пункту в истории родового строя туркменов иомудов. Совершенно несомненно, что их родовой строй, деформированный ростом земледелия и территориальных связей, с одной стороны, и усилением значения местных богатеев — баев, с другой, при крушении старой власти хивинского хана, находился на полном ходу к большей или меньшей феодализации, к созданию власти сидящих на земле крупных феодалов типа Джунаида или Якши-Гельды, окруженных подручниками из их соратников. В случае своего возникновения этот феодализм носил бы в значительной степени сельский характер и сильно подрезал бы значение города, как места сосредоточения торгового капитала и мелкого ремесла при хивинском

хане. Это уменьшение значения города имело бы за собой причины национально-экономического порядка, веками сформировавшиеся на территории древнего Хорезма.

Здесь имело бы значение несколько противоположений: экономическое, житель города, как средоточия торгового и отчасти ростовщического капитала, а также мелкого производства, и житель кишлака, как производитель сельскохозяйственных продуктов; историко-экономическое, житель города и кочевник, все же нуждающийся в этом городе, как месте получения сельскохозяйственных и ремесленных продуктов и наконец национальные — хивинец-узбек — туркмен-иомуд. Путь к созданию этого сельскохозяйственно-скотоводческого феодализма был отрезан советизацией Хорезма, но именно то обстоятельство, что следы этой феодализации и воспоминания о ней еще живы у К. Ургенчского иомуда, заставляет исследователя с особым вниманием отнестись к ее формам, на наших глазах повторившим что-то очень древнее и знакомое, имеющее черты сходства с окаменевшими для историка данными Цезаря и Тацита, повторившимися лишь в совершенно ином историческом окружении.

Предлагаемая попытка наметить лишь некоторые черты этой иомудской феодализации имеет двоякий интерес, хотя, может быть, составные части этого интереса и несколько противоречат друг другу. Во-первых, интерес обще-исторический, тесно переплетенный с проблемой национального самоопределения среднеазиатских стран, и, во-вторых, этнолого-фольклористический, так как все факты, затронутые ниже, взяты из живых представлений и преданий самих туркмен-иомудов. При рассмотрении этих преданий, если только этот термин здесь уместен, так как события, служащие их сюжетом, еще очень недавни, надо иметь в виду два важных обстоятельства; одно положительное — сравнительно хорошую память иомудов на исторические события, и одно отрицательное — некоторую табуацию с оттенком почета самого имени Джунаида и Якши-Гельды, особенно первого, так как он еще жив, — по отношению ко второму смерть более развязала языки.

В качестве примера хорошей исторической памяти иомудов можно привести следующую небезынтересную подробность — в кишлаке Кор-оглы прекрасно помнится поход хивинского хана Медемина (Мохаммед-Эмина) на туркменов теке, когда иомуды изменили хивинскому властителю и последний был убит. Смерть Медемина относится к 1855 г. Об этом событии однако рассказывают, как о событии вчерашнего дня. Оборотная сторона медали, однако, заключается в некоторой прикровенности рассказов об этих героях вчерашнего дня, как Джунаиде, так и Якши-Гельды по вполне понятным причинам. Действительность этих причин еще усугубляется тем, что до сих пор деятельность этих обоих незадачливых созидателей племенного ханата окружена в некоторых кишлаках сочувствием, хотя и несколько прикрытым.

Две, может быть, и не очень важных подробности характеризуют эту фольклористическую окрашенность. Рассказ о деятельности Джунаида всегда начинается с указания на то, что в начале своей жизни он был середняком-дехканином в Тахтинском округе и переломным моментом для него была борьба с его двоюродным братом, баем, в которой Джунаид и восторжествовал. Тот же мотив возвышения рядового дехканина мы находим и в повествованиях об Якши-Гельды. В этих повествованиях он является то пастухом, то бедным дехканином. Его брат Оч-Мамед характеризуется, как очень храбрый, но бедный владелец одной лошади. Объективная ценность этих характеристик не очень велика, но мотив возвышения из ничего, своеобразного возвеличения чуть ли не бедняка очень показателен сам по себе. Здесь несомненно замаскировано некоторое сочувствие к одному изгнаннику и двум погибшим. Рядом с этим проявляется боязливая скупость излишней деталировки — в большем роде орсукчи есть значительное подразделение джунаид. В нем имеются несомненно и дальнейшие подразделения. Однако узнать их, кроме одного, да и то сомнительного, не было никакой возможности, хотя они, по всей вероятности, были вполне известны. Обычным ответом на докучливые расспросы было указание на совершенно верный факт, что все представители «тире» джунаид ушли вместе со своим предводителем.

В своей характеристике феодализационного процесса нам придется ограничиться лишь историей Якши-Гельды с братьями по той простой причине, что в настоящее время в К. Ургенчском районе гораздо больше салаков нежели орсукчей и якши-гельдинская традиция поэтому более живуча среди населения. Дело в том, что как Джунаид, так и Якши-Гельды, хотя их стремления и шли к преодолению остатков родовой исключительности и к установлению надродовых форм властвования, все же не перерезали той пуповины, которая соединила их самих с родовыми традициями. Джунаид все же выступал как военный предводитель орсукчей, в то время как Якши-Гельды стоял во главе салаков. Это разделение не было вполне исключительным, так как в дружине Якши-Гельды находились и орсукчи, но упускать его из виду никак не приходится уже потому, что отчасти в самой основе соперничества этих двух представителей идеи племенного ханата лежало соперничество двух повидимому самых могущественных родов иомудов байрам-чали.

К известиям о беднячестве или середнячестве Якши-Гельды надо отнестись с некоторой осторожностью. Его старший брат Сеид-Гельды был еще при хивинском хане мюгурдаром в кишлаке Гаты-Гюль. Должность мюгурдара в кишлаке приблизительно соответствовала должности народного судьи и, что еще важнее, по представлению тех же туркмен часто предоставлялась хивинскими властями за взятки. Любопытно также, что по показаниям самих же туркмен мюгурдары засиживались долго в своей должности. Сама эта должность имела тенденцию стать наследственной, переходя либо к сыну, либо к брату и по большей части попадала в руки баев. Уже одно

это обстоятельство выделяет семью Якши-Гельды из массы рабочего дехканства.

Еще любопытнее по иомудской традиции история брата Якши-Гельды, Оч-Мамеда. Эта история является как бы преддверием к деятельности самого Якши-Гельды. К сожалению организационная деятельность Оч-Мамеда оставила мало следов в иомудской традиции—о нем сохранилось больше эпических подробностей. Начало его деятельности в достаточной мере ясно — он шел по стопам Джунаида, и если последний пытался, опираясь на орсукчей, разорвать родовую исключительность иомудов, то Оч-Мамед при своем выступлении носил в себе точно такую же раздвоенность. Выступая во главе салаков, он был противником гегемонии орсукчей и таким образом был представителем родовой реакции, но в то же время эта родовая реакция могла существовать лишь уничтожая себя, лишь выступая во имя племенного единства. Разница с Джунаидом была лишь хронологическая, а не принципиальная. Джунаид выступил раньше и поэтому приобрел больший «авторитет», Оч-Мамед позже и потому был слабее и, поскольку он менее Джунаида расстался с родовой ограниченностью, он был также и «реакционнее». Сначала ему не удалось сравняться с Джунаидом. Он принужден был признать авторитет последнего и только связь Джунаида с реакционным уральским казачеством дала возможность предводителю салаков войти в сношения с русскими революционными войсками, «рассказать» много большевикам и стать на равную ногу с Джунаидом.

Предание не очень ярко расписывает успех красных войск и Оч-Мамеда в борьбе с Джунаидом, добыча была не слишком велика, около 300 баранов и 50 верблюдов. Характернее другое — мотив ссоры с русскими и дележ этой скромной добычи. Оказывается, что туркмены взяли себе баранов, а русские — верблюдов, которые однако были отданы «на сохранение» Оч-Мамеду. Верблюдов все же постигла та же участь, как и баранов. Они были розданы Оч-Мамедом своим соратникам и на этом, по мнению туркменских рассказчиков «дружба» нового хана или, по другой терминологии, «атлыбаши» с русскими лопнула. Мотив разрыва с русскими несомненно фольклористичен, но дележ добычи среди своих дружинников или, если воспользоваться средне-азиатской терминологией, джигитов вводит нас в такую область, где туркменское «джигитство» соприкасается с древнегерманским comitatus.

В дальнейшем традиция об Оч-Мамеде приобретает, несомненно, антирусский отпечаток. Новоявленный хан или атлыбаши все же не смел ослушаться русского командования, потребовавшего его прибытия в Хиву с 2 000 отборного войска. Здесь мы встречаемся опять с одной весьма реалистической черточкой — свое отборное войско, всего около 1 500 чел., Оч-Мамед, собирал по родам, так как, по буквальному выражению информаторов, нельзя было «быть салакам с другими родами». Сохранение родового принципа в военном построении является вполне осознанной чертой в созна-

нии иомуда. В рассказах о старых войнах с хивинским ханом всегда подчеркивается, что каждый род стоял отдельно и имел своего командира. По личным свойствам его называли юзбаши или ханом. Последнее название прилагалось, когда у родового предводителя было много джигитов. Антирусский отпечаток предания об Оч-Мамеде замечается в рассказе об его смерти. После прибытия в Хиву Оч-Мамед расквартировал свое войско в городе, а сам отправился в кибитку своей жены. Наутро русские пригласили его к себе и после разговоров пристрелили его. Прибывшие с Оч-Мамедом войска отчасти были разоружены, отчасти перебиты. Всего было перебито, по мнению туркменов, около 1 000 чел. Весь арсенал Оч-Мамеда оказался таким образом в руках его брата, Якши-Гельды, который, по бесхитростному повествованию иомудов, был только бедным дехканином.

По получении известий о смерти брата, Якши-Гельды «со всеми иомудами» отправился в пески любимого места и Джунаида и всех басмаческих шаек, и там отсиживался от своих врагов. По прошествии некоторого времени Якши-Гельды опять помирился с русскими и перебрался со своими иомудами на старое место. Курьезно, что по мнению туркмен советская власть дала Якши-Гельды право распоряжаться всеми иомудами для того, чтобы совместно с вождем салаков вести борьбу с недоверчивым и потому особенно опасным Джунаидом. Если Оч-Мамед за кратковременностью своего властвования не сумел создать среди подчиненных ему иомудов никакой определенной организации, то для Якши-Гельды эта задача оказалась до некоторой степени возможной. Именно здесь особенные черты ранне-феодализационного процесса сказались сравнительно выпукло и убедительно.

После своего возвращения из песков Якши-Гельды осел в большой крепости его имени верстах в 10 к северо-востоку от К. Ургенча. Его власть простиралась приблизительно над 50 кишлаками, расположенными как бы полукругом около его резиденции, представлявшей собой характерное соединение массивных стен военного сооружения, заключавшего внутри себя глинобитные постройки оседлого типа, служившие арсеналами и магазинами, и многочисленные кочевнические юрты для житья самого хана и его джигитов. Любопытно, что крепость Якши-Гельды не имела рядом никакого кишлака, а стояла совершенно отдельно, представляя собой таким образом подобие средневекового рыцарского замка. Якши-Гельды не очень много утруждал себя устройством гражданской власти в находившихся под его влиянием кишлаках. Там, по его распоряжению были избраны аксакалы для решения судебных дел и надзора за распределением воды. По свидетельству туркмен такими аксакалами были по большей части середняки. Однако к этим показаниям о «середняческом» аппарате управления у иомудского хана надо отнестись с некоторым недоверием. Дело в том, что туркменская традиция рисует в довольно своеобразном свете взаимоотношения Якши-Гельды с зажиточной частью населения. Новый хан якобы собирал к себе время от времени человек 20 из зажиточной прослойки и затем, ссылаясь

на опасность со стороны Джунаида, требовал с собравшихся баев приношений натурой — баранов, пшеницы, клевера, джугары. Собранная с баев контрибуция шла главным образом на содержание военной дружины—джигитов хана. Повидимому здесь мы имеем дело со своего рода демократической окраской традиции о салакском предводителе. Реальная действительность выступает в другом известии, твердо настаивающем на том, что баи поддерживали Якши-Гельды из-за страха перед Джунаидом. Смысл этого известия заключается в том, что байская верхушка салаков и была социальной базой для властвования нового хана. Эта верхушка совершенно не желала допустить опиравшегося на орсукчей Джунаида к власти над многочисленными ответвлениями салаков, которая у Джунаида всегда сопровождалась поборами с населения. Под эгидой власти своего хана салакское байство могло спокойно осуществлять свою социальную функцию эксплуатации бедняцких и середняцких масс своих родовичей.

В этом отношении чрезвычайно колоритна фигура одного из «авторитетных» лиц при Якши-Гельды еще и сейчас пожалуй самого влиятельного человека в своем кишлаке. У Кор-оглы когда-то было несколько юрт, своя маслобойка, своя мельница и до сих пор еще сохранился целый ряд припрятанных им всевозможных припасов вплоть до золотых вещей. Социальная физиономия этого «авторитета» более чем ясна. Это крупный бай, еще и сейчас после своего разорения сохранивший свой былой престиж, отчасти экономический, отчасти политический. По всей вероятности он был одним из наиболее близких советников Якши-Гельды, а свое влиятельное положение в кишлаке он приобрел еще во время хивинского хана. Здесь мы имеем прямую последовательность — баи были основной социальной силой в хивинские времена и закрепили свой социальный вес организацией племенного ханата.

Салакской физиономии Якши-Гельды несколько противоречит то обстоятельство, что за ним шла группа остальных крупных родовых подразделений иомудов. Но здесь родовой принцип как бы пересекается принципом экономическим. Центр власти и влияния салакского кандидата на иомудский ханат находился в области старинного земледелия главным образом на территории современного 4-го аулсовета, и, если намечать экономическую характеристику борьбы Якши-Гельды с Джунаидом, то к принципу родового разделения придется добавить противоположение плотно осевшего на землю земледельца с интенсивной культурой, — отчасти чистому кочевнику, отчасти недавнему земледельцу, с одной стороны, еще завидующему привольной жизни скотовода-кочевника, а, с другой, простирающему свои жадные глаза на издавна обработанные и хорошо и систематически орошенные области старинного земледелия. В этом отношении Куня-Ургенчский район с его различением западных аулсоветов — 2-м и 5-м восточным, т. е. 3-м, который довольно разнообразен по своему национальному составу, и 4-м, в достаточной мере характеризует конкурентную борьбу салакского и орсукчинского предводителей. Может быть, даже относительная слабость

Якши-Гельды находит свое объяснение в сравнительной малочисленности иомудов, сидевших на территориях интенсивного земледелия. Курьезно только одно — у Якши-Гельды хозяйственный прогресс сожительствовал в некоторых пределах с родовым консерватизмом, а у Джунаида родовая разрозненность в некоторых районах его влияния была соединена с экономической отсталостью — явление вполне возможное в моменты деформирования определенной социально-экономической формации.

На этом социальном фоне довольно отчетливо и четко выделяются контуры военной организации, возглавляемой Якши-Гельды. В состав его военной дружины входило около 500 джигитов, сравнительно внушительная сила для Средней Азии, разделенных на отряды, приблизительно по 50 чел. в каждом. Во главе каждого отряда стоял атлыбаши. Все эти отряды были довольно однородны по своему родовому составу — их огромное большинство состояло из салаков с ничтожной примесью орсукчей, почему-либо не присоединившихся к своему родовому вождю, Джунаид-хану. Таким образом вся территория, находившаяся в зависимости от Якши-Гельды, была оккупирована 10 отрядами его джигитов, связанными со своим ханом экономическими отношениями. Впрочем, было бы не совсем правильно рассматривать взаимоотношения Якши-Гельды с его джигитами исключительно с точки зрения экономики. Можно довольно отчетливо наметить две линии в их общественных связях. С одной стороны, это была линия личной зависимости — вассалитета, связавшая салакского вождя с наиболее смелыми и предприимчивыми родовичами, обладавшими хорошим конем и оружием, с другой, здесь намечался прообраз будущих, но не осуществившихся бенефициальных порядков.

Нам уже пришлось отметить, что салакское байство содержало своего ставленника экономически, периодически передавая в его распоряжение различные сельскохозяйственные припасы. Эти припасы в значительной степени шли на содержание его comitatus'a, его военной дружины, но этим доходом Якши-Гельды еще не был ограничен. Совершенно несомненно, что временный симбиоз организовавшейся советской власти с Якши-Гельды был вызван внимательным учетом целого ряда вполне конкретных мотивов и в числе последних наиболее важным был мотив борьбы против более укрепившегося в своем положении вождя орсукчей, Джунаида. Действительно, Якши-Гельды и по причинам родового характера, и по наследству вел перманентную борьбу со своим страшным соперником. Эта борьба, вылившаяся в форму мелкой партизанщины и взаимного ограбления поддерживавших каждого из иомудских ханов кишлаков, имела своим результатом захват большей или меньшей добычи, служивший одним из основных источников дохода для Джунаида и Якши-Гельды. Этот доход — и в этом свидетельства туркмен не только единодушны, но и исполнены своеобразного уважения к своим племенным вождям, делился Якши-Гельды между своими джигитами. Иомудский предводитель привязывал к себе своих дружинников

не только регулярным дележом натуральных поборов с населения, но и разделом военной добычи, в получении которой каждый из джигитов-дружинников был естественно заинтересован. В этом разделе Якши-Гельды по еще живущей традиции иомудов, был «справедлив», равно как и джигиты старались о большем количестве захваченного их набегами добра. Само собой разумеется, что при длительном существовании власть салакского вождя вылилась бы в более или менее упроченные формы первобытно-феодального государства. Но власть Якши-Гельды уже в своем возникновении носила в себе корни грядущего разложения. Полагавшийся только на свои силы Оч-Мамед принужден был помириться с Джунаидом и только приход красных войск вывел его из состояния зависимости от Джунаида. Якши-Гельды, правда, имел за собой более прочную базу в виде поддерживавшего его салакского байства, и может быть, был бы способен на более длительную и упорную борьбу с Джунаидом, но в то же время он был и орудием в руках организовавшейся в Хорезме советской власти, которая только до поры до времени могла выносить рядом с собой существование этой формы раннефеодального властвования. Поэтому рост и консолидация советской власти в Хорезме были не только началом новой эры на территории бывшего хивинского ханства, но и ликвидацией запоздавших побегов с древа разложения родовых и роста ранне-феодальных отношений среди иомудов.

СОБАКОВОДСТВО ГИЛЯКОВ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Е. А. Крейнович

Собака — первое животное, приручeнное человеком. Собака — единственное домашнее животное гиляков. Трудно представить себе гиляцкое жилище или селение без собак. Собаки выполняют у гиляков роль упряжных животных и, кроме того, дают им теплый мех для одежды. Мясо собак гиляки едят. К собакам относятся бережно, использовывая их в работе, а непригодных для этой цели откармливают и душат; мясо съедают, а шкуру употребляют для зимней одежды, шубы и наголеников (раń').

Душат собаку таким образом. На шею надевают ременную петлю, затягивают ее на затылке и привязывают свободный конец ремня к воткнутой в землю жерди. Четверо человек берут лапы собаки, каждый по одной, а пятый берет хвост и втыкает ей в заднепроходное отверстие завернутый в траву конец палки, дабы во время удушения не произошло извержения кала. Все тянут собаку за лапы и хвост в одну сторону до тех пор, пока собака не задохнется в стянувшей ей шею петле. Задушенную собаку вынимают из петли, переворачивают на спину, острым ножем делают надрез на шкуре от нижней губы до заднепроходного отверстия, затем от этого надреза проводят надрезы вдоль каждой из лап и только тогда приступают к освежеванию, снимают с нее шкуру, и по определенным правилам разрезают на отдельные части. Шкуру собаки растягивают для сушки на четырехугольной раме, связанной из четырех палок. Когда шкура высыхает, ее снимают с рамы и свертывают в трубочку мехом внутрь.

Обработка собачьей шкуры весьма примитивна. При помощи костяного скребка, изготовленного из оленьей ноги, с собачьей шкуры сдирают мездру. Ободранную от мездры шкуру увлажняют соленой водой, снова свертывают ее в трубку и долго мнут руками, пока она не станет мягкой. После этого очищают от жира мех. Для этого шкуру посыпают гнилушками и трут ими волосы. Гнилушки постоянно меняют, пока не очистят весь волос от жира.

Если шкура собаки и используется ее хозяином целиком, то мясо ее он никогда не съедает сам. Сварив собаку, он приглашает соседей по деревне,

угощает их лакомым мясом, дает по кусочку унести с собой, а остатки доедает с семьей сам. Гиляки, питающиеся почти исключительно рыбой и в приморских местах нерпой, редко едят мясо сухопутных животных. Последнее является для них большим лакомством, в особенности мясо собаки. Некоторые гиляки говорили мне, что мясо собаки вкуснее оленьего. Как-то раз, в Чайво, я наблюдал, как гиляки ели мясо сваренной ими лисицы-кормленки. Причем говорили мне, что мясо ее отвратительно.

Уход за ездовыми собаками и воспитание их требует большой затраты труда и времени. Собак нужно на зиму обеспечить конурой и кормом. Больше всего хлопот и забот доставляет последнее. Корм собак — рыба и тюлений жир. В летнее и осеннее время, особенно во время хода горбуши и кэты, собак легко прокормить: ходовая и местная рыба прекрасный свежий корм. Хуже обстоит дело с кормом зимой, когда собак приходится кормить сухим костным остовом рыбы. Кормят собак похлебкой из вареной рыбы один раз в день, летом в предвечернее время, а зимой — в полдень. Летом похлебка варится из свежей рыбы, а зимой — из сухих рыбьих костных остовов и голов. В летнее время, в виду обилия рыбы, стараются хорошо кормить собак, чтобы укрепить их силы для зимней работы, не допуская их в то же время до ожирения. Жирная собака быстро утомляется от бега и перестает тянуть нарту. Летом, кроме похлебки из рыбы, собакам дают пить один-два раза в день холодную воду. Летом, до самой поздней осени, собаки почти бесполезны гилякам. Днем часть из них бродит по тайге, по берегам речек, моря в поисках пищи, выброшенной на берег рыбы и пр., и возвращается к вечеру домой. Увидев отдыхающую на берегу моря нерпу, опытная собака бросается на нее, загрызает и наедается до отвалу. Не пробегают собаки и мимо человеческих испражнений. Увидев испражняющегося человека, они усаживаются на расстоянии 10 — 15 шагов от него в ожидании его ухода. Первая подбежавшая к испражнениям собака обыкновенно и поедает их, если ее не прогонит более сильный соперник. Иногда они вступают между собою в борьбу из-за этих лакомых для них остатков.

В зимнее время собаки худеют от езды на нартах и ограниченного корма. На каждую собаку в зимний день приходится костный остов одной рыбы. Зимой, когда собаки находятся в дороге, их кормят два раза в день. Один раз днем во время остановки для отдыха, а другой раз — вечером на ночлег. Если у гиляка есть много корму, он дает собакам каждый раз по целому скелету рыбы, а иногда и по куску тюленьего сала. Если же корму мало, он делит рыбу на две части и дает собаке половину рыбы днем, а половину вечером. Во время езды собаки вместо воды употребляют снег, который во время бега хватают по сторонам дороги. Сухой пищей собак кормят только во время зимней езды. Когда же собаки находятся дома, их непременно (и летом и зимой) кормят вареной пищей. Варка пищи собакам — занятие женщины; зимою, в юрте, в большом подвесном японском котле,

женщина из сухих рыбьих голов и скелетов варит жидкий суп. Сварив его, она дает ему остыть и растирает руками неразварившиеся рыбьи кости и головы на мелкие части. Вылив часть размельченного супа в корыто, женщина подливает туда одну-две кружки тюленьего жира,[1] размешивает его палкой и приступает к кормлению собак. Сперва кормят упряжных собак. Дети, которым обыкновенно поручают это дело, выбегают на улицу, отвязывают собак, выводят их из конуры и, крепко удерживая их за ремень, стремглав бегут с ними к дому. Ворвавшись в дом, собаки, толкая друг друга, с огромной жадностью набрасываются на пищу, стараясь как можно больше проглотить долгожданного живительного супа. Из одного корыта едят 5-6 собак сразу. Собак удерживают за ремни. Если собака во время еды огрызнется на свою соседку, то ее сильно бьют палкой по голове или спине. Когда собака, по мнению удерживающего ее за ремень, насытилась, ее оттаскивают от корыта, выводят на двор и привязывают на место. Наесться до отвалу собакам не дают. Место уведенных собак занимают другие. Опорожненное корыто снова наполняют супом, доливают одной-двумя кружками тюленьего жира и т. д., пока не накормят всех собак. Кроме этого корма, собакам зимой один раз в день в предвечернее время дают теплую воду, размешанную с сухой икрой, чтобы они меньше худели от холода. Поят собак в конуре.

Летом большая часть ездовых собак находится вблизи дома на привязи, а остальные бродят по селению тайги в поисках пищи. Собаки привязываются к шестам, поставленным в один ряд на равных друг от друга расстояниях, чтобы они не могли между собою грызться. Около каждого шеста имеется вырытая собакой ямка, в которой она спит, свернувшись в клубок. Испражняются собаки, отходя в сторону на всю длину удерживающего их ремня. Зимою, собакам, привязанным к этим шестам, каждый день, постилают на снег сухую траву. К подобного рода шестам или елочкам собаки привязываются на Охотском побережьи Сахалина. По р. Тыми и Татарскому побережью Сахалина собаки привязываются к длинной жерди, укрепленной на врытые в землю столбики. Высота столбиков не превышает 1 *м*. Собаки привязываются к длинной жерди ремнями на равных друг от друга расстояниях. Часто к длинной жерди, с одной ее стороны, прислоняют под косым углом сравнительно короткие палки и покрывают их корой. Под таким покрытым корою навесом собаки находятся всю зиму. Летом они спят под навесом на земле, а зимою — на сухой траве, постилае-

---

[1] Жидкий тюлений жир добывается из сгноенного сала нерпы. Его разрезают на куски и складывают в бочку, в древнее время в корыто кеč, и ставят в теплое место. Из разлагающихся кусков сала вытекает жидкий жир, светлого или темножелтого цвета, в зависимости от возраста и породы нерпы. Чем моложе нерпа, тем прозрачнее и светлее ее жир. Жидкий жир вливают в высушенный желудок нерпы, а остатки жировой ткани отдают собакам. Перед сушением, желудок нерпы надувают. Вытапливать нерпичий жир на огне нельзя.

мой на снег. На Охотском побережьи Сахалина, от Ныйво до Кекрво, собак зимою держат в специальной конуре, называемой ǩanraf — собачий дом. Конура устраивается на довольно большом участке земли, очищенном от дерна. К квадратной раме, укрепленной на четырех врытых в землю столбах, под косым углом прислоняют в один ряд шесты, жерди, бревна, покрывают их густо сухой травой и, чтобы последняя не спадала, наваливают на них второй ряд бревен. Получаются четыре стены, из двух рядов бревен каждая, проложенные внутри толстым слоем сухой травы. Таким же образом утепляется и крыша. Квадрат, образовываемый внутри конуры четырьмя столбами, выделяется четырьмя врытыми между столбами в землю планками. Площадь внутри квадрата является местом для испражнения собак, площадь вне квадрата, от планок до стен конуры, является ложем собак, регулярно устилаемым сухой травой и соломой. В конуре собаки привязываются к колышкам, вбитым вдоль линии планок в землю, или к жердям, прибитым между столбами на высоте $^1/_2$ *м* от земли. Высота такой конуры равна человеческому росту, площадь — 4 — 3 *м*^{2}, а вместимость от 15 до 20 собак. Собаки ночуют в конурах, а днем их выводят и привязывают к шестам kapyŋ ikr, о которых мы уже говорили выше. Во время буранов собаки и ночью и днем находятся в конуре.

Сука и щенята находятся в отдельной специально для них построенной конуре. Эта конура представляет собой яму площадью 1 *м*^{2}, а глубиною в $^1/_4$ *м*. Над этим углублением из палок и досок устраивается конусообразная крыша, засыпаемая сверху землей. Суку кормят отдельно от всех собак, также один раз в день. Суку кормят лучше других собак, особенно в период выкармливания щенят. Несмотря на это она всегда имеет жалкий и истощенный вид. Она всегда голодна и рыщет вокруг домов в поисках пищи. Щенят самок гиляки повидимому не особенно ценят; они дают им подрасти, чтобы у них была хорошая шерсть, а затем душат. Щенят самцов гиляки убивают в том только случае, если они малосильны и непригодны для езды. Щенят рано приучают к ошейнику. Обыкновенно их держат в доме в ошейниках попарно, привязанными к наре. Когда возраст щенка достигает 6 мес., его впрягают вместе с другими обученными собаками в нарту. Для того чтобы им не было очень тяжело, их впрягают в самую последнюю пару ошейников. Обыкновенно щенки изо всех сил тащат нарту, превосходя в своем рвении всех других впряженных в нарту собак. Сперва их впрягают на близкие, а потом и на более дальние расстояния. Обучение упряжной собаки начинается с того, что ее впрягают в последнюю обыкновенно четвертую пару ошейников. Когда она привыкает к езде, ее перепрягают в третью пару ошейников, потом во вторую пару и, если собака очень сильна, ее впрягают в первую пару ошейников. Самые сильные собаки впрягаются в первую пару ошейников, а более слабые в середину или в последнюю пару. Передовик непременно должен быть сильной собакой. Если обученная собака пригодна для того, чтобы из нее можно было сделать передовика,

ее впрягают в первую пару ошейников, откуда она имеет возможность наблюдать за передовиком. Так поступал мой проводник гиляк Семен из Чайво. Обучаемую собаку Семен часто впрягал вместе с передовиком, чтобы она приучалась искать вместе с ним дорогу и привыкла подчиняться окрику погонщика. Постепенно на хорошо наезженной дороге Семен пускал на короткие расстояния эту собаку одну, впереди всей упряжки, в качестве передовика. Обучить передовика может не всякий гиляк. Определенных правил такого обучения не существует, они зависят от индивидуальности гиляка, обучающего собаку.

Когда щенята самцы подрастают настолько, что становятся способными к половой жизни, их всех кастрируют. В операции кастрирования принимают участие пять человек. Собака переворачивается на спину, голова ее, перехваченная ремнем, привязывается к двум палкам, воткнутым по обеим сторонам шеи собаки в землю. Скрестив палки, гиляки прижимают шею и голову собаки к земле и двое других гиляков держат ее за задние лапы и свободными руками за передние лапы, растягивая их в сторону, а пятый гиляк с ножом в руках приступает к операции кастрирования, называемой esxej-gusind — вынимание яичек. Зажав мошонку в руке, гиляк остро отточенным ножом делает на ней поперечный надрез. Вырезав выскочившие из мошонки собаки яички, гиляк плюет несколько раз в образовавшееся в мошонке отверстие. Затем собаку освобождают, водят взад и вперед по селению и заставляют немного бегать. После этого ее привязывают на место. Кастрированную собаку несколько раз в день водят на ремне по селению и заставляют бегать, чтобы избежать неправильного срастания мошонки и застоя крови. В воду кастрированную собаку не пускают, чтобы, у нее не загнила рана. Операция кастрирования большей частью проходит бескровно. Все ездовые собаки непременно должны быть кастрированы. Кастрированные собаки менее агрессивны и более сильны в работе.

Для завода каждый гиляк оставляет одного самца, взятого от другой суки, так как кровосмесительства гиляки не допускают ни в среде людей, ни в среде собак. [1] Помимо кастрирования всем ездовым собакам отрезают хвосты. Гиляки говорят, что если у собаки после этого вытечет много крови, то она после этого долго не болеет.

Лечат собак от разных болезней по-разному. Наиболее распространенным способом лечения является кровопускание. Молодые собаки, впряженные впервые в нарту, тянут ее всеми своими силами. Часто после этого у них болят сочленения передних лап и шея, т. е. места, где был надет ошейник. Гиляки, для того чтобы облегчить боль и вылечить, делают на этих местах надрезы ножом и выпускают кровь, вообще они надрезают кожу на тех местах, где собакам больно. Зимой во время сильных морозов от долгого бега по твердому снегу у собак начинают болеть конечности лап, они как

[1] Л. Я. Штернберг. Гиляки.

бы припухают и ногти собак начинают торчать несколько вверх — takын, ывd. Гиляки надрезают кожу повыше ногтей и выпускают кровь, чтобы вылечить лапы. Гиляки Охотского побережья стараются как можно меньше ездить по голому незанесенному еще снегом соленому льду заливов. Они говорят, что незанесенный лед и сильный мороз хуже огня для лап собак, и действительно мне приходилось наблюдать, как после нескольких часов езды по такому льду на лапах собак образовывались кровоточивые ранки. Весной, реже осенью, когда тает и подмерзает снег, острые льдинки режут собакам ноги и тогда гиляки Охотского побережья обувают собак в специальную обувь из мягкой кожи. Видеть подобного рода обувь мне не удалось.

Если собака заражается глистами, то гиляки кипятят крошеный богульник — takr и дают собаке выпить отвар, после чего она по их словам освобождается от глистов; если у собаки кашель и опухает горло, то гиляки лечат ее магическими средствами, берут волокна ǩan his'k — собачьей крапивы или ǩanыŋ hil'x pl'anǩ лист — собачий язык и навязывают ей их на шею; если собака подавилась рыбьей костью, то ей за ошейник привязывают кусочек рыболовной сети. Рану у собаки мажут смолой (t'ox) ели или черемухи. Бешенство собаки гиляки объясняют тем, что в нее вселяется злой дух. Про бешеную собаку говорят, что в нее kinǩ teγnd — злой дух вошел. Убивают ударом простой палки, которую вместе с собакой выбрасывают в тайгу. Палку, которой убили бешеную собаку, у себя не хранят, иначе сбесятся остальные собаки.

Переходя к описанию езды на собаках у гиляков, надо отметить, что нарту и упряжь, описанные Л. Шренком, я у современных гиляков уже не нашел. Собачьи нарты и упряжь у современных гиляков совершенно отличны от таковых у гиляков старинных. Так, во-первых, старинный гиляцкий потяг — пиč изготовлялся из трех тюленьих ремней, скрученных вместе. В современной упряжи роль такого потяга исполняет обыкновенная конопляная веревка. Кроме того, старинный потяг был значительно длиннее современного. Во-вторых, ошейники в старинной упряжке укреплялись не попарно, как в современной упряжи, а отдельно на равных друг от друга расстояниях с одной и с другой стороны потяга. В связи с этим, в старинной упряжи собаки бегали не попарно, а одна вслед за другой, по одной, по обеим сторонам потяга. Величина ошейников для собак в старинной и современной упряжи значительно отличаются друг от друга. В маленьком старинном ошейнике собака тащила нарту больше шеей, нежели грудью; в современном, значительно большем ошейнике — и шеей и грудью. Кроме того, современный просторный ошейник имеет специальный ремешок, который надевается собаке за ее передними лапами, чтобы она не могла его сбросить. Что касается старинной гиляцкой нарты, то в настоящее время ее совершенно вытеснила грузовая нарта коряцко-камчадальского типа.

Развитие извозного промысла в низо вьях Амура и на Сахалине —причина этой замены. Нарта коряцко-камчатского типа по сравнению с старинной гиляцкой нартой имеет следующие преимущества, важные для извоза; на нее может быть положено до 200 *кг* поклажи, затем она значительно шире гиляцкой нарты, так что труднее опрокидывается и не требует того, чтобы на ней сидели верхом, с лыжами на ногах и двумя тормозами, наконец она имеет дугу, которая значительно облегчает управление нартой. Не считая нужным повторять известные описания гиляцкой и коряцкой нарты, я укажу только на важнейшие отличия в их устройстве и в способах прикрепления к ним упряжи.

Старинная гиляцкая упряжь прикреплялась к нарте таким образом: конец потяга привязывался к планке второй пары копылок. К дуге же потяг прикреплялся не непосредственно, а при помощи специального сравнительно длинного соединительного ремня. Передняя и задняя дуги в старинной гиляцкой нарте прикрепляются к полозьям не плотно, а подвижно, что придает ей большую эластичность. В современной гиляцкой нарте коряцко-камчадальского типа дуга прикрепляется к полозьям неподвижно. От нарты старого типа в ней сохранилась перекладина, соединяющая передние концы полозьев. Упряжь привязывается сперва к дуге, потом к перекладине, причем привязывается таким образом, что задний конец упряжи 3 *м* длиной остается свободным. Этот свободный конец необходим для того, чтобы привязывать нарту во время остановок к дереву.

Основным отличием нарты гиляцкого типа от коряцко-камчадальской является то, что гиляцкая нарта склеена при помощи клея, вываренного из кожи кеты или тайменя и в некоторых местах скреплена при помощи деревянных лиственных гвоздей. Ремень не играет никакой роли в скреплении старинной гиляцкой нарты, за исключением прикрепления дуги к полозьям. Коряцко-камчадальская парта, наоборот, скреплена исключительно при помощи ремней, сделанных из шкур морских животных. Деревянные гвозди и клей не играют никакой роли в скреплении этой нарты. — Это различие заставляет предположить, что гиляцкая нарта происходит из лесного континентального района, а коряцко-камчадальская нарта имеет повидимому приморское происхождение. Между прочим, легкость гиляцкой нарты и малая ее ширина по сравнению с нартой коряцко-камчадальского типа, незначительная площадь трения полозьев о снег и двухсторонняя загнутость свидетельствует о ее большей пригодности для продвижения по лесу, ухабам и кочкам.

В нарту обыкновенно впрягают 9 собак, реже 11. Семь, а иногда и пять собак впрягают неимущие гиляки. Самыми красивыми считаются черные собаки. Восемь черных собак и белый передовик — самая красивая упряжка по словам гиляков. В действительности же собачьи упряжки пестры. В собачью нарту впрягаются белые, черные, серые, пятнистые и др. собаки. Запряженные в нарту собаки всецело подчиняются передовику, который в

свою очередь подчиняется погонщику. Без кнута, а одним только окриком заставляет погонщик первую собаку бежать в любом направлении. Čыj, čыj... кричит погонщик и передовик, а за ним и все собаки поворачивают направо. Окрик ǩха, ǩха... заставляет передовика повернуть налево, а окрик ta, ta... бежать вперед. Если передовик не повернул в нужном направлении, гиляк тормозом замедляет скольжение нарты и кричит передовику, чтобы тот повернул в нужную сторону, сопровождая иногда эти крики крепкой руганью. Останавливают нарту тормозом и криком roǩ, roǩ... Часто во время езды ленивая собака перестает тянуть нарту и просто бежит в упряжке. У ретивых собак ремешок, которым они тянут потяг, бывает сильно натянут, а у ленивых этот ремешок сгибается и висит. Заметив по этому признаку ленивую собаку, погонщик окриком или руганью заставляет ее снова натянуть потяг, если же это на собаку не действует, тогда он соскакивает с нарты и на бегу, держась левой рукой за дугу нарты, старается ударить верхним концом тормоза лентяйку. После этого она тянет нарту наравне с другими собаками. Если же видно, что собака устала, останавливают нарту и перепрягают ее в задний ошейник. Иногда, правда очень редко, случается, что собака, во время езды, падает мертвой или с переломанной лапой. Гиляки говорят в этих случаях, что это milk xand — злой дух в собаку выстрелил и что если посмотреть у умершей таким образом собаки сердце, то на нем окажется ранка. Один гиляк мне говорил, что если горному духу, в особенности злому духу, понравится та или иная собака, то он ее может убить, для того чтобы взять себе. На нарте можно ехать только по крепкому снегу. По рыхлому снегу собаки не могут тащить нарты, они проваливаются и не могут бежать. Если ждать затвердения снега по каким-либо причинам невозможно, то один гиляк идет на лыжах впереди нарты и прокладывает собакам дорогу, а другой сидит на нарте и управляет собаками. Первый нартовый путь, напр., от Чириво до Ныйво, расстоянием более чем в 120 *км*, прокладывают несколько нарт. В этом случае впереди первой нарты на лыжах идут несколько гиляков.

Собака, как упряжное животное, имеет большое значение в гиляцком хозяйстве. Зимою на них часто привозят дрова и ездят к летникам за юколой, жиром и другими пищевыми припасами, хранящимися в амбарах. На западном побережьи Сахалина собак на сравнительно длинном потяге впрягают даже в лодку. Потяг привязывают к носовой части лодки, к борту, обращенному к берегу. Собаки бегут по берегу у самого края воды. Регулирование движением лодки зависит от рулевого. В суровых зимних условиях существования гиляков собака способствует оживлению социального общения представителей различных гиляцких родов, разъединенных большими тяжело преодолимыми в летнее время расстояниями. На нартах, запряженных собаками, гиляки в зимнее время легко преодолевают большие расстояния и, приезжая друг к другу в гости, обмениваются новостями и подарками, укрепляя дружеские индивидуальные и родовые связи.

Большую роль в общественной жизни гиляков играли состязания на собаках, устраивавшиеся в зимнее время между представителями различных родов не далее 40 — 45 лет тому назад. На Охотском побережьи Сахалина эти состязания совершались даже на протяжении 60 *км* между селениями Чайво и Ныйво. В одно время выезжали из Чайво несколько праздничнo разукрашенных нарт. Путь их лежал через Лярво, Тыглвыч, Такрво до Ныйво. Не всегда конечно гиляки брали своим конечным пунктом Ныйво. Доехав до условленного места, гиляки поворачивали назад и мчались обратно. Побежденного гиляки встречали с прутьями в руках и били его собак, чем повергали его в большое смущение. Такие состязания устраивались также во время медвежьего праздника. Большое значение на медвежьем празднике имеют беговые состязания собак, впрягаемых в общий потяг. На эти состязания некоторые гиляки дают своих лучших собак. Гиляки, собаки которых выходят победителями на бегах, гордятся их обладанием.

Собак, участвующих в бегах на медвежьем празднике, запрягают в упряжку старого, а не нового типа. Религиозная идеология консервативна и требует сохранения всех старых деталей религиозного празднества. Описание бегов привожу из дневника, из своих наблюдений медвежьего праздника в сел. Ванрискво, в 1928 году.

4 февраля, рано утром, гиляки близлежащих деревень Чайво и Агиво потянулись к Ванрискво поглядеть на беговые состязания собак (ǩan leǩrd, буквально — играть в собак). Площадку для бега собак гиляки устроили на льду залива, невдалеке от дома Мизгуна, хозяина медвежьего праздника. У старта и у финиша площадки гиляки поставили по елочке, которые очистили от нижних ветвей и украсили «инау». Старт и финиш площадки всегда располагаются так, что собаки бегут по направлению к дому хозяина медвежьего праздника.

Перед тем как потащить собак на старт, гиляки ввели их в дом к Мизгуну, усадили на нару и бросили в огонь несколько зеленых веток ели. Мизгун мне сказал, что перед бегами собакам полезно подышать смолистым запахом ели. После этого, собак вывели из дома, впрягли в длинный потяг и повели к старту. К потягу привязали маленькую нарту нового типа, так как нарт старинного типа у чайвинских гиляков не сохранилось. Нарту вместе с впряженными в нее собаками привязали к стартовой елочке. Когда собаки были повернуты по направлению к финишу, на нарту сел взрослый гиляк. Воткнув между колышками нарты тормоз, он громко крикнул собакам «ta, ta». Услышав погонный крик, собаки встрепенулись и сильно натянули потяг. В это время несколько гиляков быстро подошли к собакам и поправили на них ошейники. Гиляки отошли в сторону и снова громкий окрик «ta, ta» заставил собак встрепенуться. Собаки поднялись на задние лапы и рванули нарту. Крепко удерживаемая тормозом гиляка и привязью к елочке нарта не сдвинулась с места. В это время один из гиляков быстро

выпустил на площадку собаку, которую он до этого времени удерживал за ремень. На тонкой длинной веревке у ошейника собаки была привязана черная рукавица. Собака быстро помчалась к финишу, волоча ее по снегу. Это был пущен к̌ах — для раздразнивания и побуждения собак к бегу. Гиляк, сидевший на нарте, моментально отвязал от елочки потяг и вытянул тормоз. С бешеной быстротой понеслись собаки вслед за убежавшей к̌ах. Растянувшись цепью вдоль дороги пробега собак, гиляки внимательно следили за их бегом. Показателем того, хорошо ли или плохо собака тянет нарту, является ремешок, которым укреплен ошейник собаки к потягу. Если этот ремешок был сильно натянут, то это означало, что собака тянет нарту хорошо и не отстает от других собак. Если же ремешок ослабел, то это означало, что собака отставала от лучших собак упряжки. Сразу же по окончании пробега такую собаку выпрягают и больше не пускают в бега. Когда собаки добежали до финиша, гиляк затормозил нарту. Молодежь отвела собак в собачью конуру и больше в этот день в бега их не пускали...

5 февраля, рано утром, снова пришли из соседних деревень гиляки поглядеть на беговые состязания собак. Снова растянулись они вдоль белоснежной площадки пробега в одиночку и группами, оживленно беседуя в ожидании пробегов. Недолго подержав собак в доме, в смоляном дыму сгоревшей зеленой ели, гиляки вывели их на улицу, запрягли и потащили к старту. Собак в упряжке было меньше, чем вчера, ибо собаки, оказавшиеся негодными, не были в нее впряжены. Когда собак, вместе с нартой, привязали к стартовой елочке, на нарту сел мальчик лет шести и проехал на ней через всю площадку. Во второй раз собаки бежали без нары, взамен нее к концу потяга была привязана шкура с медвежьей головы. Внутри шкуры находилось «инау».[1] Впереди были пущены, на этот раз, две собаки к̌ а х, волочившие за собой по рукавище для раздразнивания бежавших позади них собак. Собаки быстро пробежали до финиша, где были пойманы гиляками, которые увели их в собачью конуру. Больше в этот день собак в пробег не пускали.

На следующий день, рано утром, гиляки устроили последний пробег собак. Состязались лучшие собаки. Бежали они в одной только упряжи, так как к потягу ничего на этот раз не было привязано. Лучшими собаками оказались две собаки Моклея.

Большу ю роль играет собака в обменном дарении гиляков. Дарение в той форме , в какой я его наблюдал у гиляков, в основе своей является обменом. Гиляки из разных районов одаривают друг друга преимущественно теми предметами потребления, которых нет в одном районе, но которые имеются в другом. Так, например, у гиляков долины реки Тыми всегда имеется много юкалы и волокон крапивы для ниток, а у гиляков Охотского побережья имеется много нерпичьей кожи и жиру. Этими предметами они

[1] Инау — стружки, выполняющие роль посредников между людьми и духами.

часто взаимно одаривают друг друга, когда приезжают из одного района в другой. Гиляки Луньского залива одаривают приезжающих к ним гиляков семенами his'кыч, из которых они варят кашу, а гиляки западного побережья Сахалина одаривают их рич морской капустой. Безвозмездного дарения нет. Подарок должен быть непременно возвращен вещами, отличными от подаренных; возвращать подарок теми же вещами считается неприличным. Возвращаемый подарок должен быть по своей стоимости, примерно, равен полученной вещи. У гиляков почти все вещи имеют определенную цену. Так, обыкновенная нартовая собака стоит 3 čalrand, очень хорошая нартовая собака стоит 4 čalrand. Обыкновенный передовик стоит 5-6 čalrand, самый хороший передовик стоит 7-8 čalrand.[1]

Если, гиляк подарит другому гиляку собаку, не попросив при этом обратно ошейника, надетого на шею собаки, то возвратить немедленно этот ошейник считается неприличным. Ошейник возвращается позже, через месяц или даже через год, причем в него непременно завертывается ответный подарок, состоящий из каких-либо вещей, но только не собаки, и передается в таком виде в руки владельца этого ошейника. Если подарена одна собака, то ответный подарок может быть даже ниже стоимости подаренной собаки, если же подарены две, три собаки или вообще подарена бóльшая по стоимости вещь, то ответный подарок по своей стоимости всегда бывает крупнее полученного подарка. Большой подарок оказывает большую помощь, поэтому ответный подарок в признательность за нее возвращается в еще большем размере. Гиляк, получивший подарок, знает уже, какой стоимости должен быть равен отдарок. Собаки являются распространенным средством обмена и дарения у гиляков; за собак можно выменять лодку, тюленьи шкуры и жир, волокна крапивы для невода в старое время, серебро и шелка, служащие для выплаты калыма, и, наконец, за хороших нартовых собак можно в известных случаях купить даже жену. По количеству и качеству имеющихся у гиляка нартовых собак можно часто определить, богат ли хозяин этих собак или нет. Богатый гиляк часто имеет на две, а иногда и на три упряжки нартовых собак. Обыкновенно эти лишние упряжки используются его сыновьями. Бедняк не имеет обычно даже одной полной упряжки собак. Когда такому гиляку надо куда-нибудь ехать, он берет у других недостающее ему количество собак и возмещает потом эту помощь точно такой же услугой. Количество собак—один из второстепенных признаков определения социально-имущественной дифференциации гиляков.

Собака, как мы отмечали выше, представляет собою большую ценность в хозяйстве гиляков и является распространенным среди них предметом дарения и обмена. Как таковая, она фигурирует и во взаимоотношениях гиляков с духами гор и моря. Духи такие же реальные для гиляков существа, как

---

[1] По Л. Шренку, čalrand — китайская денежная единица, заимствованная гиляками в результате торговых сношений с китайцами, равна 3 русским рублям.

и они сами, и поэтому свои отношения к ним гиляки строят по образу и подобию своих взаимоотношений. Гиляки вступают с духами в обменное дарение, так же как и между собой. «Гиляк, всегда приносит каждому богу в жертву лишь то, чего этот бог сам не имеет...» Ему нужны собаки, рыбы, табак, сахар, ремни, стрелы — их и дает ему гиляк,[1] получая взамен этого в силу принципов обменного дарения все ему необходимое от хозяев леса и моря, а именно: медведей, соболей, лисиц, выдр, рыбу, тюленей и т. д. Каждый раз после убиения медведя, на охоте, или зимой на празднике, гиляки в виде ответного дара убивают собак для горных духов. Часть собак дает охотник, убивший медведя, часть дает ηašq — приглашенный чужеродец, которому отдают мясо убитого медведя. Hašq приглашается также для убиения выкормленного медведя.

Члены рода, выкормившие такового, не имеют права ни убивать его, ни есть. Перед отъездом с медвежьего праздника, ηasq передает устроителям его несколько нартовых собак. Через несколько дней эти собаки, вместе с собаками устроителей медвежьего праздника, удушаются на месте убиения медведя хозяину гор. Мясо этих собак является большим табу и его едят только родичи устроителя медвежьего праздника. Рвать это мясо зубами нельзя, нельзя также есть это мясо обычным способом, т. е. держать его в зубах и отрезать от него куски, проводя возле губ ножом, ибо эти собаки принадлежат уже горному человеку. Мясо таких собак осторожно разрезается на доске и в разрезанном на мелкие кусочки виде съедается. Кости и черепа этих собак прячутся в особую клеть или в ту, где находятся кости медведя.

Если охотника долго преследует неудача, то он устраивает жертвоприношение духам, т.е. посылает подарок, ожидая, в силу принципов обменного дарения, ответного дара. Так, если охотника за тюленем долго преследует неудача, то он бросает в море морским духам кусочки мось (угощение, сделанное из вареной кожи кеты, тюленьего жира и ягод) и убивает для них собаку. Если убить собаку жалко, говорил мне Курчук из Чайво, то тогда надрезают ухо посвященной хозяину моря собаки — tol'niglan хапыη (см. ниже), обмазывают ее кровью траву k̆oηγoη и ветки тальника, ольхи или другого дерева и бросают в море. Душа собаки, говорил Курчук, все равно пойдет к хозяину моря и потащит харчи,—так он называл жертвенные угощения. Кровь, как вместилище души, в данном случае замещает самую собаку.

Если горный или морской дух сердится на гиляка или хочет от него что-нибудь получить, то гиляк заболевает. Если заболевшему не помогает Zixыnd и он долго не выздоравливает, то тогда, в первую очередь, убивают собаку хозяину гор — palroxankund, если же и это не помогает, то убивают собаку хозяину моря, tolroxankund.

[1] Л. Я. Штернберг, Гиляки, стр. 66.

В этом случае к обменно-дарственным функциям собаки присоединяются функции заступника, ходатая по делам человека перед духами. Если для переговоров о примирении между родами гиляки, в особо важных случаях, посылают специального оратора xlajniγγvi, [1] то для примирения человека с духами гиляки убивают собаку, душа которой отправляется к ним с определенными поручениями от гиляков.

У соседей гиляков, айну, роль такого посредника между людьми и духами выполняет заструженное дерево, инау. Между прочим, при подобного рода жертвоприношениях гиляки говорят иногда kьs'ŋanəgnd — счастье, удачу ищем, так как им неизвестно, какой дух мучает их родича, и делом удачи является, попадает ли жертва к духу, причиняющему болезнь, или нет. Шаманов, которые могли бы это определить, в настоящее время на Сахалине нет.

Убиение собаки духам гор и леса, обыкновенно, устраивается следующим образом: срубив молодую елочку, гиляки очищают ее от коры и веток за исключением верхушек, и несут на ŋап'о — площадку для убиения медведей, к месту, где находятся кости убитых на медвежьем празднике медведей и другие принадлежности этого же праздника. Елочка втыкается около одного из четырех столбов помоста, на который помещают медвежью голову, шкуру и мясо. Настрогав обыкновенные инау, гиляки обмазывают их соком брусники и вешают на ветки елочки. Из дерева merlaŋ и kuiŋi — тальника, гиляки делают по две фигурки (čŋaj) — мужчину и женщину. В верху каждой фигурки гиляки настрогивают с одного боку стружки. Между этими стружками и деревом помещают несколько штук сараны и завязывают. Гиляки говорят, что это они pop vand — заплетают фигуре волосы. Эти четыре фигурки втыкаются возле елочки. Из высушенной пучки (aγs) связывают маленькую стилизованную фигурку медведя. Эту фигурку помещают на верхних ветках елочки. Это делается на тот случай, что, если выздоровевший гиляк пойдет весной на охоту, то, быть может, он поймает медвежонка, которого ему пошлет хозяин гор. Елочки и фигурки внизу обвязываются ремнем, которым по описанному выше способу удушается собака. Перед тем как приступить к удушению собаки, на шею ее надевают инау, за это инау горный дух ловит душу собаки, как гиляк за ошейник, собаку несколько раз ласково поглаживают по спине, голове и говорят следующее: «urlaf paškr tas' tas' pes'munkr pyšnax urlaf paskьnkr haraja» — хорошее только делай всюду, чтобы тебя любили, напоследок своему хозяину хорошее только сделай, т. е. хорошо служи горному духу и тогда быть может он перестанет мучить больного.[2]

После того как собака задушена, приступают к ее освежеванию. Ноги, голова, внутренности, за исключением сердца, оставляются на месте. Иногда

[1] Л. Я. Штернберг, Гиляки, стр. 103.

[2] Вот еще одно записанное мною обращение к собаке — urgur palrox vija, n'exlain ax mošxangja, tas' tas' tiŋ ǩondikavrgra — хорошо в гору иди, я говорю вот сделай здоровым (оживи), чтобы нигде не болело. В селениях Агниво и Най-нае при palroxankund

они вместе с костями складываются в клетку, где лежат медвежьи кости, или же в особую специально для собачьих костей устроенную клеть. Сердцем собаки кормят больного. Только после того как больной съест кусочек сердца собаки, могут приступить к поеданию мяса другие гиляки. Один гиляк так объяснил мне смысл такого жертвоприношения. «Собаку мы все равно на примирение отдаем, а она к горному человеку пойдет, скажет — ты моего хозяина не трогай, лучше меня возьми». Ну, а горный человек конечно ее послушает и гиляк выздоровеет.

Описание жертвоприношения собаки морским духам целиком привожу из своего дневника, так как оно было записано 12 ноября 1927 г. в с. Чайво. «Сегодня утром пришел ко мне старик Момзин и сказал: «ходи, смотри», и вышел. Я быстро оделся и вышел вслед за ним. В травянистую часть берега залива Чайво гиляки воткнули толстую ветвь кедрового сланика (himŋ) и молодую лиственницу (k̆oi pš̆oŋ). На ветки лиственницы были повешены стружки инау. Дряхлый ĥангин приволок на ремне худую черную собаку и принес корыто. В корыте была застывшая мось, кетовая юкола, лист маньчжурского табаку и маленький березовый совок с застывшим мось. Один из стариков снял с дерева инау и надел его на шею собаки. Кроме инау на шею собаки надели два куска, связанных с одной стороны, пучки и длинные стебли травы k̆oŋŋoŋ, все это вместе внизу завязали, так что получился своеобразный ошейник. Момзин взял из корыта берестовый совок, разломал его и дал съесть мось собаке. Потом отрезал кусок юколы и тоже дал ей съесть. Когда собака все это съела, приступили к ее удушению... Когда собака издохла, Момзин взял корыто, полное мось, и пошел к воде. Дойдя до воды, он поставил корыто на берег, выковырял из него при помощи палочки кусок мось с ладонь величиной, понатыкал в него штук пять — шесть сараны, затем покрыл сарану и мось листом маньчжурского табаку, перевязал стеблем пучки и, размахнувшись, бросил в воду так, что этот пакетик упал на расстоянии 8—10 *м* от берега. После этого он палочкой отковырял еще один кусочек мось и тоже бросил его в воду. Выглядело это так: на тебе еще, не думай, что я тебе жалею. Палочку Момзин оставил на берегу, а корыто с мось унес домой. Вместе с ним есть мось ушли и другие гиляки. Собака, вынутая из петли, была положена на брюхо, лапы ее были растянуты в сторону, а морда обращена к заливу. Несколько позже собаку освежевали. Голову, лапу и внутренности оставили у дерева, остальное мясо и шкуру унесли с собой. Ошейник из инау, пучки и k̆oŋŋoŋ, снятый с шеи собаки, повесили на нижние ветки деревцев. На этом tol-ro-xan-kynd — убиение собаки морским духам окончилось.

ставят огхаr ŋau — обернутое инау, выкапывают елочку вместе с корнями, обрубают сучья и втыкают ее вершиной в землю. Рядом с этим обернутым корнями вверх инау втыкают в землю пихтовое дерево. Голову задушенной собаки натыкают на палку. Внутренности и лапки оставляют здесь же на земле.

Поводом к этому жертвоприношению являются утонувшие весною этого года сыновья стариков Момзина и Пангина. Собака предназначалась повидимому утопленникам, ставшим морскими людьми, в целях избежания с их стороны злых козней. Интересно отметить, что это жертвоприношение велел им совершить начавший шаманить в Чоньхейво (залив Чайво) мальчик Выгзин.»

Выгзин, мальчик 10 л., сын гилячки Екршк. В 1927 г. он стал известен гилякам Охотского побережья. У него появился kеγη — шаманский дух. Курчук со слов Выгзина рассказывал мне, что kеγη подолгу у Выгзина не «сидит». «Выгзин сам ничего не понимает, говорил мне Курчук, его товарищ— kеγη приходит к нему по ночам и все ему рассказывает, что видел и пр. Сам Выгзин сидит только на месте. Летом, когда пришла кета, Выгзин сказал старику Моклею: «морю собаку убей». Моклей не послушался. «Когда его больному сыну стало шибко плохо, я дал Моклею собаку, рассказывал мне Курчук, и он tolroxankund сделал. (Курчук брат Моклея по одному с ним роду traglun.) Сын Моклея умер, «если бы раньше собаку убили, то он однако не умер бы». У гиляка Пнаргуна был больной сын. Выгзин велел Пнаргуну сделать изображение человека (niγdvη-čηaj) и повесить больному на шею. Пнаргун поступил по указаниям Выгзина и сын его выздоровел. В начале tlo loy — декабря, Выгзин сделает себе бубен и изображения духов (čηaj), так он сам говорил. Тогда видно будет, хороший он шаман или нет. Однако, если он хороший шаман, то скоро помирай будет, долго жить все равно не будет, если плохой шаман тогда жить долго будет».

Настоящих шаманов у гиляков о. Сахалина давно нет. В сел. Славо живет старуха шаманка Чам Мам, в Чайво старик шаман Лауи, но оба давно уже не шаманят.

В описанных случаях, собака, как мы отмечали уже это ранее, выполняет с одной стороны функции обмено-дарственного животного, а с другой — роль заступника, посредника между людьми и духами. Иначе говоря, в первом случае мы имеем пример непосредственного отражения социально-экономической роли собаки в религиозной идеологии гиляков, а в другом— пример преломленного отражения через социально-политическую надстройку, из которой религиозная идеология гиляков взяла факт посредничества между родами, специально избранных для этого лиц, — хеáj nigыvη, наделила этими функциями собаку и превратила ее в посредника между людьми и духами.

Птице мести — taxč, душе убитого сородича, всегда приносят в жертву собаку желто-рыжей масти — pard. Амурские гиляки приносят в жертву хозяину гор черную собаку, а хозяину моря — белую. Гиляк Семен из селения Чайво, член рода tlaglun, говорил мне, что в их роду многие погибли от птицы taxč, в том числе двое братьев и сын гиляка Туки. Taxč мстит гилякам tlaglun, за то что они перестали быть воинственными. Если не отомщена душа сородича и убийца остается ненаказанным, то taxč — душа убитого—

обращает свой гнев на сородичей, мучает их и убивает. Гиляк Курчук из селения Чайво свое чахоточное кровохаркание объяснил мне тем, что эту кровь берет из него taxč.

Если месть кончается выкупом, то между противниками происходит фиктивная дуэль. «Сородичи... проводят между противниками по собаке и убивают их копьями (кровь за кровь). Затем противники бросаются друг другу в объятия и мир заключен. Сердце убитой собаки отдается в жертву птице мстительнице, а мясо съедается на последующем пиршестве». [1]

Если же гиляки отправляются мстить, то перед отправлением на войну убивают рыжую собаку, таким образом, чтобы морда ее была обращена к небу. Для этого на шею собаки накидывают петлю, свободный конец перебрасывают через сук дерева и тянут его книзу, до тех пор, пока собака не умрет от удушения. Затем изготовляют из травы фигуру человека и колют ее копьем. Только тогда отправляется на войну отряд мстителей и впереди него летит черная с красным клювом птица мести.

За больного, жертву птице мести приносят один-два пожилых человека. Задушив собаку, гиляки разрезают ей грудь, вырезают теплое, сочащееся кровью, сердце и бросают его кровожадной птице. В данном случае собаку, принесенную в жертву taxč, гиляки не едят. Вся собака целиком остается лежать там, где ее убили.

Как ни покажется странным утверждение, что у гиляков имеются посвященные животные — собаки, тем не менее это факт. Эти собаки носят название uiglaŋ ханəŋ — посвященных собак, точнее, табуированных собак (от слова uigund — табу). Такие собаки бывают посвящены хозяевам моря, огня, гор и леса. Чаще всего каждый гиляк посвящает одну собаку совместно хозяину леса, гор и огня. Гиляки Усть-Агнево мне говорили, что эти собаки содержатся ими потому, что они надеются получить за их содержание большую помощь со стороны хозяев моря или гор. Зная, что гиляки содержат посвященную ему собаку, хозяин гор или моря конечно будет посылать им много лишней пищи для ее прокормления и всячески конечно покровительствовать гилякам. Этих собак нельзя ни бить, ни продать, ни подарить, так как они являются собственностью того духа, которому они посвящены. Правда, зимою на ряду с другими собаками они тащат нарту. Сущность посвящения собаки духу хозяина гор или моря у гиляков состоит в следующем: несколько раз на протяжении года гиляцкие рода и отдельные их представители производят кормление духов леса, огня и моря. Для этих кормлений приготовляются, как мы уже указывали выше, специальные блюда, в том числе мось. Эти блюда и все те продукты, из которых они были изготовлены, принадлежат духам, которым они предназначаются. Эти блюда служат духам моря и гор приятным угощением, по понятиям гиляков. Остатки от приготовления мось в виде рыбной чешуи, обрезков кожи, навара и др.

---

[1] Л. Я. Штернберг, Гиляки, стр. 105.

остаются собакам на съедение. Так, если кормят хозяина моря или морских людей, то эти остатки скармливаются tol-tonin хапəŋ, если кормят хозяина гор, то эти остатки скармливаются pal tonin хапəŋ, если хозяина очага, то или pal-tonin-хапəŋ или tugur-tonin-ханəŋ. Tol обозначает море; pal — горы, лес; tugur — огонь; tonind обозначает вместе, в данном случае этим словом обозначается, что такая-то собака ест вместе с хозяином моря, гор или огня. Поэтому tol-tonin-хапəŋ можно перевести словами: собака, которая ест вместе с хозяином моря, pal-tonin-хапəŋ — собака, которая ест вместе с хозяином горы и tugur-tonin-хапəŋ собака, которая ест вместе с хозяином огня.

Каждый хозяин имеет непременно две такие собаки: одну pal-tonin-хапəŋ и одну tol-tonin-хапəŋ. Когда эти собаки состарятся, их удушают по принадлежности хозяину моря, леса или огня. После удушения душа убитой собаки весело бежит к ее настоящему владельцу, а бренные остатки ее утилизируются гиляками обычным порядком: мясо съедают, а шкуру употребляют на шубу или наголенники. Место убитой замещают другие, более молодые собаки. Посвященными собаки становятся оттого, что они съедают остатки предназначенной морским или лесным духам пищи и поэтому становятся их собственностью. Специального обряда посвящения собаки я у гиляков не нашел. Следующий отрывок из моего дневника дает картину жертвоприношения собаки домашнему очагу.

«Селение Кекр-во (Охотское побережье Сахалина, 11 декабря 1927 г. Сегодня утром Хайкак задушил свою старую белую собаку, посвященную хозяину огня. Спустя некоторое время он ее освежевал, разрезал на части и стал варить в большом подвесном японском котле. Жена его в это время приготовляла мось. Сегодня Хайкак устраивал кормление хозяев своего очага, старика и старухи огня. Эти старики живут в очаге, в том его крае, который находится ближе к средней наре раŋаγп. Каждой осенью их необходимо кормить. Иногда, говорят гиляки, дрова на очаге начинают как бы свистать. Это хозяин огня просит кушать. Тогда хозяин дома, или кто-нибудь из его гостей, должны в огонь сразу же бросить пучку (аγs) или табак, или сарану или спички. Если же ничего под руками гиляков не имеется, то старику огня говорят ni rundzin xavrndra tackja — у меня ничего нет, не проси, и старик огня перестает надоедать гилякам своими нелепыми просьбами. Собака была очень старой, варилась она долго. Когда она была готова, гиляки спали. Небо давно было усеяно звездами. Давно, отвыв свою предвечернюю, собаки свернулись калачиком и улеглись на покой. [1] Только в юрте Хайкака не спали. Го-

[1] Вечером перед сном, а иногда и ночью, собаки части, а иногда и целого селения, как бы сговорившись между собой, разом задирают кверху свои морды и начинают выть. Из сел. Чайво, этот вой, при тихой погоде, доносился за $4^1/_2$ *км* на другую сторону Чайвинского залива, в селение Хандузу, где я жил. Вой собак, гиляки называют ǩanəγ miujund. Чайвинские гиляки утверждают, что вой собак южной части их селения, точнее, вой собак гиляцких родов ke vonəŋ и axr voγəj предвещает шторм, буран, а вой собак се-

стями были дети, жадно ждавшие вкусного мось. В юрте было уютно и тепло. Весело потрескивали на очаге сухие дрова. Тени вздрагивали на стенах и лицах и прятались по углам. Хайкак из сеней внес несколько зеленых еловых веток. Он осторожно положил их на огонь. Ветки быстро были охвачены пламенем и еще ярче озарили обращенные к огню лица детей. На руках жены Хайкайка дремал его маленький сын. Мать не давала ему уснуть и все время совала ему в рот свою грудь. Из длинной травы takыr, Хайкак сделал нечто в роде двух блюд, одно побольше, как он объяснил мне, для старика огня, другое поменьше — для старухи огня. Взяв блюдо старика, Хайкак осторожно поставил его на слабо горящий огонь, затем с такой же осторожностью он поставил на огонь и блюдо старухи. Поставив оба блюда на огонь, он, не торопясь, произнес pογlgun n'ŕыгŕыja pajmыk voror, urgur pογlgun auηuja kinŕ auηauηuja — за своими детьми смотри, старую собаку державши хорошенько своих детей сторожи, от злого духа оберегай. Мать в это время заставила хныкающего ребенка смотреть на огонь. Хайкак взял сынишку на руки и заставил его бросить в огонь травку takыr, завязанную петлей, что сын проделал с большим нежеланием. Огонь медленно, не торопясь, охватил траву. Мось затрещало и жертва при полном молчании окружающих была принята хозяевами огня, вместе с душой убитой собаки, которую в своей краткой молитве Хайкак поручил им «хорошо держать». Угостив всех присутствующих маленькими кусками мось из той же чашечки, откуда было взято мось для кормления огня, Хайкак разрезал мось из большого корыта на куски. Мось большими кусками была положена на тарелки, вместе с большими кусками собачьего мяса. Все эти угощения были розданы малолетним гостям, и они унесли их с собою по домам. Поставив возле меня маленький столик, Хайкак положил на него собачью ногу и стал меня ею угощать. Он сам разрезал ее на маленькие кусочки и пальцами подвигал их ко мне. Стараясь не огорчить кислой миной своего гостеприимного хозяина, я съел вместе с ними собачью ногу. Этой трапезой, поздней ночью, окончилось кормление огня».

Жертвоприношение собак, посвященных хозяину леса и моря, ничем не отличается от описанных выше совершенных для них жертвоприношений.

К категории uiglaη хапаη может быть также отнесена собака, замещающая медведя при его продаже. Как правило, продавать медведя нельзя. Если же гиляк продает своего медведя, то покупающий обязан дать ему хорошую собаку, которую он ставит на время в опустевшую медвежью клетку. Эта собака называется ηах-cin-хапыη', собака, помещенная в клетку, и навсегда остается у гиляка, продавшего медведя. Эту собаку нельзя ни бить, ни продать, ибо она заместила медведя, рассматривается как собственность

верной части селения Чайво ,где живут гиляки рода tlaglun, предвещает хорошую погоду. Гиляки говорят иногда про вой собак, что это они бога просят, какого бога и о чем просят я выяснить не мог.

хозяина гор и убивается ему после того, как состарится и станет негодной в работе, если ее по какому-нибудь поводу не принесут в жертвоприношение раньше. Кровь собаки искупает нарушенное табу и предохраняет от плохих последствий, могущих после этого наступить. Для искупления нарушенного табу требуется čox aind — «кровь делать». Собака, убиваемая в этих целях, носит особое название čox k̆an «кровавая собака». Требуется она в следующих случаях: если менструальная кровь сестры попадет на тело брата, то последний погибнет от сухотки. Чтобы этого не случилось, сестра обязана дать брату čox k̆an. В виду того, что сестра рассматривается гиляками, как чужеродка, так как при выходе замуж она уходит в чужой род, то собака, которую она должна дать своему брату, берется ею из чужого рода. Брат удушает собаку, разрезает ножом ее брюхо, грудь и топчет босыми ногами или делает вид, что топчет то одной, то другой ногой ее внутренности. После этого он должен немного обмазать свои руки кровью собаки, чем окончательно предотвращает опасность болезни. Мяса убитой в этом случае собаки не едят.

Если сестра переступит через протянутую ногу брата или заденет полой своей одежды его лицо, что может случиться, когда она проходит мимо спящего на наре брата, или попадет в него плевком, то во всех этих случаях, и, повидимому, во многих других, не выясненных мною, она обязана дать брату čox kak̆. Точно так же, если кто-либо из рода зятьев (ymgi) плюнет, выругает, ударит по лицу, помочится на ногу или одежду или переступит через ногу кого-либо из рода тестевьев (axmal'), то во всех этих случаях зять обязан дать тестю čox k̆an.

Если передовая собака въезжающего на нарте в селение гиляка, вбежит в сени чужого дома, то этот гиляк обязан дать хозяину этого дома čox k̆an, возможно потому, что внезапное появление вбегающих с лаем собак пугает духов, охраняющих дом. Если кто-нибудь порвет потяг или переступит через него, то хозяину этой упряжки необходимо дать čox k̆an. Если споткнешься и упадешь при входе в чужой дом, то необходимо дать хозяину дома čox k̆an. Эту собаку хозяин дома удушает на одной из балок дома. Голову ее вместе с лапками он помещает над дверью или на задней стене дома.

Если гиляк в чужом доме испортит огневище, то он обязан дать хозяину этого дома čox k̆an, которую тот убивает хозяину очага. Между прочим, рама, из которой сложен очаг, не может переноситься из одного дома в другой. Если дом покидают и из него уносят многие вещи, то раму очага оставляют на месте. Очаг неприкосновенен. Если же гиляк хочет ее перенести в другой вновь отстроенный дом, тогда он идет на хитрость: обвязывает одну сторону рамы очага ремнем, впрягает в него собаку и, делая вид, что он только едва помогает собаке тащить раму, перетаскивает ее при помощи собаки в новоотстроенный дом. Желая избегнуть гнева хозяина огня, гиляк замещает себя собакой.

Если нарушено какое-нибудь табу в отношении горных людей, то устраи-

вают pal-sox-ты, проливают кровь собаки горным людям. Если же табу нарушено в отношении морских людей, то устраивают tol-sox-ты. Так, если присутствующий на медвежьем празднике гиляк, чужеродец или родственник поломают священный нож, которым режут мясо медведя, порвут ремень (čmalar dnox), попортят посуду, употребляемую на медвежьем празднике, или нечаянно кольнут ножом дом, в котором происходит праздник и т. п., то тогда гиляк, нарушивший табу, дает свою собаку в виде čox ǩan хозяину медвежьего праздника. Убиением этой собаки горным людям хозяин праздника предотвращает плохие последствия.

Приведенные примеры далеко не исчерпывают всех случаев применения čox ǩan.

Наименование собаки čox ǩan свидетельствует о том, что главное значение во всех этих искупительно-очистительных действиях должна иметь ее кровь. В действительности же кровь ее фигурирует в одном из известных нам случаев. В остальных мы этого не наблюдаем. Создается впечатление, что обрядность не соответствует своему названию. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что čox ǩan есть txusind — штраф. «За каждое нарушение (табу) необходимо взыскать txusind», — сообщает Л. Я. Штернберг.[1] Txusind взыскивается и за похищенную женщину, и за оскорбление женской чести, и за осквернение святыни, например, порчу очага, нарушения табу на медвежьем празднике, за кражу и т. д.»[2] Выше описанные убиения čox ǩan горным людям и хозяину огня представляют собой искупительные жертвоприношения, являющие пример отражения религиозной идеологией гиляков их действительности, пример перенесения реальных взаимоотношений между собой на взаимоотношения с духами. За оскорбление духов, за порчу принадлежащих им предметов требуется штраф, как если бы это относилось к людям, и гиляк откупается от них лучшим из всего, что он может им предложить, — собакой.

Выше мы уже отмечали, что кровь čox ǩan теперь почти не фигурирует. Полагаем, что изменившиеся культурно-исторические условия изменили существо обрядности и наполнили ее старую форму новым содержанием, имеющим мало общего с ее древним названием čox aind — «кровь делать» и čox ǩan — «кровавая собака». Восстановление этой первоначальной обрядности, так же как и современной, сопровождающей убиение čox ǩan, требует еще дополнительного изучения.

Ряд собранных нами фактов свидетельствует о том, что, по представлениям гиляков, собака обладает способностью видеть и отгонять духов. Гиляки сел. Чайво мне говорили, что осенней ночью собаки воют, потому что видят, как tolыr' — хозяин моря — приходит в деревню осматривать, достаточно ли наполнены амбары гиляков юколой. Вполне возможно, что универ-

---

[1] См. Л. Я. Штернберг Гиляки, стр. 107.

[2] Там же, стр. 92.

сальная вера в способность собак видеть и отгонять духов вызвана беспричинным по видимости лаем собаки. Последнее примитивный человек объяснил себе тем, что собака лает на незримые для него существа, на духов. Собака на службе человека всегда повидимому исполняла и исполняет сторожевые функции, охраняя человека не только от зримого, но и от незримого для него врага. Логика примитивного мышления сохраняет за частью свойства целого. Поэтому естественно, что шерсть собаки, череп и даже самое ее имя обладают этой способностью.

Так, после постройки дома, гиляки на одной из его балок душат собаку. Кровью, взятой из сердца собаки, мажут пупок мужскому и женскому духам kok, живущим в двух последних столбах зимника. В летнике этой кровью мажут углы и места соединения матицы с подпирающими ее столбами. Голову собаки, вместе с подложенными под нее лапками, помещают снаружи над дверью, а иногда на задней стене дома и говорят ей: pozja mil'k pšыxaj jaguja, milik auŋuja — лежи, злой дух если придет, лай, злого духа сторожи.

По представлению гиляков, внутри зимников, в третьей балке над дверью, живет сука kel-n'un an'x (от kel'd — спина, зад, n'und — смотреть, an'x — сука), говорят также kel' gel'n an'x (от kel'gel'd — лежать на спине, также лежать в положении при coitus). Повидимому эта сука несет сторожевые функции по зимнику. Когда переезжают из летников в зимники, то заодно с кормлением хозяина огня кормят и эту суку. Гиляк Моклей из сел. Чайво рассказывал мне, что кормят ее таким образом: становятся спиной к двери, произносят имя суки и бросают между ног по направлению к порогу угощение мось.

В тех семьях, где часто умирали дети, в большинстве случаев мальчикам, вскоре после рождения, устраивают zixыnd, т. е. обвязывают руки и ноги ребенка ниткой, ссученной из волокон крапивы, и шерстью собаки. Это делают для того, чтобы новорожденные не умирали и долго жили. Иначе говоря, шерсть собаки охраняет ребенка от злого духа. Собака, шерстью которой обвязывают руки и ноги ребенка, называется exlŋ-diγn-xanəŋ (от exlŋ — ребенок, zixыnd — см. выше и xanəy — собака), и как бы посвящается ребенку. Между собакой и ребенком устанавливается определенная симпатическая связь.[1] Эту собаку не следует бить, так как от этого может заболеть

[1] Говоря об очевидной симпатической связи человека с собакой, о чем свидетельствует не только этот факт, но и ниже изложенные, хочу отметить постоянную близость гиляков к собакам. Собаки неотделимы от гиляцкого жилища. Они постоянно находятся в них и днем и ночью, что конечно не могло не повлиять на установление некоторых, связанных с ними, представлений. Между прочим половые сношения между людьми и собаками гиляки признают, повидимому, возможными. Про старика Вомуна, из сел. Кекрво, мой проводник гиляк Семен рассказал, что в молодости Вомун совокуплялся с сукой. Для этого он утаскивал суку в тайгу и привязывал ее к дереву. Родившиеся после этого щенята, по словам Семена, были голые, без шерсти. Некоторые из этих щенят имели человеческую голову, некоторые человеческие руки. Эти щенята плакали, как маленькие дети.

ребенок, поэтому же не должна переступать через собаку менструирующая женщина. Выпадающие молочные зубы ребенка дают съесть этой собаке. Если же у ребенка такой собаки нет, то их отдают на съедение другой собаке, которая после этого называется emz'-ar-хапыŋ — зубами кормленная собака. Кормление собаки зубами ребенка, по нашему мнению, объясняется стремлением спрятать зубы в надежное место, чтобы злой дух не мог воспользоваться ими для своих козней против ребенка. Нутро собаки, конечно, наиболее надежное для них место. Ни exlŋ-diγn-хапəŋ, ни emz'-ar-хапəŋ не могут быть ни подарены, ни проданы. До самой своей смерти они живут у своих владельцев. Когда exlŋ-diγa-хапəŋ состарится, ее удушают. Человек, которому она принадлежала, участвует в ее удушении. Хозяин этой собаки должен сам ее убить. Сестра не может есть мяса собаки, кормленной зубами ее брата, и, наоборот, брат не может есть мяса собаки, кормленной зубами его сестры. Другим лицам, в том числе и человеку, зубами которого была накормлена собака, мясо ее есть разрешается. Если заболевает ребенок или взрослый гиляк exlŋ-diγn-хапəŋ, которых еще живы, то волосами последней им делают zixыnd. Болезнь, по представлениям гиляков, причиняется злыми духами, волосы же собаки являются оберегом больного от их козней.

Часто, сразу же после рождения девочки, к отцу ее приходит гиляк — чужеродец—сватать новорожденную для своего сына или брата. Чаще всего сватающимся бывает представитель из рода зятьев — ымgi. Если отец девочки согласен на этот брак, то новый зять приводит к тестю хорошую собаку и ее шерстью делает девочке, будущей жене своего сына или брата, zixыnd. После этого зять передает собаку тестю, и она остается у последнего навсегда. Тесть никому не должен ни продавать, ни дарить этой собаки. Эта собака называется jox-šaγn-хапəŋ (от jox — запретная для половых сношений женщина; šaγn — привести, притащить). Между собакой и девочкой повидимому также устанавливается какая-то симпатическая связь. Если девочка заболевает, то шерстью этой собаки ей делают zixыnd. Молочные зубы девочки отдаются на съедение этой же собаке.

При крайнем недостатке женщин у гиляков, смерть девочки, особенно для тех, кто рассчитывает на нее, как на работницу и жену, крайне нежелательна. Поэтому зять испытывает «силу своего счастья» и дает девочке свою собаку, как покровителя, который охранит ее от злого духа. Гиляки так и говорят в этом случае про обвязывание ручек девочки, что надеются на «силу своего счастья» — рхыs' tыvnd, — испытывают свою удачу, фарт.

Л. Я. Штернберг объясняет этот обычай как «символ увода на собаках и вместе с тем (как) отголосок тотемистического культа собаки».[1]

Щенят и суку убили и выбросили в тайгу. Семен уверял меня в правдивости этой басни о рождении щенят. Про айну гиляки Охотского поб. Сахалина говорят, что они произошли от coitus'a японца с сукой.

[1] Л. Я. Штернберг, Гиляки, стр. 29.

Когда эта девочка подрастает, ее передают в род зятя, непременно снабдив ее, помимо прочего приданого, сукой. Это правило касается не только ранее сговоренной девочки, но вообще всех женщин, выдаваемых замуж. Самые бедные гиляки, которые не могут дать дочери приданого, стараются во что бы то ни стало дать дочери суку и котел. Правда, мне пришлось быть свидетелем случая, когда старик гиляк Самыгин из селения Ускво, отдавая свою дочку сыну Флоруна в Чириво, отправил ее без суки. Кроме надетого на ней рваного платья, он ничего ей дать не мог. Через месяц или два молодой гиляк Курн, член одного с Самыгиным рода, привел свою суку в Чириво и отдал ее Флоруну, ибо не подобает отдавать женщину в чужой род без суки. Этим поступком Курн укрепил добрососедские отношения с родом своих зятьев и сам снискал себе благорасположение со стороны зятя. Наделение женщины, выдаваемой замуж, сукой гиляки объясняли мне желанием наделить ее наибольшими материальными выгодами. Сука будет приносить ей щенят, а собаки у гиляков, как мы это уже знаем, имеют большую ценность. Вместе с тем, возможно, что сука, сопровождающая женщину в другой род, является также охранительницей ее от злых духов.

Когда гиляк или гилячка умирают, то лучшая и наиболее любимая ими собака становится на некоторое время вместилищем для их души. На Охотском побережьи Сахалина и в долине реки Тыми эта собака, в то время когда в ней находится душа покойника, называется prɪs'ki. На Татарском побережьи Сахалина эта же собака называется naγbik (от naγəŋ — нара; и pind — находится). Эту собаку гиляки рассматривают, как человека. В ней живет душа покойника. По нашему мнению вселение души человека в тело собаки объясняется тем, что в собаке душа человека ограждается от козней злых духов. Вселение души человека в собаку, возможно, свидетельствует о тотемном характере воззрений, связанных с нею у гиляков. По Фрэзеру «Тотем является просто вместилищем или сосудом, в котором человек хранит свою жизнь, подобно тому, как попугай был хранилищем жизни индийского чародея, а золотая рыбка вместилищем души Бидазари»,[1] причем хранилищем души человека не после его смерти, а при жизни. Указанную собаку гиляки держат привязанной на средней наре, угощают лучшими блюдами и кормят из тарелки. После того как поставлен raf — домик, и душа покойника, оставив гиляков, отправилась в селение мертвых, собаку снова выдворяют на улицу и через некоторое время продают в род зятя — ɪmgi, ибо только им разрешается есть ее мясо. Ни представители рода умершего, ни представители рода тестя есть ее мяса не могут.

Когда выносят из дому покойника на нарте, то впереди него ведут на привязи несколько собак на ремне. Эти собаки даются ему с собой в загробный мир. Кроме того, к нарте привязывают собаку, которая идет с ней рядом, пока не обнесут ее вокруг сложенного костра. Потом эта собака становится

---

[1] Д. Фрэзер, Золотая ветвь, ч. IV, стр. 214. Изд. Атеист.

prɪs'ki. По сообщению Л. Я. Штернберга, эту собаку кладут на грудь покойника, когда выносят его на нарте из дому.[1] Собак, которых ведут впереди нарты покойника, убивают, но не обычным путем удушения, а ударом толстой палки или тормоза по голове. Это единственный случай убиения собаки палкой. Удар должен быть настолько сильным, чтобы собака упала сразу, без визга. Если собака завизжит, то это нехорошо. Повидимому, покойник это может счесть за нежелание собаки итти в загробный мир и рассердится на гиляков за то, что они дают ему плохую собаку. Гиляки залива Чайво и других селений Охотского побережья из боязни, как они объяснили мне, неудачного убиения собаки палкой, отступили недавно от этого правила и стали убивать их на похоронах путем удушения. Вероятно способ убиения собаки палкой, сохранившийся только при похоронах, древнее удушения. Если умирает взрослый мужчина, то для него убивают целую нарту собак, ибо в загробной жизни ему так же нужны собаки, как и здесь. Если же умирает ребенок, то для него убиваются 3—4 собаки, ибо большее количество собак он не сможет удержать тормозом, у него просто не хватит сил. В числе собак, убиваемых для покойника, убиваются emz'arxanыŋ и exlŋ diγy — xanəŋ, в том конечно случае, если они еще живы. Души убитых во время похорон собак везут душу покойника в Млых-во — селение мертвых. Один раз мне пришлось быть свидетелем похорон человека вместе с собакой. В 1927 г. жену шамана Койныта в сел. Чириво зарыли в землю вместе с собакой. Собака была положена возле самого гроба.

У гиляков имеется представление, что после смерти собаки живут в особом загробном мире. (Души жертвенных собак живут у духов, в жертву которым они принесены.) Узнать местонахождение загробного мира собак я не мог. По представлению соседей гиляков, орочей Советской гавани, загробный мир собак помещается перед отверстием, являющимся входом в загробный мир людей.[2] По представлению чукоч по дороге к загробному миру находится область, населенная собаками. Цербер древних греков, две двоеглазки древних персов, охраняющие мост Чинват, Sarameya собаки Ямы, охраняющие по представлению древних индусов вход в его царство, — все это дает нам достаточно оснований предполагать, что и по представлениям гиляков загробный мир собак помещается перед загробным миром людей.

Присутствие собак, по представлениям различных народов, в загробном мире свидетельствует об одинаковом отражении их религиозной идеологией охранительных функций собак, так же как и о том, что это представление древнее собаководства, как системы хозяйства, ибо встречается у народов, не имеющих собаководства. Помещение головы собаки над дверью жилища, обвязывание ручек новорожденных детей шерстью собак, кормление собаки выпадающими зубами ребенка, вселение души умершего человека в тело

---

[1] Л. Я. Штернберг, Гиляки.
[2] Сообщил И. И. Козьминский.

собаки и наконец собака или собаки, находящиеся перед входом в загробный мир, — все эти различные факты, по нашему мнению, представляющие собою идеологическое отражение охранительных функций собаки, являющихся не просто ее биологическими функциями, а приобретенными ею на службе у человека под воздействием его социальной среды. Также древнее собаководства как системы хозяйства и следующее представление гиляков. По этому представлению на солнце живет сука. Затмение солнца, точнее «смерть солнца» по их представлениям наступает оттого, что сука начинает пожирать солнце. Заметив затмение, гиляки выбегают из домов на улицу, выносят с собой железные вещи, топоры, пилы, котлы и т. д. Ударяя железо о железо, каждый гиляк выкрикивает имя рыжей, белой или черной суки, в зависимости от того, в какой оттенок окрасилось солнце при затмении. Если солнце приняло темный оттенок, то значит его пожирает черная сука, и т. д. Выкрикивая имя суки, гиляки отвлекают ее от солнца, и солнце начинает оживать и светить попрежнему. На луне, по представлениям гиляков, живет женщина. Изображение, видимое на луне, представляет эту женщину идущей по воду с ведрами и коромыслом, перекинутым через плечи. На луне, вместе с этой женщиной, живет сука. Лунные затмения наступают оттого, что эта сука пожирает луну. От смерти луну спасают теми же способами, что и солнце. Это представление древнее собаководства потому, что мы встречаем его у несобаководческих народов южной и северной Америки.[1]

Представление о солнце и луне, как местах обитания собак, есть результат расщепления первичного представления: солнце — собака, луна собака — на составные его части. У древних индусов существовало воззрение, что луна — собака Сарама. Подобного рода расщепление первичных представлений мы можем проследить и в отношении дерева. Первоначально дерево — живое существо, позднее в дереве обитает душа, еще позже дерево — место обитания лесного духа.

Критерием познания на всех ступенях человеческой культуры является труд. В процессе трудового воззрения познает человек природу. Познание явлений, находящихся вне сферы трудового воздействия человека и представления о них, создавалось и создается на основе известных уже понятий и представлений. Гиляки никогда не видели и не знали о существовании парохода, но когда они его увидели, то назвали tugur-mu — огненная лодка, от tugur огонь, mu — лодка, ибо символы этих явлений были в их языке и из них скомбинировали новое понятие о неизвестном им до сих пор явлении. Увидев в первый раз аэроплан, они назвали его pui-mu от puind — летать и mu — лодка. Телегу — murŋta, лошадиная нарта, от murŋ — лошадь и ta — нарта и точно так же на основе известного возникали и представления об отдаленных от человека светилах. Внимание первобытного человека было сконцентрировано не на светилах, а на своем предмете труда, на животных,

[1] Д. Леббок, Начало цивилизации, стр. 160—161.

с которыми ему приходилось бороться и за которыми он охотился, они были в центре его внимания. Первобытному человеку — собирателю, охотнику — солнце, луна, звезды, ветер, молния не могли не казаться живыми существами, ибо каждый день он мог наблюдать их движение. Движение же в его сознании всегда ассоциировалось с конкретными существами — человеком, птицей, зверем, отсюда и конкретные ассоциации: солнце, орел (якуты), ворон (китайцы), молния—птица (гиляки), ветер—человек, птица (бушмены), земля — зверь (орочи), [1] о-в Сахалин — зверь, рыба [2] (гиляки, орочи). Вселенная — зверь (орочи) [3] и т. д., ибо мыслить и представлять себе что-нибудь первобытный человек может только конкретно.

Появление железа ознаменовало революцию в технике. В руках человека оно стало могучим орудием борьбы с окружающей природой и духами. Духи — продукт творчества палеолитического человека, испуганные этим оружием, бегут от одного его вида. Железо используется гиляками, как оберег от злых духов. Шумом ударяемых друг о друга железных вещей гиляки стараются отогнать суку, пожирающую светила.

Опыт комплексного изучения собаководства гиляков показывает, что в их конкретной действительности роль этого первого одомашненного животного не ограничивается применением его, как упряжного животного. Собака — распространенное средство обмена и дарения, как между собой, так и в отношении духов. Собака — хранитель гиляков не столько от зримых, сколько от незримых врагов. Она охраняет дом, детей, зубы, душу умершего человека, вход в загробный мир от злых духов. Гиляк уверен, что собака, равно как и другие животные, обладает способностью мышления, речи, душой. В одной из записанных мною легенд лохматая сука luk an'x является лучшим советником героя легенды. Гиляк уверен, что собака может заместить собой больного, заступиться за него и спасти от смерти, наконец, что убиение собаки искупает нарушенное табу.

Большое затруднение при объяснении изложенных фактов представляет историческая разновременность их появления. Некоторые из изложенных фактов являются пережитками, и только дальнейшее изучение поможет их надлежащим образом объяснить. Тем не менее, уже теперь можно с достаточной определенностью сказать, что не все перечисленные здесь моменты объясняются только хозяйственной ролью собаки, ибо в них отразились не только ее хозяйственные функции, но и социальная природа человека. Отражение собаководства в религиозной идеологии гиляков при дальнейшем его изучении объясняется на основе всего их исторически сложившегося культурного комплекса, не только непосредственно той ролью, какую занимает собаководство в его базисе, но и через посредство всех возвышающихся над базисом надстроек.

---

[1] Сообщил И. И. Козьминский.
[2] Сообщил он же.
[3] Сообщил он же.

К ИСТОРИИ ГОНЧАРНОЙ ТЕХНИКИ НАРОДОВ СССР

М. В. Воеводский

(Антропологический институт МГУ)

За последнее время среди этнографов, особенно палеоэтнологов, наблюдается проявление большого интереса к вопросам гончарной техники, и на эту тему в печати появился ряд работ. Почти все вышедшие работы имеют описательный характер, не рассматривая этого вопроса в исторической перспективе.

Занимаясь в течение ряда последних лет гончарной техникой, по преимуществу древних культур, мы для разрешения ряда вопросов обращались к применяемым в настоящее время приемам гончарства в различных пунктах Союза. Благодаря этому накопился материал, позволяющий сделать некоторые обобщения.

Нам удалось установить существование нескольких типов гончарной техники, каждый из которых распространен на отдельной четко очерченной территории.

Северо-западный район.

Этот район обнимает всю лесную и лесостепную область Европейской части Союза и Западной Сибири и является районом «ленточной» или «жгутовой» техники. В настоящее время эта техника широко распространена по всей указанной территории и связана с лепкой сосудов на ручном гончарном круге у русских, белоруссов и поволжской мордвы (3) и без круга у некоторых приуральских финнов — в частности у (4) коми-зырян.

Техника лепки заключается в следующем: гончар заготовляет из глины цилиндрические жгуты толщиной 3 - 4 *см* и длиной до 40 — 50 *см*. Из одного из жгутов на кругу или на ладони лепится кружок дна (рис. 1). Этот прием лепки дна в настоящее время встречается редко, и чаще дно вытягивается на кругу из комка глины, вместе с нижней частью стенок сосуда. По всей вероятности, первый прием является пережитком древнего способа лепки без гончарного круга. Второй способ появился несомненно под влиянием техники ножного круга. На края дна налепляются постепенно из жгутов стенки сосуда. Жгуты накладываются один на другой по спирали. Когда кончается один жгут, к его концу прилепляется следующий. На

сосуд, в зависимости от размера, идет от 3-х до 6 - 7 жгутов. При наложении они сдавливаются между пальцами и превращаются в ленту шириной в 4 - 7 *см*. Жгуты прилепляются с внутренней стороны сосуда, так что края спая между ними получаются скошенными — нижний край с наружной поверхности, верхний с внутренней. В результате такого налепа получается грубый цилиндр с ясно выделяющимися отдельными лентами (рис. 2). Дальнейшая обработка заключается в придании сосуду законченной правильной формы и сглаживании стенок.

Формовка или «опузанивание» сосуда производится при помощи пропускания его стенок, при вращении круга, между пальцами левой руки, находящейся внутри сосуда и правой руки — снаружи. Сглаживание стенок и окончательная формовка производится путем обточки сосуда деревянным ножом и сгла-

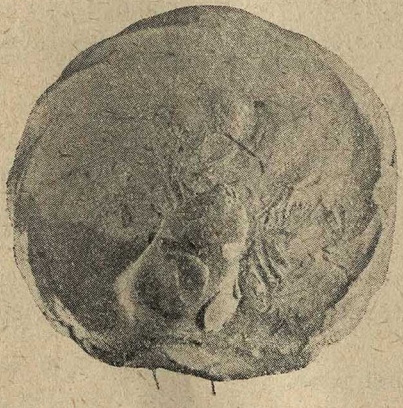

Рис. 1.

Рис. 2.

живания мокрой тряпкой или кожей (рис. 3). В процессе этой работы круг вращается рывками руки. При накладывании жгутов круг поворачивается медленно левой рукой против движения часовой стрелки, при формовке и отделке сосуда он вращается быстрыми рывками правой руки в противоположную сторону. Наиболее архаичный способ лепки на вращающемся кругу бытует в настоящее время в селах Куликове и Глазачеве близ г. Дмитрова Московской области (5). Здесь бытует ручной круг «легкого» типа с диаметром кружка 15 — 20 *см* и толщиной 2 — 3 *см*. Кружок насажен на железную ось, проходящую свободно сквозь доску скамейки и концом упирающуюся в углубление на перекладине между ножками скамейки.

На верхней поверхности круга наглухо прикреплен кружок меньшего диаметра, на котором часто вырезается клеймо в виде круга с перекрестьем внутри. При лепке сосуда круг посыпается золой или песком, для того

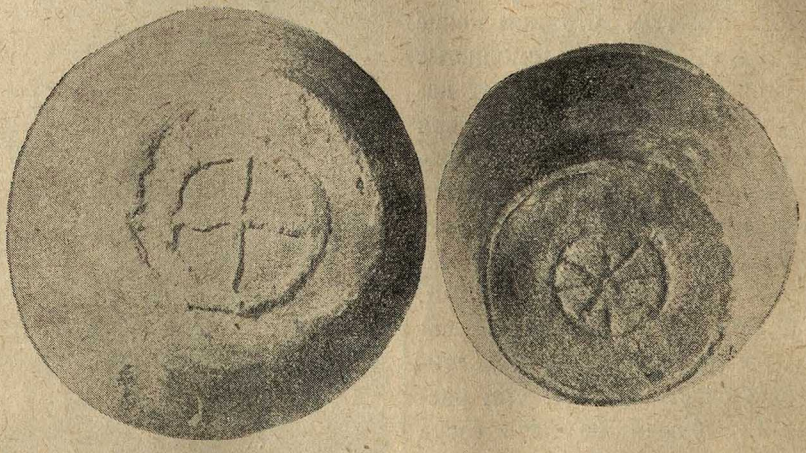
чтобы дно сосуда не прилипало. Готовый сосуд снимается с круга без подрезки. На дне остается рельефный отпечаток клейма, вырезанного на круге (рис. 4а). Сосуды после просушки часто лощатся каменным лощилом в виде небольшой кварцевой гальки. При лощении сосуд держат на коленях и натирают галькой, оставляющей блестящие полоски, образующие иногда несложный узор из волнистых и прямых линий, охватывающих сосуд горизонтальными поясками. В дальнейшем сосуды подвергаются обжигу, часто не в специальном горну, а в простой русской печи. При обжигании сосуды большей частью оставляются без поливы, а «томятся» в печи, благодаря чему получается так называемая «томленая» или «синяя» посуда. Достигается это тем, что при конце обжига в печь бросают смолистые дрова и бересту и замазывают наглухо отверстие печи. Благодаря этому не получается полного сгорания топлива, посуда пропитывается смолистым дымом и приобретает темно-серый, черноватый цвет. Черепок в изломе также темно-серый. Другой способ так называемой «обварки», распространенный более широко, заключается в том, что, раскаленный, вынутый из печи сосуд обмакивается в воду с раствором небольшого количества муки. Иногда вместо погружения сосуд обрызгивают тем же раствором. При этом посуда приобретает закалку и получает буроватый слегка пятнистый цвет. Описанная выше Дмитровская гончарная техника является в настоящее время пережитком древне-славянской техники «курганного» периода, воспроизводя последнюю почти во всех деталях.

Рис. 3.

В самом деле, славянская керамика X — XIII веков нашей эры несет в себе все признаки описанной выше техники. Славянские сосуды лепились безусловно ленточным способом, на кругу «легкого» типа с добавочным кружком, посыпавшимся песком или золой. За это говорит отсутствие следов срезки на дне, остатки налипшей подсыпки, выступающий ободок по краю дна, получающийся благодаря затеканию сырой глины за край верхнего кружка, и отпечатки сходных клейм на дне (рис. 4б). Вся древне-славянская посуда без поливы, со следами томления или обварки, и несет следы обработки поверхности деревянным ножичком и мокрой тряпкой, и наконец самые формы горшков сходны с дмитровскими.

Лощение, сравнительно редко встречающееся в курганном периоде, широко распространено в более позднее время в старой русской посуде, примером чего может служить керамика, собранная нами в Московском Кремле во время производившихся там строительных работ в 1930 г. Среди собранного там материала имеются прекрасные экземпляры «томленых» чашек и великолепной работы рукомойник в форме барана, покрытые сплошным, почти зеркальным, лощением. Вся славянская керамика как указанного нами периода, лепленная на ручном кругу, так и более ранняя, лепленная без круга, судя по имеющимся образцам из Смоленской губ. из раскопок С и з о в а и по богатейшему материалу из раскопок П. П. Е ф и м е н к о в Воронежской губернии и Б а д е р а и М и л о н о в а в Рязанской губ.

а Рис. 4. *б*

леплена техникой спирального налепа. Это видно как по следам распада по линии спая на черепках, так и по видимым следам жгутов на целых сосудах.

Другой вариант ручного круга — круг «тяжелого» типа, распространен по всей территории Европейской части Союза, занимаемой русскими. Основное отличие его от первого типа заключается в том, что доска круга имеет гораздо больший диаметр — до 40 — 50 *см* и толщину до 8 — 10 *см*.

Для большей тяжести круг по краю иногда обтягивается толстой железной шиной и сверху покрывается железным листом. Благодаря этому круг приобретает большую инерцию, быстрее вращается и дает большее число оборотов на каждый толчок рукой. На этом кругу сосуды лепятся тем же спиральным налепом, но лепка производится без подсыпки и сосуд прилепляется к кругу, так как иначе при большой быстроте вращения он может сорваться с доски круга. Готовый сосуд срезается ниткой или проволокой, клейма на кругу не вырезаются. Круг этого типа появился на нашей территории во всяком случае позже XII — XIII веков. Гончарство на ручном кругу тяжелого типа, равно как и на ножном, связано с обжигом в специальных гор-

нах, с применением поливы и вообще с более высокой техникой. На ножном кругу, как нами уже было упомянуто, сосуды лепятся не налепом, а вытягиваются из одного комка глины. Ножной круг широко распространен на территории Украины и Белоруссии и проникает постепенно на север, вытесняя менее совершенный ручной круг. Гончарством на всей территории, за исключением коми-зырян, занимаются мужчины, у последних — женщины.

Способ спирального налепа распространен по всей указанной нами выше территории и пока лишь в одном пункте имеются достоверные свидетельства о существовании особого варианта ленточной техники—кольцевого налепа. Отличия этого способа заключаются в том, что жгуты накладываются не по спирали, а каждый из них лишь в один оборот, причем оба конца его сходятся вместе. Этот способ описан проф. Зелениным (I) в селе Зеренде Кокчетавского уезда Акмолинской области у русско-мордовских переселенцев. Здесь наблюдается еще одна особенность — сосуд лепится не из жгутов, а из лент, раскатываемых скалкой на доске. Второй случай — у коми-зырян, описанный проф. Зелениным со слов проф. Налимова, оказался, по проверке последним своих материалов, несоответствующим действительности. Коми лепят сосуды не кольцевой техникой, а спиральной. Прочие факты, приводимые проф. Зелениным (I), совершенно неубедительны, так как основаны на весьма неясных описаниях, не дающих возможности точно установить, о каком типе налепа — спиральном или кольцевом — идет речь. Для суждения о широком распространении кольцевого налепа на ряду со спиральным по Восточной Европе (Зеленин, стр. 102) пока еще нет достаточного материала.

Так же неосновательным нужно признать мнение того же автора (стр. 104), что причину существования этих двух приемов можно объяснить различной степенью вязкости гончарной глины в разных районах, — так как мы видим, что спиральная техника распространена по территории с самыми различными глинами. Этот вывод тем более странен, что несколькими строками выше автор сопоставляет налеп с двумя способами плетения корзин — спиральным и кольцевым, считая возможным перенос технических приемов плетения на гончарство.

При просмотре больших серий фрагментов глиняных сосудов древних культур встречается значительный процент их со следами распада по спаям лент (рис. 5).

Разломы по спаю имеют очень характерный вид. Они идут всегда по прямой горизонтальной линии, края разлома гладки и скошены. Верхний край ленты скошен с внутренней поверхности, нижний — с наружной. Иногда бывают видны симметричные вдавления от нажима пальцев при склеивании лент. Ширина лент колеблется от 4-х до 6 $^1/_2$ *см*. При реставрации сосудов иногда удается подобрать значительные части их, распавшиеся на отдельные ленты (рис. 6). К сожалению решить вопрос о том, лепились ли сосуды

спиральной или кольцевой техникой, до настоящего времени не удалось, так как пока мы не имеем ни одного случая полного оборота выпавших лент.

Наиболее ранние известные нам неолитические сосуды, с округло-заостренным дном, леплены без гончарного круга. Дно вылеплено из одного куска, в виде небольшой чашечки. Стенки от самого дна вылеплялись из лент обычной ширины. Судя по характеру расположения лент и скошенности их краев по линиям распада спаев, сосуды во время лепки стояли дном книзу и лепились без всякой основы или каркаса. На это указывает присутствие на внутренней поверхности многочисленных отпечатков пальцев и следы сглаживания поверхности. Обе поверхности сглаживались мокрой тряпкой или рукой. В поздненеолитической керамике и керамике эпохи бронзы сглаживание производилось особым орудием с зубцами, оставляющими глубокие параллельные бороздки (рис. 7).

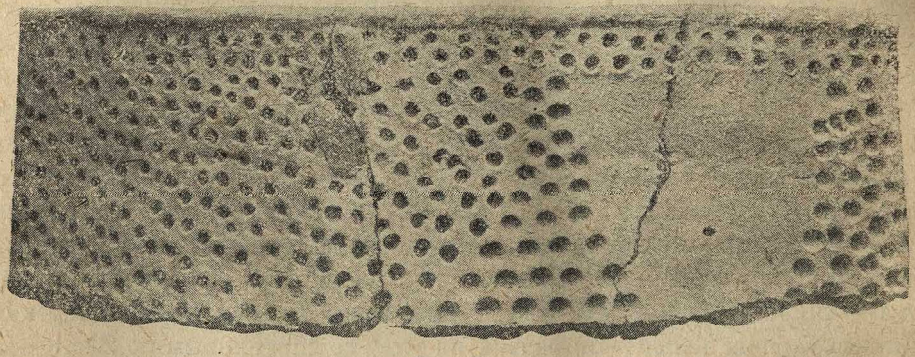

Рис. 5.

Сглаживание этого типа особенно сильно распространено в южных частях нашей территории, и наиболее характерно для срубно-хвалынской культуры. Некоторыми исследователями следы этого сглаживания описывались как отпечатки плетеных из прутьев корзин, которые будто бы обмазывались глиной для получения сосудов.

Сосуды последующих эпох также леплены ленточной техникой. Сосуды энеолитической Фатьяновской культуры с очень характерным распадом на отдельные ленты были добыты из могильников в Иваново-Вознесенской и Московской областях.

В культурах эпохи железа—культуре городищ так называемого Дьякова типа, в Волго-Окском междуречьи и «костеносных» городищ в Вятско-Камском районе и Приуралье встречена также лишь ленточная техника. Предположения одного из известных исследователей-археологов — проф. В. А. Городцова о лепке сосудов на «твердой основе» и мешках с песком на известном нам материале не подтверждаются. Отпечатки ткани на наружной поверхности сосудов, характерные для конца неолита и культур эпохи железа Волго-Окского междуречья и некоторых других районов, по всей вероятности, применялись лишь для украшения поверхности.

Восточно-Сибирский район.

В настоящее время из народов, населяющих Восточную Сибирь, кроме русских поселенцев, принесших свою технику лепки, глиняную посуду делают лишь якуты и шорцы.

Рис. 6.

В древние времена почти все культуры Сибири, за исключением позднекочевнических и ранних доneолитических, имели глиняную посуду. Способ лепки сосудов резко отличается от описанного выше Северо-западного района. Остановимся на якутской технике, описанной в специальной работе В. И. Подгорбунского и отчасти другими авторами в работах по этнографии якутов (6, 7, 8).

Гончар из промешанного комка глины делает прямоугольный кирпич, разрезает его по длине на четыре равных куска. Затем эти куски разбивает на каменной плите деревянным молотком, превращая их в широкие пластины. Готовые пластины обрезает ножом так, что они принимают форму узкой трапеции, и закругляет углы у вершины трапеции. Затем пластины основанием трапеции прикрепляются к кругу из прута и края загибаются на пруте. Края пластин слепляются между собой пальцами. Узкие концы пластин загибаются внутрь и слепляются между собой, образуя дно.

Рис. 7.

Дальнейшая формовка производится следующим образом: гончар, приставляя изнутри к стенкам сосуда ложку для опоры, снаружи выбивает стенки деревянной лопаткой. У сформованного сосуда обрезает вместе с кольцом верх, лопаткой утоньшает край, делает на нем пальцами защипы и затем прикрепляет толстый венчик. Для венчика приготовляется из глины жгут трехгранной формы, который прилепляется к краю сосуда пальцами. Стенки готового сосуда сглаживаются мокрой рукой. По другому способу, применяемому в некоторых районах Якутии, гончар делает из глины шар, протыкает его палкой и раскатывает его на каменной плите, получая широкий

полый конус с двумя отверстиями. Затем, подставляя изнутри округлый камень или ложку, снаружи бьет лопаткой, придавая сосуду законченную форму. В дальнейшем широкий конец конуса закрепляет на круге из прута и загибает края узкого конца внутрь, формуя дно. Обжиг высушенных сосудов производится на камельке очага или прямо на воздухе, на костре. Сосуды получаются темно-серого цвета и в разломе почти черного. К глине для прочности при обжиге примешивают шамот из измельченных черепков старых сосудов.

Посуда изготовляется женщинами.

У шорцев, насколько нам известно, посуда изготовляется по сходному способу. В литературе, к сожалению, описания их гончарства не имеется.

Рис. 8.

Если мы обратимся к древней керамике, то сходство в технике, формах и орнаментации посуды железного века, на территории Иркутской губ., Забайкалья, Монголии, Красноярского и Минусинского округов, отмечает автор вышеуказанной статьи — В. И. Подгорбунский (6). Нами просмотрено большое количество керамического материала всех культур упомянутой территории, и, кроме того, Алтая и Бурятии — в старых коллекциях Русского Музея, Музея антропологии и этнографии Академии Наук, Государственной академии истории материальной культуры и из раскопок последних лет С. А. Теплоухова, М. П. Грязнова и Г. П. Сосновского. Среди всего этого материала, относящегося к различным эпохам, не найдено следов иной техники, кроме описанной выше.

Следы от наковаленки, подкладываемой изнутри при выбивании, в виде рядов неглубоких вдавлений диаметром в 2 — 4 *см* на внутренней поверхности сосудов, имеются на всей просмотренной керамике. На неолитической керамике с Прибайкалья, Ангары и Лены имеются следы от выбивания рубчатой лопаткой, оставляющей на наружной поверхности сосудов ряды коротких желобков, углубленных в средней части и сходящих на-нет к краям (рис. 8).

Желобки эти выдавлены рубчиками лопатки при ударах. Узкая костяная, слегка изогнутая лопатка, покрытая сплошь по вогнутой поверхности поперечными рубчиками, была нам любезно показана проф. С. И. Руденко. Лопатка происходит с Камчатки. Неолитическая керамика описываемого района часто имеет утолщенные, трехгранные в поперечном сечении венчики,

со следами прилепа их к стенке в виде узкого жгута. Толщина венчика доходит до 1 - $1^1/_2$ *см*, при толщине стенок, непосредственно ниже его, в 2 - 3 *мм*. Такой результат можно получить лишь путем выбивания, сильно уплотнявшего глину. У сосудов эпохи бронзы Андроновской и Карасукской культур Приалтайского района и эпохи железа Танну-Тувы нами были встречены сильно утолщенные шейки и венчики с подлепкой второго слоя изнутри. Ни в одном случае среди просмотренного материала не удалось наблюдать распада сосудов на горизонтальные ленты, столь часто встречающиеся среди фрагментов древней керамики северо-западного района.

На нескольких фрагментах древней керамики из восточной Сибири нам удалось наблюдать следы распада по линии спая в вертикальном направлении, что должно получаться при лепке сосудов по способу якутов.

В сходстве техники нас еще больше убеждает факт находки проф. П е т р и в стоянках на берегу Байкала каменных плит, аналогичных тем, на которых якуты лепят сосуды (9).

Среднеазиатский район.

В настоящее время в Средней Азии, за исключением горных областей Таджикистана и Киргизии и некоторых районов Туркменистана, глиняная посуда лепится на ножном кругу путем вытягивания сосуда из одного комка глины.

Без круга лепятся лишь крупные корчаги для воды и глиняные печи «тануры» для выпечки хлебных лепешек. Лепка их производится следующим способом (по нашей записи летом 1930 г. в г. Пскенте Ташкентского округа).

Гончарное тесто приготовляется из лёсса, добываемого на месте из стены обрыва. При добыче постепенно выкапываются глубокие пещеры, так как лучшим для гончарства считается лёсс, добываемый из глубины, не подвергшийся выветриванию. Копают кетменями (род широкой большой мотыки).

Добытый лёсс складывают в плоскую кучу, обведенную валиком, и наливают воду. Для равномерного пропитывания перемешивают кетменем. При перемешивании добавляют на каждые 18 — 20 тануров около 10 — 15 *кг* немытой овечьей шерсти. 4 — 5 *кг* из них мелко рубят и смешивают с несколько большим по объему количеством молотой гашеной извести. Известь обжигается самими гончарами в особых печах. Печь состоит из подземной топки, глубиной и диаметром около метра, округлой в плане, и надземного сооружения для обжигания извести. Сбоку в топку прокопано отверстие для закладывания топлива. В потолке топки имеется круглое отверстие, обмазанное глиной, диаметром 60 — 70 *см*, ведущее в верхнюю камеру печи. Над верхним отверстием, на 30 — 40 *см* от края выкладываются стенки печи, круглой в плане. Между стенками печи и отверстием в топку остается небольшой бортик, служащий опорой для кусков обжигаемого известняка. Стенки печи выкладываются «пахсой» — воздушно-сухими колобками из лёсса, ши-

роко применяемыми в строительной технике Средней Азии. Стенки выкладываются постепенно из горизонтальных рядов колобков. Нижние ряды кладутся с плотной прокладкой глины, верхние — со щелями между колобками, для выхода дыма. Внизу стенки подпираются четырьмя дуговыми контрфорсами из кусков известняка и колобков, скрепленных глиной. Одновременно с выкладкой стенок печи, вдоль них на бортиках, вокруг отверстия в топку, укладываются куски известняка. Печь выкладывается в виде цилиндра, слегка суженного в верхней части, с купольным покрытием. Внутри, вдоль стенок сложено аналогичное сооружение из крупных кусков известняка. В качестве топлива употребляются снопики колючки, нажатой в близлежащей степи.

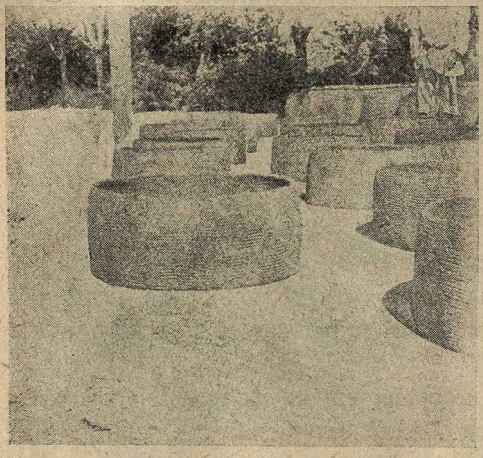

Рис. 9.

После обжига печь разбирают до основания, вынимая постепенно выжженную известь. Затем куски известняка складываются в кучи и гасятся.

Готовую глину со всеми примесями сперва размешивают кетменем, затем месят ногами, добавляя немного сухого лёсса. Вымешанную глину, накрытую тряпками, складывают в кучу и оставляют в тени до следующего дня.

На следующий день утром глина вновь вымешивается, затем от нее отделяют большие куски, которые переносятся на специально выровненную и смазанную глиной площадку. Из комьев сперва вытягиваются цилиндры длиной около 1—$1\frac{1}{2}$ *м*, которые затем путем разминания ногой превращаются в пластины шириной 30 — 40 *см*. Пластины делаются двух типов — прямоугольные и изогнутые со скошенными концами. Из первых делается нижняя, цилиндрическая часть танура, из вторых — верхняя, образующая плечи. Пластины лежат в тени 2 - 3 часа.

Провянувшие пластины поднимают, ставят на ребро и сводят концы, слепляя их руками. Полученные цилиндры формуют посредством выбивания по наружной поверхности деревянной лопаткой (рис. 9).

Изнутри, для того чтобы от ударов не прогибалась стенка, подставляют, держа в левой руке, наковаленку широким закругленным концом из обожженной глины. Наковаленка имеет форму гриба с широкой шляпкой. Поверхность лопатки покрыта сплошь поперечными рубчиками. От выбивания рубчатой лопаткой вся наружная поверхность тануры остается покрытой пучками коротких бороздок. На внутренней поверхности от давления наковаленки получаются ряды плоских углублений. К готовому цилиндру надста-

вляют сверху второй ярус из изогнутой пластины. Для этого широкий выпуклый край ее слегка скашивают, проводя по нему мокрой тряпкой, затем поднимают, и, упирая нижним, скошенным краем на верхний край цилиндра, сводят концы.

Затем шов слепляют руками, слегка замазывая его изнутри, и выбивают верхнюю, надставленную часть той же лопаткой. К сформованному сосуду затем прилепляют венчик. Для него из комка глины раскатывается в руках толстый жгут, который прилепляется по краю верхнего, узкого отверстия. Венчик прилепляется руками, шов промазывается пальцами и поверхность его сглаживается мокрой тряпкой. Из описания лепки тануров видно, что они сделаны из трех поясов. Но если мы сравним их с сосудами для воды, то увидим, что тануры имеют форму верхней половины крупных корчаг, представляя собой как бы незаконченные сосуды.

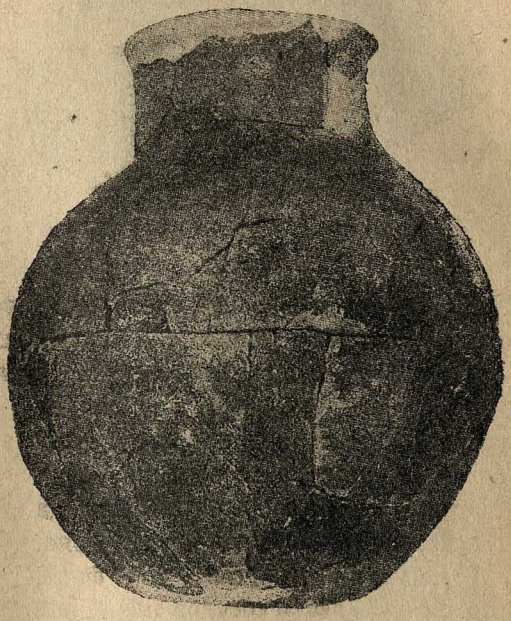

Рис. 10.

Таким же способом, как и описанные выше тануры, лепятся и крупные сосуды для воды. Отличие заключается в том, что последние состоят из четырех поясов. Первым поясом является дно, которое лепится в виде плоского кружка, второй пояс— стенки от дна до линии наибольшей ширины сосуда, третий — плечи от линии наибольшей ширины и четвертый — шейка с венчиком.

Благодаря широкому распространению ножного круга, в настоящее время нижняя часть корчаг часто лепится на кругу, путем вытягивания из одного куска глины. Верхняя часть в этих случаях налепляется в виде двух поясков, без круга.

Сосуды «мусульманского» периода лепились таким же способом. Мелкие сосуды на гончарном кругу, путем вытягивания из одного комка глины, крупные — из четырех поясков, без круга. Из более ранних эпох нам удалось изучить керамику «сарматской» культуры времени около начала нашей эры в северной части Киргизистана и культур эпохи бронзы и раннего железа Туркменистана.

Сосуды «сарматской» культуры леплены без гончарного круга. На линиях спая между поясами швы хорошо заметны. На разбитых сосудах дно выпа-

дает в виде кружка. Края черепков, распавшихся по линии спая, гладки и скошены. Верхний край скошен изнутри, нижний — снаружи. Граница между вторым и третьим поясом проходит по линии наибольшей ширины сосуда (рис. 10). Третий пояс, образующий плечи сосуда, отогнут внутрь руками — на внутренней поверхности его видны отпечатки пальцев во всю длину, идущие в вертикальном направлении. На внутренней поверхности дна и нижней части стенок у многих сосудов видны отпечатки ткани (рис. 11). Дно у сосудов уплощенное, но видно, что при формовке оно было округлым и уплощалось уже на готовом сосуде. По всей вероятности дно и второй пояс формовались на твердой болванке с шаровой поверхностью, покрытой тканью. Благодаря покрытию тканью глина не прилипала к поверхности болванки.

Рис. 11.

Затем формованный низ сосуда снимался и на него накладывался сверху третий пояс, который формовался сперва в виде цилиндра, а затем отгибался внутрь руками, образуя плечи сосуда. Последней налеплялась шейка сосуда, образующая четвертый пояс.

Интересным является тот факт, что в случае лепки сосудов «неполной формы» — чаш и высоких котелков без шейки — они формовались из двух или трех поясов. Таким образом чашка представляет собой как бы нижнюю часть сосуда. Здесь форма сосуда вполне согласуется с техническим приемом его изготовления. В случае, если у чашки верхняя часть отогнута внутрь, то отогнутая часть от линии перегиба прилепляется в виде третьего узкого пояса. Этот факт подтверждает нашу гипотезу о лепке первых двух поясов на болванке. Отогнутая часть налепляется отдельно, так как иначе она препятствовала бы снятию сосуда с болванки.

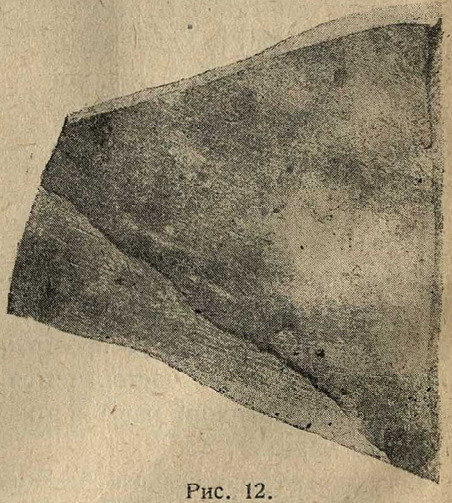

Рис. 12.

Глиняная посуда эпохи бронзы и раннего железа Туркмении из культурных холмов — «тепе» Анау, Ак-тепе близ Ашхабада, Намазга-тепе близ Каахка и нескольких других пунктов, в более ранних стадиях сделана без

круга, в более поздних на кругу. Сосуды, лепленные без круга, состоят из четырех поясов, причем, так же как и в сарматской культуре, ширина поясов достигает 30 — 40 *см*, в мелких они уже, в зависимости от высоты сосуда. При наложении поясов, края их скашиваются и заходят друг за друга (рис. 12).

Сосуды, лепленные на кругу, вытянуты из одного куска. Отдельные сосуды различных эпох, просмотренные в собраниях Ашхабадского, Самаркандского и Ташкентского музеев, дают вполне аналогичную картину.

Район горного Таджикистана.

Техника лепки — жгутовая, спиральная. Гончарство этого типа известно пока в районе Ягноба, Каратегина, Дарваза и ряде других пунктов горного Таджикистана. Имеются указания на наличие его в Припамирье и северном Афганистане. Эти районы пока еще очень слабо обследованы и более или менее точных границ распространения гончарства этого типа наметить невозможно. Можно предполагать, что указанный нами район является лишь частью большого массива, включающего Афганистан и, быть может, прилегающие горные области. Решение вопроса принадлежит будущему.

В настоящее время по таджикскому гончарству имеется лишь одна крупная работа Е. М. Пещеровой (10) и несколько более или менее случайных заметок этнографов и историков, занимавшихся изучением гончарства лишь попутно (11 — 15).

Гончарная техника таджиков представляет крупный интерес, так как она, на ряду с якутской, сохраняет наиболее архаичные черты гончарства на территории СССР. Сосуды лепятся исключительно женщинами, без гончарного круга. Сорта глины тщательно выбираются. С выбором глины и самым гончарством связан целый ряд обрядов и запретов, говорящих о большом значении, придаваемом этому ремеслу. Посуда обычно лепится для себя и редко продается. Добытая глина разводится водой, густо замешивается и долго мнется ногами, затем покрывается мокрой тряпкой и оставляется в таком виде на целый день.

На следующий день ее месят снова и затем приступают к лепке. Сосуды делаются на высоких подставках в виде плоского камня, кружка из глины или перевернутого кверху дном старого сосуда. На подставку кладется круглая плита из глины с навозом, на которой и производится лепка. Каждый сосуд лепится на отдельной плитке и вместе с ней снимается с подставки. Мастерица сидит на земле, рядом с ней на доске лежит глина, перед ней подставка для лепки сосудов. Она берет кусок глины, кладет на подставку и пальцами вылепляет дно и начало стенок.

Затем берет по очереди небольшие куски глины, раскатывает их на ладони в жгуты диаметром 1 — 3 *см* и длиной 12 — 15 *см* и налепляет их по спирали друг на друга. Затем, дав сосуду слегка подсохнуть, налепляет из таких же жгутов венчик и ручки.

*

Вылепленные сосуды формуют путем сглаживания изнутри обломком деревянной ложки, поворачивая постепенно формуемый сосуд на подставке рукой. Стенки готового сосуда сглаживаются пластинкой из коровьего ребра. Обжиг производится на воздухе. Сосуды укладываются в кучу на слои кизяка (комки, сделанные из навоза, употребляемые в качестве топлива) и обкладываются тем же кизяком. Топливо поджигают со всех сторон. Прогоревшие места закрываются свежим кизяком. Обожженные сосуды пятнистого красновато-бурого цвета, сердцевина стенок темно-серая. Обжиг получается довольно слабый.

Способ лепки древней посуды на этой территории нам не известен. Кроме описанных способов в Средней Азии есть еще один, применяемый у племени Джемшидов, в Туркменистане. Данные о нем собраны Д. Д. Букиничем при обследовании этой группы по поручению Академии наук. Сосуды лепятся не из глины, а из особой массы, в состав которой входят растительные и минеральные вещества. Лепка сосудов производится без гончарного круга, на волосяных мешках. Мешок, наполненный золой или песком, обмазывается слоем упомянутой массы толщиной $1^1/_2$ — 2 *см*. Ручки делаются из трубчатых костей животного, покрытых слоем той же массы. После просушки из мешка удаляется содержимое, и сам мешок извлекается. Готовые сосуды имеют форму наполненного мешка, с высоким горлом, и употребляются необожженными. Необходимо отметить, что в Средней Азии довольно широко распространены сосуды из смеси навоза или жмыха с шерстью, с небольшим количеством глины. Употребляются для растительного масла. Способ их производства нам неизвестен.

В нашем описании остаются незатронутыми два крупных района — Кавказ и южные области европейской части Союза ССР — Украина и Крым. В настоящее время на территории Украины сосуды изготовляются на ножном гончарном кругу, путем вытягивания из одного куска глины (16, 17). О применении какой-либо иной техники нам ничего не известно ни из литературы, ни из личных наблюдений. Кавказ со стороны гончарства остается совершенно неисследованным. Нам известна лишь одна статья с довольно поверхностным описанием гончарной техники (18). В ней имеется указание, что армяне Эриванской губ. и грузины и имеретины в Кахетии и Кутаисской губ. лепят большие сосуды для вина жгутовой техникой. Эта же техника отмечена проф. А. А. Миллером на Северном Кавказе. Древняя керамика Украины и Кавказа нами не изучалась.

Заключение.

Таким образом, мы имеем на описанной территории пять типов гончарной техники:

1. Северо-западный — ленточной спиральной техники;
2. Восточно-сибирский — лепкой сосудов из нескольких частей, со

спаями, идущими в вертикальном направлении, и формовкой путем выбивания;

3. Среднеазиатский — с лепкой сосудов из четырех горизонтальных поясов;

4. Таджикистанский (Памиро-Бадахшанский?) — жгутовой, спиральной техники;

5. Тип лепки путем вытягивания из одного куска глины, на ножном кругу.

Из того факта, что первые четыре типа имеют различные районы распространения и существуют на одной и той же территории с момента возникновения гончарства, можно вывести заключение, что гончарство возникло в каждом из указанных районов самостоятельно. Возможно, что район распространения каждого из типов соответствует ареалам хозяйственно-культурных образований ко времени возникновения гончарства на данной территории.

Лепка сосудов на ножном кругу, путем вытягивания из одного куска глины, появляется в позднее время и постепенно заменяет собой архаичные способы производства. Районные отличия указанных выше типов сглаживаются, и способ лепки становится единообразным на всей территории распространения ножного круга. Основным районом его распространения, а быть может и возникновения, является круг областей, тяготеющих к Средиземному морю.

Заканчивая настоящую работу, следует указать, что она является лишь первой попыткой рассмотрения истории гончарной техники всей территории Союза и, естественно, нуждается в целом ряде поправок и дополнений, которые могут быть внесены дальнейшими исследованиями в этой области.

В заключение считаем долгом принести глубокую благодарность С. А. Теплоухову, М.П. Грязнову, Г.П. Сосновскому и П. П. Ефименко за предоставленные ими коллекции и сообщение ряда ценных сведений.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Зеленин Д. К. Примитивная техника гончарства «налепом» в Восточной Европе. Этнография, № 1. 1927. 2. Voevodski M. Les moyens méthodiques pour l'étude de la céramique, Eurasia septentrionalis antiqua. IV. Helsinki 1929. 3. Степанов П. Гончарное производство Саратовской мордвы. Листовка № 16. Изд. Саратовского Гос. обл. Музея. 4. Устное сообщение проф. В. П. Налимова. 5. Куфтин Б. А. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губ. Московский краевед. В. 5. 1928. 6. Подгорбунский В. И. Заметки по изучению гончарства якутов. Сибирская живая старина. VII. Иркутск. 1928. 7. Серошевский В. Якуты. Т. I. СПБ. 1896. 8. Маак Р. Вилюйский округ Якутской области ч. III 1887 г. СПБ. 9. Петри Б. Э. Неолитические находки на берегу Байкала. Петроград. 1916. 10. Пещерова Е. М. Гончарное производство у горных таджиков. Изв. Среднеазиатского Геогр. О-ва. Т. XIX. Ташкент. 1929. 11. Семенов А. А. Этнографические очерки

зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М. 1903. 12. Малицкий Н. Г. Ягнобцы. Изв. Туркест. отд. русск. геогр. о-ва. Т. XVII. 1924. 13. Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Сборник Муз. антр. и этн. при Академии Наук. Т. V. В. I. ПТГР. 1918. 14. Зарубин Н. Н. Отчет об этнологических работах в Средней Азии, летом 1926 г. Изв. Академии наук. 1927. 15. Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа. М. 1908. 16. Самарин Ю. А. Подольские гончары. Гос. центр. музея народоведения. М. 1929. 17. Фриде М. Гончарство на юге Черниговщины. Материалы по Этнографии. Т. III. В. I. 1926. 18. Пиралов А. — Кустарная промышленность России. Т. I. СПБ. 1913.

ОБЪЯСНЕНИЯ К РИСУНКАМ.

1. Дно сосуда, вылепленное из одного жгута. Можайский у. Москов. обл.
2. Заготовка крынки до формовки. Оттуда же.
3. Формовка венчика мокрой кожей. Ветлужский район Нижегородск. края.
4. Клеймо и бортик на дне современного *(а)* сосуда из с. Куликова Москов. обл. и то же *(б)* на сосуде курганного периода Смоленской губ.
5. Верхняя лента от неолитического сосуда с. Б. Козинской стоянки Нижегородск. края.
6. Сосуд бронзового периода с распадом по спаям лент. Липкинская стоянка Владимирск. губ.
7. Сглаживание зубчатым орудием поверхности сосуда. С той же стоянки.
8. Следы от выбивания рубчатой лопаткой. Неолитическая стоянка на р. Илим, В. Сибирь.
9. Лепка нижних поясов тануров, г. Пскент Ташкентского округа.
10. Сарматский сосуд со спаем по линии наибольшей ширины. Киргизская АССР.
11. Отпечатки ткани на внутренней поверхности дна сосуда того же типа. Киргизская АССР.
12. Шов спая на внутренней поверхности сосуда. Намазга-тепе, близ Каахка. Туркмения.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ УДМУРТОВ

(К десятилетию Вотской Автономной области)

М. Т. Маркелов

В январе 1931 г. исполняется первое десятилетие существования Вотской автономной области. Своевременно поэтому в кратком обзоре экспедиционных материалов отметить основные задачи, которые стоят ныне перед

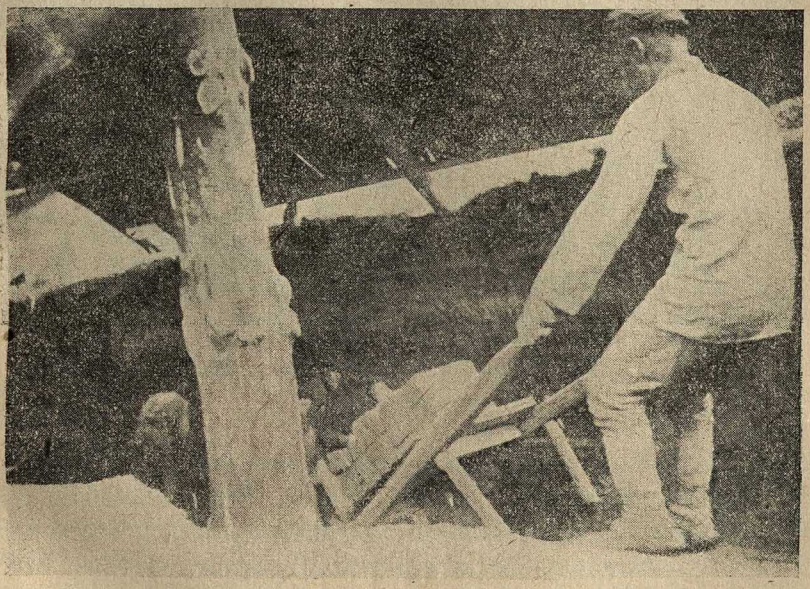

Рис. 1. Колхоз «Шонер» Вотобласти. 1930 г.
Колхозный кирпичный завод.

научным изучением удмуртского населения области. Именно в этом плане Центральный музей народоведения еще весной 1930 г. нашел необходимым организацию этнографической экспедиции по изучению удмуртов. Музей нашел нужным тесно увязать свою работу с местными научными учреждениями области, в результате чего к экспедиции примкнул Областной музей Вотобласти, в полном контакте с которым и при непосредственном участии которого и была в течение $3^1/_2$ мес. проведена работа.

Экспедиция работала под руководством заведующего финским отделом ЦМН — М. Т. Маркелова при участии сотрудника того же музея В. Н. Белицер и заведующего Вотским областным музеем Г. Ф. Сидорова. Кроме того к экспедиции был прикомандирован один из виднейших художников Москвы — скульптор И. С. Ефимов.

Экспедиция носила тематический характер и работала поэтому над рядом ударных проблем, утвержденных как центральными, так и местными учреждениями области, в частности Обисполкомом и Обоно.

Рис. 2. Колхоз «Шонер» Вотобласти. 1930 г.
Детские ясли в колхозе.

Прежде всего внимание экспедиции было занято вопросом современного хозяйственного строительства области. В этом плане изучалось сельское хозяйство, в частности земледелие, кустарные промысла, охота и другие виды хозяйственной деятельности удмуртов. В порядке изучения этой проблемы экспедиция большое внимание уделила колхозному строительству области, собрав материал по монографическому описанию отдельных колхозов в разных районах. Колхозное строительство Вотской автономной области — это то, что составляет на данном отрезке времени фон экономики области; проблема коллективизации — это то, чем живут сейчас областные учреждения, областные работники и массы удмуртского крестьянства. Не это, само по себе, конечно, является достижением области и даже не то, что в пределах автономной области имеется в настоящее время ряд прекрасно оборудованных колхозов — в этом отношении область является типичной для данного сельскохозяйственного района, объединяемого Нижегородским

краем. Несомненным и специфическим достижением области в деле коллективизации сельского хозяйства является тот факт, что областные учреждения по некоторым районам успели произвести коренной перелом в сознании массы удмуртского крестьянства.

Экспедицией стационарно велись исследования по этому вопросу в Шарканском еросе Вотобласти. Нужно сказать, что еще летом 1930 г. в пределах, например, Шарканского райсовета мы имели 63% коллективизированного удмуртского крестьянства. Идейным вдохновителем коллективизации по

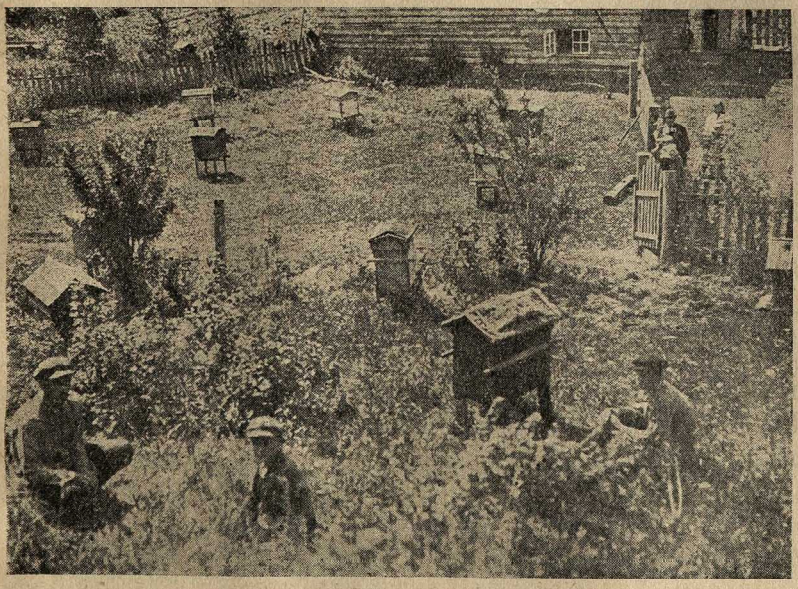

Рис. 3. Колхоз «Шонер» Вотобласти. 1930 г.
Колхозная пасека.

данному району безусловно является один из старейших колхозов области «Шонер». История этого колхоза, которой занималась экспедиция, — это славная история переустройства сельского хозяйства в области. «Шонер» существует с 1921 г. и ныне объединяет в себе окружающие удмуртские деревни. «Шонер» — это центр, к которому тяготеют удмурты-крестьяне, «Шонер» — уголок области, который успел перестроить не только хозяйство, но крестьянский быт, материальную культуру, национальное сознание, успел создать тип нового крестьянина-колхозника. Начать хотя бы с того, что «Шонер» представляет собой новый колхозный поселок, бесконечно отличающийся даже по внешнему виду от удмуртских традиционных «гуртов». Расположенный на высоком берегу р. Шарканки, поселок напоминает скорее миниатюрный городок, с рядом специфически колхозных построек. Над рекой возвышаются сооружения турбинной мельницы, колхозной кузницы и прекрасно оборудованного сарая для сельскохозяйственных

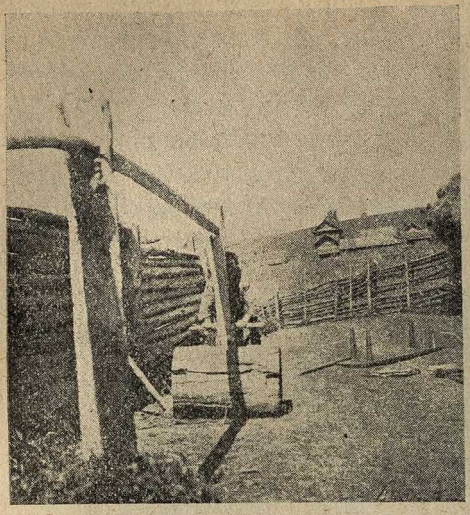

Рис. 4. Д. Улын-Юри, М.-Пургинского ероса Вотобласти. 1930 г.
«Гыр» — ступа для толчения конопляного семени.

машин, содержащихся в образцовом порядке. Новое здание колхозного инкубатора, работающего на несколько десятков тысяч яиц, пытается сохранить некоторые архитектурные детали национального типа удмуртских построек и говорит о том, что проблема архитектуры колхозных построек волнует сейчас умы колхозников. На горе возвышаются два больших деревянных помещения — правление колхоза и детские ясли. Над самой рекой на крутогоре разбросан сад с открытой сценой и экраном для кино-передвижки.

Колхозники с гордостью показывали нам колхозный племенной скот в виде романовских овец, производителей-жеребцов породы «Вятка», сытого ярославского быка и наконец огромной иоркширки, при нас принесшей потомство около дюжины дородных розовых поросят.

Создался в колхозе и новый тип колхозника-энтузиаста, колхозника-спеца, колхозника-изобретателя. Про местного крестьянина механика т. Иванова рассказывали, что он отремонтировал и пустил в работу колхозный трактор, от ремонта которого отказались заводские мастерские; ныне он имеет своих учеников — колхозных кузнецов и трактористов. Другой колхозник т. Корепанов с энтузиазмом отдался устройству инкубатора и успел самоучкой стать большим специалистом в этой области; т. Сидоров, председатель правления колхоза, занят культивированием клевера на колхозных лугах, и уже в течение ряда лет клевер дает большие доходы колхозу. При нас начались силосовальные работы, которыми заняты удмуртки женщины-колхозницы.

Рис. 5. Д. Улын-Юри, М.-Пургинского ероса Вотобласти.
Борьба в день скачек.

Женский национальный костюм непосредственно нивелируется здесь колхозной спецодеждой; удобство в работе диктует новые покрои. Спецодежду носят работницы яслей, работницы инкубатора, работницы с силосовальной машины и т. д.

Принципы коллективизации в подлинно революционных темпах проводятся ныне не только по отношению к удмуртскому земледелию, но и в применении других видов хозяйственной деятельности удмуртов. Изживший себя к началу XX века способ индивидуальной охоты в лесных районах

Рис. 6. Д. Улын-Юри, М.-Пургинского ероса Вотобласти. 1930 г. «Жертвенник» в общественной роще для моления. Перед иконой стоит бутылка кумышки.

области возрождается теперь в коллективных организациях охоты, создаваемых областным охотсоюзом. Местные охотничьи ячейки сами взяли на себя заботы по борьбе с браконьерством и хищническим истреблением дичи. Коллективизация охотничьих промыслов по предложениям охотсоюза и кооперативных органов к концу пятилетки превратит охоту в области в одну из наиболее доходных статей лесных занятий удмуртов.

Умело используются областными учреждениями иногда хозяйственные навыки удмуртов в перестройке их хозяйственного быта. Так, в создании текстильных артелей, мастерских-школ по обработке льна и пеньки безусловно лежит большое будущее в развитии удмуртского текстиля. Шарканская, например, ткацкая мастерская-школа уже сейчас поставляет на местный рынок замечательные образцы тканей, по качеству не уступающих фабричным.

Все это говорит за то, что основной формой современного хозяйственного строительства области является его социалистическая форма. Это составляет общий фон.

Было бы, однако, недопустимым оптимизмом считать, что этот фон ровной поверхностью покрывает хозяйство области. Далеко не так. Глухие углы области до сих пор лежат обширными пятнами хозяйственной рутины и отсталости на этом фоне. Имеются заброшенные участки и в хозяйственном строительстве. Там, где волна коллективизации не успела еще залить

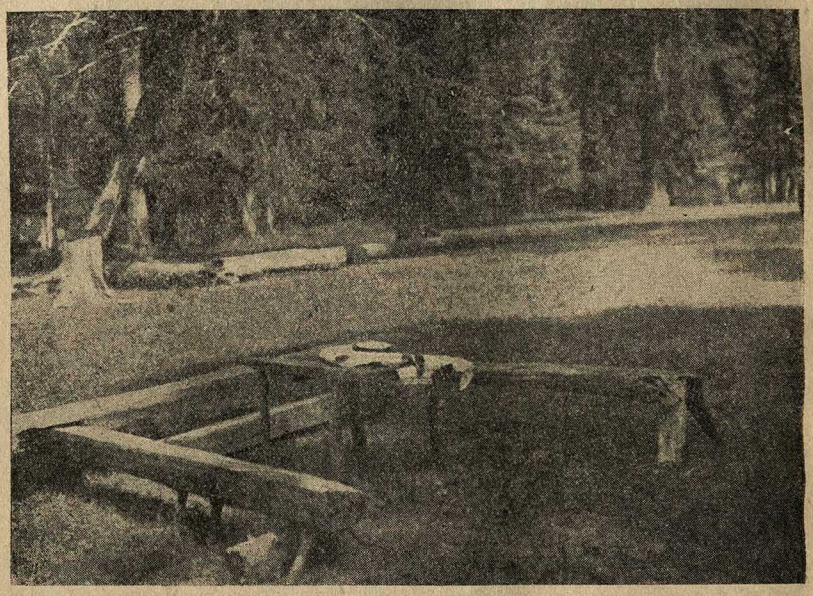

Рис. 7. Д. Улын-Юри, М.-Пургинского ероса Вотобласти. 1930 г.
Место для трапезы стариков на общественных молениях удмуртов.

область, до сих пор мы имеем самую отсталую сельскохозяйственную технику. Трехпольный севооборот, примитивная мелко вспахивающая соха, мотыга-сошник, коса-литовка, горбушка и серп еще и теперь привольно гуляют по удмуртским полям и лугам. К наиболее заброшенным участкам удмуртского земледелия в частности нужно отнести огородные культуры, до сих пор развивающиеся на единоличных основаниях. Сейчас для развития удмуртского огородничества еще почти совсем не имеется рациональных предпосылок — в результате этого остро стоит в области овощная проблема. Собственнические принципы огородничества вредно отзываются на других видах хозяйствования удмуртов, в частности на домашнем животноводстве. Домашний скот зачастую уродуется в угоду огородам. Ошейники, колодки, путы сковывают удмуртскую свинью, овцу, гусей, кур и пр. Удмуртская свинья обречена на недорост, закованная в своеобразный деревянный пе-

редник, овца обречена на паршь, и все это ради того, чтобы животное не попало в огород соседа.

Вторая категория проблем, которыми занималась экспедиция, лежит в изучении общественного быта удмуртского населения области. В этом отношении также нужно констатировать, что первое десятилетие существования области дало ряд достижений в создании революционной общественности в удмуртских селениях. Не только такие центры области, как Шарканский ерос с селениями, группирующимися вокруг «Шонера», перестраивают на-

Рис. 8. Д. Улын-Юри, М.-Пургинского ероса Вотобласти. 1930 г. Моление на яровом поле.

циональную общественную стихию на новый советский лад. Революционные темпы в перестройке общественности уже достигли и многих захолустных углов области. Так, экспедиции приходилось изучать новую общественность в захолустьях Можчинского ероса по течению лесной р. Валы в удмуртском селении Пазьял-Жикья. Общественность Пазьял-Жикьи концентрируется вокруг местных довольно мощных партийных ячеек и комсомольской организации. Пазьял-Жикья имеет не только избу-читальню и красный уголок, но прекрасно оборудованный клуб, библиотеку. При нас достраивался большой двухэтажный народный дом, который должен открыться в дни Октябрьских торжеств.

Изба-читальня вовлекла в свою работу не только молодое поколение деревни, но и пожилое. Не одни мужчины являются работниками и посетителями избы-читальни, но и женщины удмуртки. При избе уже в течение 2 лет работает ряд кружков, в том числе и кружки рукоделия, детского вос-

питания, санитарии и гигиены и пр. Изба-читальня периодически ставит вечера самодеятельности, на которых организуется исполнение национальных песен, плясок, игр. Местные парторганизации являются вдохновителями деревенского строительства. При нас было организовано ими несколько субботников по запруде деревенского пруда в предохранение от пожаров; ими же созданы пожарные бригады, уже закончившие постройку пожарной вышки и сарая. Все это безусловно должно быть отмечено, потому что Пазьял-Жикья является не центральным, а скорее захолустным пунктом, отстоя-

Рис. 9. Д. Улын-Юри, М.-Пургинского ероса Вотобласти. 1930 г.
Общественные моления удмуртов.

щим от ближайшего еросного центра в 40 *км*, а еще 10 лет тому назад это селение являлось центром больших соборных молений удмуртов для окружающих удмуртских деревень.

Так же как и по отношению к хозяйственному строительству, и на общественном фронте нужно отметить те же пятна отсталости и вековых традиций, еще не изжитых в полной мере. Нет людей, чтобы поставить систематическую работу по перестройке быта во всех районах одинаково, поэтому, например, юго-восточные еросы области, а частично и северные, только еще приступают к этой работе. Такие районы как М. Пургинский ерос, Алнашский, некоторые селения Балезинского в ударном порядке требуют концентрации культурных работников. Именно они и явились для экспедиции пунктами, где велось исследование примитивных форм хозяйства и общественности.

По заданию Комакадемии в М. Пургинском еросе области экспедиция

занималась проблемой разложения родового строя удмуртов. Нужно сказать, что именно этот ерос почти до настоящего времени в большой мере сохранил в себе черты родового общества. В этом плане экспедиция стационарно поставила работу над изучением трех деревень, объединенных общими родовыми названиями. Материалы, собранные экспедицией, дают возможность говорить об удмуртском родовом устройстве не только как о культовом союзе, что в имеющейся литературе подчеркивалось до сих пор. Экспедицией найдены черты родового хозяйства в пользовании землей, лесными делянками, скотом. Родовые общественные организации в виде «Кенеша», организации старейшин, «Пура» — родовых судей, «Восясьпура» — объединения жрецов и т. д. до сих пор являются реально значимыми в общественной жизни удмуртов. Родовая солидарность в форме родственно соседской взаимопомощи до настоящего времени служит тормозом в хозяйственном переустройстве жизни удмурта. Достаточно привести один пример, чтобы это стало ясным. В одном селении области родственники и соседи поставили раскулаченному новую избу, купили корову и лошадь. В другом селении на официальных собраниях сельсовета производилась раскладка средств на родовые и общественные моления; уполномоченные сельсоветов производили сбор средств на эти моления, уж не говоря об участии их в самых молениях.

Рис. 10. Д. Улын-Юри, М.-Пургинского ероса Вотобласти.
Семейное моление во дворе.

Родовые принципы до сих пор легко выявляются и в материальной культуре удмуртов, в частности, в жилищах и постройках. Сохранились селения, в которых типичным крестьянским двором является двор-поселок, состоящий из двух-трех и четырех жилых изб, в которых, как правило, селятся женатые братья. Таким образом здесь мы имеем типичную большую родовую семью. Именно совокупность всех жилых изб, сконцентрированных в одном громадном дворе, и носит удмуртское название — «азбар». Семейные разделы в таких селениях — дело самого недавнего прошлого, они начались во время революции. Экспедиции удалось также окончательно установить взаимоотношения между двумя стильными и типичными сооружениями в

удмуртском дворе — это между «Куа» или «Куала» и «Кеносом». Совершенно несомненно, что и та и другая постройка в своем генезисе связаны с теми же древнеродовыми взаимоотношениями, причем «Куала» с патриархальным родом, «Кенос» с материнским. «Куала» вначале играла роль жилища для мужчин, «Кенос» являлся по преимуществу жилищем женщин, куда мужчина допускался лишь в самых исключительных случаях. Впоследствии «Куала» стала жилищем предков: до настоящего времени в нем хранятся родовые реликвии в виде родового «Варшуда», родового трона для старейшины «бадзым пукон», очага и пр. В «Кеносе» же по настоящее время в известное время своей жизни живет женщина удмуртка: в остальное время «Кенос» является местом хранилища женского скарба и имущества. За все это говорит ряд обрядов, связанных с постройкой «Кеноса» и «Куалы».

Совершенно исключительный по богатству материал удалось собрать экспедиции по религиозному культу удмуртов. В том же южном районе в течение 20 дней экспедиция могла беспрерывно наблюдать и изучать общественные моления, связанные сельскохозяйственным междупарьем. Моления происходили в «священных» рощах, расположенных близ трех деревень, объединенных названием «Юри». По своему социальному смыслу эти моления целиком связаны с культом предков, модифицировавшимся в более широкий культовой союз удмуртской крестьянской общины. Нужно прямо констатировать, что на идеологическом фронте южный район области до сих пор предоставлен самому себе. Антирелигиозная работа здесь отсутствует полностью. Культурных сил чрезвычайно мало.

Последняя проблема, которая занимала внимание экспедиции, это народное искусство удмуртов. Прикомандированный к экспедиции художник С. И. Ефимов специально поставил перед собой задачу изучения народной архитектуры и промыслов, связанных с обработкой дерева у удмуртов. Всего им сделано больше сотни художественных рисунков, перерабатываемых ныне в некоторой своей части по заданию Вотского ОБОНО и Областного музея в большие картины.

В музейном плане экспедиция приобрела большое количество экспонатов для Центрального музея народоведения и Ижевского областного музея по характеристике удмуртского земледелия, охоты, домашних промыслов, религиозного культа и пр.

ИЗ ОПЫТА ЛЕНИНГРАДСКИХ ЭТНОГРАФОВ

(Разряд этнографии ГАИМК после реорганизации)

Реорганизованный осенью 1929 г. разряд этнографии Государственной академии истории материальной культуры практически стремился проводить в жизнь те новые идеи в советской этнографии, которые теоретически были провозглашены на апрельском этнографическом совещании. [1]

Разряд перестроился в соответствии с принятым марксистским пониманием истории материальной культуры (материального производства) различных общественных формаций, как «материального базиса общественных отношений различных исторических эпох и вытекающих из этих отношений духовных представлений». На долю разряда падала преимущественно задача изучения материального производства, с учетом производственных отношений и надстроек, поскольку последние отражены в реальных объектах — памятниках культа.

Таким образом разряд в своей работе пытался облегчить переход к применению в этнографии марксистского метода; с другой стороны, выдвинув темы актуального значения, разряд и в этом отношении пошел по пути решений апрельского совещания.

Производственный план включает детальную проработку методического вопроса об увязке этнографии и археологии на конкретном материале по жилищу, одежде, производствам, связанным с изготовлением одежды, по налепному гончарству и средствам передвижения.

Каждая из этих тем разрабатывается сотрудниками — этнографами, с привлечением археологов; затем, к концу года, в сводном докладе эти отдельные темы объединяются.

Другой комплекс тем — материальные элементы культа — связан с составлением религиозно-бытовой карты СССР, для чего в разряде выделена соответствующая комиссия, под председательством зав. разрядом — Н. М. Маторина.

По плану территория, подлежащая изучению, из года в год расширяется: Ленинградская область, Среднее Поволжье, Северный Край, Нижнее Поволжье, Сибирь и Кавказ.

Переходим к обзору фактической работы разряда за первый период его существования — с 29 октября 1929 г. до 8 июня (последнее заседание перед разъездом на летнюю полевую работу).

В течение этих 7 мес. было 28 заседаний разряда и 2 заседания президиума с участием кино-работников по вопросу о кино-атласе народов СССР.

Не имея возможности рецензировать здесь все доклады и сообщения в отдельности (их было всего 39), остановимся на важнейших, распределив их по группам.

Группа методологических докладов открылась обстоятельным докладом Н. М. Маторина, который обосновал пути и формы применения марксистского метода в этнографии. Мы исходим из анализа общественной среды и уровня развития производительных сил. Именно производительные силы, на основе которых вырастают определенные производ-

[1] См. «Этнография», № 2, 1929.

ственные отношения, и составляют предмет нашего изучения в конкретных общественно-исторических формациях. Далее, мы должны заняться изучением и надстроечных явлений, в первую очередь связанных с материальным костяком религии — объектами культа. В работе мы будем бороться с цеховщиной и постараемся наладить корпорацию представителей всех сопредельных с этнографией дисциплин, так как к тому обязывает единство тем. Работу свою разряд представляет в самой тесной связи с Комакадемией, в части разработки методологических вопросов, и с ЦБК — по линии увязки с этнографическими отделами музеев и краеведческими организациями.

Следующий доклад этой серии — методология изучения материальной культуры — Д. К. Зеленина, который в итоге своих многолетних работ подошел к разрешению проблемы материалистического и искусствоведческого подходов недавнего прошлого. Классификация изучаемых предметов материальной культуры должна быть динамической и инерческой; в основе ее должен лежать функциональный признак; звенья классификации должны соответствовать этапам развития данного орудия. Структуру предмета определяют его функции, которые вместе с тем выполняют определенный социальный заказ. Далее — необходимо изучение географического распространения элементов материальной культуры; этнограф должен учитывать явления на неографической основе («Этнический ландшафт» Н. Я. Марра) в их цельном комплексе. Изучение вещей — только средство для изучения общества, ибо совершенно определена связь явлений материальной культуры с формами хозяйства. Углубленное этнографическое изучение производства, одновременно с яфетидологическим анализом их терминологии, при тесной увязке с археологией, должно привести к социалистическому анализу явлений материальной культуры у различных классов, равно как и идеологических надстроек, развившихся на базе социально-экономических отношений. Производственные обряды и культы, равно как и организация труда в каждом данном производстве, служат одновременно с техникой и экономикой актуальными предметами этнографического изучения.

Все эти положения докладчик иллюстрировал примерами.

Внесены уточнения и в вопросе о религиозном искусстве, где имеем случай взаимного влияния надстроек (религии на искусство); это не случайно, так как определенная форма религиозного мировоззрения вызывает известные магические действия, которые в свою очередь получают известное оформление в виде изображений и т. п. Указываемая прежними этнографами «эстетическая наклонность», будто бы свойственная примитивным народам, при современном подходе получает совершенно иное освещение. Также и в вопросе о смешении (скрещении) стилей следует учесть экономическую подоплеку, подобно тому, как это имеет место в религиозном синкретизме.

Последним из методологических докладов был доклад И. И. Мещанинова — Яфетические задания в области этнографии. Докладчик осветил пункты расхождения яфетидологии с индоевропейской школой. Язык изучается в связи со стадиями общественного развития, отсюда естественна связь с формациями, а не с расами; изучаем смены языковых структур в их трансформационном чередовании. Индоевропеистика упирается в «праязык», который объединяет в себе все то, что характеризует «пранарод». Это и является пунктом разногласий. Не отрицая вообще переселений народов, как исторического факта, докладчик отвергает миграционную теорию, доказывающую существование очага, из которого исходят языки; всякий сдвиг при этом объясняется миграцией. С точки зрения докладчика переселение важно как возбудитель новых творческих элементов, вызываемых происходящим скрещением местного с пришлым или тем толчком, каковым переселившиеся этнические массы ускорят уже готовый, но искусственно задерживаемый взрыв на месте.

Подход к языку, как фактору общения, очень плодотворен: языковый материал позволяет углубиться в анализ древнейших культур; это бывает затруднительным для этнографа и археолога, оперирующих реальными вещами, не осмысленными в языковом выражении. Недостаточно изучать одни письменные памятники, так как в них отражен

язык только верхнего социального слоя, а «народные» языки можно изучить только углубляясь палеонтологически в современные живые языки, что и делает Н. Я. Марр.

Исходя из установок яфетидологии, сходных в основе с материалистической концентрацией марксистской этнографии, становятся ясными пути сближения яфетидологии и этнографии в практической работе. Язык, отражая происходившие в течение тысячелетий смены, является ценнейшим документом, особенно в случаях, когда древние, непонятные термины осмысляются народом теперь уже по-иному (это и является показателем архаичности термина).

В анализе тотемизма и магии яфетидология помогает этнографии понять сущность (не культовую, а трудовую, социальную) этих явлений. Яфетидология наконец поможет этнографам в их задании проанализировать колоссальное количество фактов и определить, какие из них более древние и какие возникли, трансформируясь позже. Для яфетидологии является безусловно необходимым использование целого ряда этнографических наблюдений, в особенности в том случае, если этнограф будет учитывать задания лингвиста новой школы и при собирании материала обратит особое внимание на терминологическую часть. Названия предметов в их палеонтологическом анализе помогут и этнографу осветить вопросы, связанные с функциональными изменениями, каковые запечатлелись в семантических переходах названия в связи с меняющеюся ролью данного предмета в социальной среде. В то же время прослеживание семантических переходов объекта наблюдения уточнит нередко преувеличенные толкования заимствований, вызванные узким применением формально-сравнительного метода.

Группа сообщений по материальной культуре: Н. И. Гаген-Торн — Одежда волжских турок, А. Г. Данилина — Одежда алтайских турок, Е. Р. Лепер — Одежда финнов Куйвозовского района Ленинградского округа, Н. Ф. Прытковой — Одежда финнов Ленинградского округа, А. Н. Супинского — Белорусская верхняя женская одежда, А. Я. Дуйсбург — Развитие и распространение ткацкого станка с подножками в Восточной Европе, Е. Р. Лепер — Подготовительные работы к ткачеству Восточных славян и наконец техника изготовления домотканины у финнов Ленинградского округа — ее же.

Сообщения эти объединены общностью темы. Они носили частью описательный характер, частью классификационный на основе принципов генетической классификации. Однако в этих сообщениях еще нет использования яфетидологии при анализе терминов одежды и не во всех с достаточной глубиной прослежена связь с социальной средой. Сами темы, объединенные в комплексе, разрабатывались на основе ранее добытых материалов, иногда на территории, выходящей за пределы плана этого года; при этом, естественно, учитывалось, что новый план работы осуществляется с новым составом сотрудников.

Можно сказать, что эти сообщения немногим отличались от прежних этнографических работ, так что характеризовать работу разряда в этой части можно как переходную стадию к осуществлению новых больших задач советской этнографии.

Комиссия по составлению религиозно-бытовой карты собиралась совместно с разрядом этнографии.

Много внимания было уделено разработке методики составления карты в докладах Н. М. Маторина — Принципы составления религиозно-бытовой карты; Методика и организация работ по составлению карты; А. А. Невского — Карточка сведений об объекте культа. Другие доклады дали ценные материалы по различным вопросам религиозного быта, таковы доклады Н. И. Репникова — «Мольбища» (экскурсия в область языческих верований Новгородской земли), А. В. Шмидта — Доисторические жертвенные места Камско-Уральского края, А. И. Семенова — Новгородские святые, Н. В. Малицкого — Древне-русские кресты и образки с изображениями магического значения, А. А. Невского — Культ святых по материальным памят-

*

никам бывшей Санкт-Петербургской епархии и А. И. Васильева — Псковские святыни и их социальная роль.

Важность картографирования предметов культа несомненна и в теоретическом и в практическом отношении. До революции были специфические трудности в деле изучения этих вещей: пиетет, окружавший их, тенденциозное освещение в церковной литературе. Если же и было изучение икон, церквей и т. п., то лишь с искусствоведческим подходом.

Теперь же мы можем по-настоящему, научно анализировать очаги культов.

Религиозно-бытовые карты можно составлять в различных планах: карты распространения тех или других верований вообще, карты отдельных специфических культов, карты каталожного типа для нанесения всех без исключения культовых объектов, наконец — карты «святынь», действительно имевших значение и основных очагов культа: последнего типа карту и составляет комиссия. Эта карта дает возможность осветить вопрос о переживании старых культов в христианстве: известны примеры языческих мольбищ, воспринятых православием (пещера Трифона Печенегского — бывшее место культа лопарей; Билярский источник в Татреспублике, одинаково почитаемый православными, магометанами и язычниками-чувашами, и многие другие), таким образом мы берем христианство не в его официально-книжных, а в бытующих реально-синкретических формах. Кроме монастырей, на карту будет нанесен ряд церквей, крестов, кладбищ, часовен, священных рогул, почитаемых деревьев, источников и прочих предметов и мест, связанных с чудесами, легендами и поверьями.

Картографирование предложено производить по районам: Ленинградская область, затем Северный Кавказ, ЦЧО, отчасти Поволжья. Составление аналогичных карт по Западной, Московской, Ивановской области, Белоруссии и Украины — задача работников Москвы и соответствующих областных центров.

Научная цель подобной большой работы — анализ религиозного синкретизма в Восточной Европе и Азии, такая работа должна быть поставлена затем и по отношению к Западной Европе (Бретань, Италия), более глубокий подход к этим вопросам подводит к изучению яфетической теории, к увязке с проблемой тотемизма и т. д.

С целью привлечения к работе краеведов и антирелигиозников, которые также весьма заинтересованы в этой работе, выпущена в издании ЦИК «Программа по изучению бытового православия», составленная Н. Маториным и Ал. Невским.

В процессе работы разряда выяснилась необходимость углубить изучение тех изменений в быту крестьянства, которые происходят под влиянием коллективизации. В связи с этим в качестве задания сотрудникам на летние полевые работы была предложена тема — Этнографическое изучение быта в колхозах и в единоличных хозяйствах. На заседаниях были заслушаны сообщения: Д. К. Зеленина — Программа этнографического изучения колхозов (издана ГАИМК), А. Г. Данилина и Е. Р. Лепер — План работ в северных районах по изучению бытового православия.

Кроме перечисленных, был еще ряд сообщений организационно-методических и информационных об этнографической работе на местах. Последние ставились с целью связаться с краеведами, которые теперь также ищут новых путей в области музейной и полевой этнографической работы. Сообщения эти следующие: М. Е. Шереметевой — Об этнографической работе в Калуге, Е. М. Полянской — О Костромской этнологической станции, Е. П. Луппповой — О работе в Вятке, В. И. Смирнова — Обзор работ в Иваново-Вознесенской области, П. И. Третьякова — О реорганизации Чувашского музея в Чебоксарах и С. Н. Рейпольского — Этнографическая работа в Ярославле, А. Г. Данилина — Итоги IV Всероссийской краеведческой Конференции, его же — I Всеказакстанский Научно-Исследовательский съезд в Алма-Ате, Д. К. Зеленина — Память У. Т. Сирелижа, его же — Об участии в работах по международному Словарю славянских поверий и производственный план разряда на 1929/30 г., М. В. Фармаковского — Организация изучения керамики, А. Н. Терского — Этнофиль и этнографический кино-атлас СССР и Н. М. Мато-

р и н а — Меморандум о положении этнографических местных музеев. Последние два сообщения особенно актуальны, поскольку существующее положение, когда все культур-фильмы, где сняты этнографические моменты, обходятся без участия этнографов в качестве консультантов, — ненормально. После обсуждения вопроса совместно с работниками Совкино предположено создать центр, регулирующий этнографические киносъемки, при ИПИН Академии наук, так как работа эта проектируется во всесоюзном масштабе.

Что касается меморандума, то он возник вследствие неоднократных жалоб краеведов на игнорирование этнографов в практической работе музеев: закрытие соответствующих отделов, прекращение ассигновок на полевые работы и т. д. У некоторых местных администраторов и хозяйственников создалось предубеждение, что этнография — наука бесполезная и что не стоит ее поддерживать. Нередко сами этнографы дают повод так думать, занимаясь только вещеведением и вещесобиранием в плане работ прежних архивных комиссий, совершенно устраняются от очередных задач — изучения деревни, быта рабочих и т. д. Между тем участие советских этнографов важно во многих областях: национальная политика, антирелигиозная работа, экспорт кустарных изделий и других. Все эти моменты и включены в меморандум, поданный в Главнауку и ЦБК от имени разряда.

В заключение несколько слов о практической работе разряда по выявлению новых видов экспорта. Благодаря налаженной связи с краеведческими музеями, разряд смог быстро ответить на запрос Новэкспорта (государственная контора новых видов экспорта) о разнообразных изделиях, имеющих художественно-прикладной интерес: глиняные игрушки, статуэтки, вязаные и тканые изделия, разные изделия из карельской березы и т. д. Разряду поручена Новэкспортом с помощью местных музеев научная экспертиза при покупке до сих пор не находивших сбыта этих предметов.

Подведем некоторые итоги. Если преждевременно говорить, что работа разряда уже вполне выдержана в смысле новых подходов к этнографии, то определенный сдвиг в этом отношении можно констатировать. Целесообразно построенный план и своевременное его выполнение гарантируют накопление новых данных, в новом освещении. Поскольку вопросам методологическим уделялось большое внимание, разряд, осуществляя намеченные задачи, сможет в дальнейшем стать одним из серьезных центров в области этнографической работы, соответственно размежевав свои функции с ИПИН Академии наук.

Мы сознаем свои недостатки, но в процессе работы их преодолеваем. Те горячие прения, которые сопровождали доклады в разряде, показывают наше критическое отношение к ним, желание научиться тому, о чем пока еще больше говорится, чем делается, — приложению марксистского метода в этнографии.

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАРОДОВ СССР (ИПИН)

Комиссия по изучению племенного состава СССР и сопредельных стран (КИПС) Академии наук преобразована 1 февраля 1930 г. в Институт по изучению народов СССР (ИПИН). Преобразованное учреждение получило значительно расширенные задачи, в число которых входит не только разностороннее изучение населения СССР в этнографическом, социально-экономическом и других отношениях, но также организация самого изучения: согласно новому уставу ИПИН должен являться в ряду академических учреждений руководящим, планирующим и координирующим органом по изучению человека. Из бывшей комиссии эспедиционных исследований (КЭИ), преобразуемой в совет по изучению естественно-производительных сил (СЕПС), к ИПИНу переходит руководство экспедициями по изучению человека и формулирование соответствующих отрядов комплексных экспедиций. В своих работах ИПИН ориентируется преимущественно на увязку

с потребностями местного населения и на изучение современного быта реконструктивного периода.

В соответствии с районированием СССР, ИПИН делится на ряд территориальных секторов: русский, украинский, белорусский, северный, средне-волжский, северно-кавказский, закавказский, средне-азиатский, северно-азиатский. Предположено в дальнейшем развернуть еще несколько секторов. Кроме того, будут организованы междусекторные комиссии с задачами тематического характера, а также секции — антропологическая, статистическая, картографическая.

Во главе ИПИНа стоит академик Н. Я. Марр, заместителем его является Н. М. Маторин, ученым секретарем — М. Г. Худяков. В качестве заведующих секторами ИПИНа привлечены С. Н. Быковский, В. Г. Богораз, А. К. Супинский. Средне-Азиатским сектором заведует В. В. Бартольд.

При выработки планов работы ИПИНом были организованы производственные совещания по каждому сектору с широким привлечением тех представителей национальностей (преимущественно из среды учащейся молодежи), которые имеются в Ленинграде. На этих собраниях как основные установки ИПИНа, так и намеченные работы встретили живейший отклик и полное сочувствие со стороны национальных и общественных организаций.

В планы работ ИПИНа входят, кроме завершения начатых КИПСом работ (издание этнографических карт), следующие задачи: изучение кустарных промыслов, составление учебной энтографической карты СССР, подготовка справочника «Народы СССР», подготовка к изданию этнографического атласа СССР (в масштабе 1 : 420 000), составление популярных очерков по народам СССР и т. д. В текущем году ИПИН, располагающий крайне ограниченными средствами на экспедиции и научные командировки, организует лишь небольшое число поездок: Г. М. Василевич отправляется в Туруханский округ для изучения Сымских тунгусов, Н. Н. Волков изучает религиозный быт населения Ленинградской области; вместе с ЛГУ и Центральным Советом Союза безбожников ИПИН принимает участие в экспедиции по изучению религиозного быта Сталинградского округа. Отдельные поездки предпринимаются к вепсам Череповецкого округа (т. Макарьев), к касимовским татарам и мишарям (т. Чайнеддинов), к мари б. Вятской губ. (В. Т. Соколов), к удмуртам (т. Филиппов и Карепанов), к коми (Г. А. Старцев).

Антропологические отряды комплексных экспедиций Кольской, Карельской и Башкирской в текущем году должны были согласовать планы своих работ и личный состав участников с ИПИНом, причем последнему пришлось влить в состав этих экспедиций целый ряд лиц с новыми общественными установками (этнограф М. Ю. Пальвадре, лингвист В. А. Ильинский, антрополог т. Беляева), а также целый ряд студентов-практикантов ЛГУ. В планы работ антропологических отрядов этих экспедиций, оставшихся под руководством Д. А. Золотарева и С. И. Руденко, ИПИНом внесен ряд существенных коррективов, в направлении учета социально-экономических показателей изучаемого населения.

Худяков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО НАРОДНОЙ ВЕТЕРИНАРИИ С 1827 г. По 1/X 1930 г. (ОПЫТ)

Ф. К. Борисович

Народное скотолечение и религиозно-мистические манипуляции, направленные к борьбе с болезнями сельскохозяйственных животных, играли не малую роль не только в прошлые времена, но действуют и в наше время, являясь суррогатом научной ветеринарной помощи. На почве насущных требований жизни и экономических взаимоотношений населения народная ветеринария постепенно развивалась и на своем пути в различные исторические фазы отображала в себе различные конгломераты суеверия, предрассудков, эмпирических познаний и обрывков научных теорий. Знакомство с народной ветеринарией не только представляет само по себе большой интерес, но и имеет важное значение как в деле изучения народного мировоззрения, психики, обычаев, обрядов и др., так и в чисто практическом отношении, например, в деле антирелигиозной и ветеринарно-санитарной пропаганды в деревне, в вопросах проверки целебной полезности народных средств и отыскания новых источников лекарственного сырья и т. д.

Наличие указателя литературы по народной ветеринарии, нам казалось, должно будет облегчить научно-исследовательскую и практическую работу в указанных направлениях. Это и побудило нас составить, в виде опыта, настоящий указатель.

Для составления указателя нами использованы были все существовавшие прежде и издающиеся в настоящее время ветеринарные журналы, а также библиографические указатели этнографической литературы, имеющиеся в некоторых библиотеках г. Москвы.

Указатель расположен так, что сначала помещены статьи под инициалами авторов, затем под полными подписями и, наконец, анонимные. Анонимы расположены по алфавиту первого существительного.

Необходимо отметить, что для изучения народной ветеринарии не малую ценность представляет также литература по народной медицине и фольклору вообще. Целесообразно будет привести здесь некоторые из указателей литературы по этим вопросам:

1. Ж б а н к о в Д. Н. Библиографический указатель по земской медицинской литературе. М. 1890. (В рубрике «Народная медицина», 38 назв.)

2. Ж б а н к о в Д. Н. Библиографический указатель по общественной медицинской литературе за 1890 — 1905 гг. М. 1907. (В рубрике «Народная медицина», 50 назв.)

3. Л е в ч у к А. П. Библиография [литературы по народной медицине]. (132 русск. назв.). См. книгу автора — Материалы к изучению народной медицины. Ч. 1. Изд. Научно-технического управления ВСНХ. М. 1927.

4. Л е в ч у к А. Библиография [литературы по народной медицине] (на 6 стр.). См. кн. автора — Материалы к изучению народной медицины. Ч. 2. Сердечные и мочегонные средства растительного происхождения. Изд. Научно-технического управления ВСНХ. М. 1929.

5. М а к а р е н к о А. А. Литература по вопросу о народной медицине. «Сборник инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь». 2-е изд. СПБ. 1914.

6. Сумцов Н. Ф. Заговоры [библиографический указатель]. «Сборник Харьковского историко-филологического общества». Т. IV, 1892.

7. Сумцов Н. Ф. Колдуны, ведьмы и упыри [библиографический указатель]. Там же. Т. 3 [204 русск. назв.]. 1891.

Образцы программ для собирания сведений по народной ветеринарии можно позаимствовать из работ: А. Макаренко, Инструкция-программа для собирания материалов по самоврачеванию в деревне. Педагогический сборник «Летняя школа». Изд. 2-е, в. 2. 1925. Никифоров А. И., Этнография в школе, ГИЗ, 1926. Смирнов В., Вопросы для изучения быта домашнего скота. [Кострома.] 1928. Скалозубов. Программа для собирания сведений о народной медицине ЕТГМ, в. XIV. 1905.

Ф. Б.

Перечень сокращений, встречающихся в «Указателе».

АВН. — «Архив Ветеринарных Наук». СПБ. 1871 — 1917.

ВВ. — «Ветеринарный Вестник» (Журнал научной и практической ветеринарии). Харьков. 1882 — 1895.

ВВр. — «Ветеринарный Врач». СПБ. 1906 — 1917.

ВД. — «Ветеринарное Дело». СПБ. 1883— 1891.

ВО. — «Ветеринарное Обозрение». М. 1899 — 1918.

ВОВ. — «Вестник Общественной Ветеринарии». СПБ. 1889 — 1917.

ВОЗ. — «Вестник Олонецкого Земства». Петрозаводск.

ВФ. — «Ветеринарный Фельдшер». СПБ. 1897 — 1917.

ВФВ. — «Ветеринарно-Фельдшерский Вестник». М. 1904 — 1916.

ЕТГМ. — «Ежегодник Тобольского Губернского Музея». Тобольск.

ЖК. — «Журнал Коннозаводства». СПБ. 1865 — 1916.

ЖКО. — «Журнал Коннозаводства и Охоты». СПБ. 1842 — 1864.

ЖС. — «Живая Старина». СПБ. 1840 — 1916.

ЗРГО. — «Записки Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнографии». СПБ. 1867 — 1917.

ИЕВ. — «Иркутские Епархиальные Ведомости». Иркутск.

ИОАИЭ. — «Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете». Казань.

КК. — «Коннозаводство и Коневодство». 1885 — 1915.

КС. — «Киевская Старина». Киев. 1882.

КСГ. — «Киргизская Степная Газета». Омск. 1894 — 1901.

ОВ. — «Одесский Вестник». Одесса. 1828. 1893.

РСП. — «Руководство для Сельских Пастырей». Киев. 1860 — 1917.

СГВ. — «Симбирские Губернские Ведомости». Симбирск. 1876 — 1917.

ЧИОИДР. — «Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете». М.

---

1. А—в И. Варварство коновалов «Иркутские ведомости». 1900. 34.

2. Ар—в Н. Народные поверья. 2. Коровья смерть. «Русский Дневник». № 37. 1895.

3. А—ров И в. Народные ветеринарно-медицинские суеверия. ВФВ. № 1. 1904.

4. Бон—ко В. Народные поверья. Домовой и отношение к нему крестьян. «Тамбовские губернские ведомости». № 87. 1890.

5. В. Б. О народных праздниках (коровья смерть и др.). «Московский Вестник». Ч. 6, № 23. 1827.

6. И. Т. Колдуны, знахари и их лекарства. «Сын Отечества» (есть о коровьей смерти). 1859.

7. Л. И. Языческое жертвоприношение духу Ма — ван, покровительствующему лошадям, или лошад. праздник в Пекине. Газ. «Кяхтинский листок» (Вестник). № 18. 1862.

8. Р — в. Хозяйство, ветеринария и коновалы. ВОЗ. № 10. 1910. (К предыдущему — Своими средствами. К. Шигичев. Там же. № 14).

9. С. К. М. Суеверие (при падеже рог. скота). ИЕВ. № 32. 1870.

10. С. Н. Еще суеверный обычай, требующий уничтожения (прогонять скот через ров). РСП №№ 8 и 28. 1866.

11. С — о й М. Народные суеверия. ИЕВ. № 25. 1875.

12. Т а — с о в М. Из мира народных суеверий (опахивание села девками во время эпидемий на рогатый скот). «Тобольские епархиальные ведомости». 13 — 14. 1889.

13. А б р а м о в И. Поверья, приметы и заговоры жителей Новоград-Волынского и Заславского уездов. ЖС. В. 3 — 4. 1913.

13-а. А л е к с е е в Ф. К. О лечении бешенства некоторыми народными средствами украинской флоры. Харьков. Диссерт. 1890.

14. А л ь д ж а н о в О. О суеверных обрядах у киргизов во время эпизоотий. КСГ. № 48. 1895.

15. А н н е н к о в Н. Ботанический словарь. СПБ. 1877. (В нем приводятся народные названия лекарственных трав и их применение в пользовании больного скота).

16. А н т о н о в А. А. О врачебных растениях, дико растущих в Витебской губ. и употребляемых населением ее в домашней народной медицине. Витебск. 1888. Имеются указания на употребление в народной ветеринарии.

17. А р х а н г е л ь с к и й А. Скрыпинские коновалы (коновальный промысел в Симбирской губ.). «Журнал землевладельцев». Т. VI, № 21, 1859.

18. А ф а н а с ь е в А. Поэтические воззрения славян на природу. М. Т. I. 1865 (имеются сведения о Волосе—«скотьем боге», т. II— 1868 (о культе огня, очага, воды и др.).

19. А ш и х м и н К. По поводу лечения чумы рогатого скота и овец (имеются материалы по народной ветеринарии, в частности, заговор при лечении). ВД. №№ 32 и 33. 1886.

20. Б а ш т а е в А. С. Названия болезней домашних животных у киргиз и их лечебные средства. ВОВ. № 10 и 12. 1911.

21. Б е л о к у р ы й. Знахари и бабы. ОВ. №№ 107 и 109. 1865 (имеется описание знахарских способов лечения бешенства у лошадей, глист у овец и уничтожения «червей» в ранах животных).

22. Б е н ь к е в и ч В. Наблюдения, материалы и заметки, собранные в Киргизской степи (за 12 лет). ВОВ. №№ 18, 19, 20, 21 — 22. 1905.

23. Б о г о р о д с к и й Ф. Поучение к поселянам против суеверия — вытирать огонь для прекращения скотского падежа. «Нижегородские епархиальные ведомости». № 19. 1866.

24. Б о г р и е в. Бродячая ветеринария и медицина. «Фельдшер». № 10. 1904.

25. Б о р н. Ветеринария лошади и охота у патогонов. ЖКО. № 1, 1854.

26. Б у р н а ш е в В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. 2 тома. СПБ. 1843 — 1844. (Имеется много народных слов, относящихся к лекарственным снадобьям, болезням, анатомии домашних животных и пр.).

27. Б у т ы р с к и й И. Древние, большею частью, простонародные лекарственные средства. «Псковские губернские ведомости». №№ 19, 21. 1847.

28. В а г а н о в С. Варварство коновалов. ВФ. 1897.

29. В а л а ш и н с к и й С. Народная ветеринария в Ковенской губ. ВФ. 1899.

30. В а с и л и ч В. (Дерикер). О знахарях и о врачебной помощи в деревне. Изд. 3. СПБ. 1865. Приведен заговор от «ногтя» у лошади.

31. В а с и л ь е в И. Обозрение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний. ИОАИЭ. Т. XXII, в. 4. 1906. Имеются моления и наговоры от болезней скота.

32. В е с е л ь ч а к о в Н. К материалам по народной ветеринарии. ВО. № 2. 1906.

33. Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири (Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский у., Иркутская губ.). ПТРГ. 1915. (Из «ЖС» 1915, в. IV.) В 1-й части имеется отдел 5 — Народная ветеринария. Во 2-й части описываются народно-медицинские средства, в том числе и от болезней скота.

34. Вишневский. Простонародная ветеринария. ЖКО. № 9, 1845.

35. Высотский Н. А. Оригинальный способ ковки лошадей (у киргизов). АВН. 1909.

36. Гиплер А. Н. Народные лечебные средства для животных. «Крестьянское хозяйство». № 4, 1899.

37. Городцов П. А. Праздники и обряды крестьян Тюменского у. ЕТГМ. В. XXVI, 1915. Приводятся и обряды из народной ветеринарии.

38. Городцов П. А. Сибирская язва. Очерк. Посвящается светлой памяти посказателя и доброго знахаря Д. Н. Плеханова. «Записки Тюменского об-ва научного изучения местного края». В. I. 1924. Интересная статья разбита на несколько глав.

39. Горницкий К. С. Заметки об употреблении в народном быту некоторых дикорастущих и разводимых растений украинской флоры. Харьков. 1887. Имеются указания на применение в народной ветеринарии.

40. Гребнер-фон В. А. Скрыпинские коновалы. Этнографический очерк. СГВ. 1865. №№ 52, 54, 55 и 57.

41. Григорьев В. Взгляд крестьянина на заразные болезни домашних животных и отношение его к мероприятиям по прекращению их. «Вестник симбирского земства». № 4. 1904.

42. Грушецкий Н. Колдуны и ведьмы, домовые, лешие, русалки, чары и наговоры, приметы и поверья. Очерки народных суеверий. Изд. Конусова. 1898.

43. Дерикер В. Сборник народно-врачебных средств, знахарями в России употребляемых. СПБ. 1866. (430 средств в историческом освещении, некоторые и от болезней скота).

44. Дилакторский П. А. Пастушьи заговоры Кадниковского у. «Вологодские губернские ведомости». № 5, 1891.

45. Добровольский. Данные для народного календаря Смоленской губ. в связи с народными верованиями. ЖС. В. 3 - 4, 1897. Подробно излагаются верования в домового, хлевника, влияние последнего на здоровье скота, средства от «шалостей» и вредностей его.

46. Добровольский. Смоленский этнографический сборник. Ч. 1-я ЗРГО. Т. XX. 1891. Приводятся заговоры о здоровье у скота.

47. Дом. Ветеринария у арабов. ЖКО. №№ 5 и 7, 1853.

48. Дондуков С. К вопросу о народных суевериях в области врачевания животных. ВФВ. 1905.

49. Дорошенко Л. Л. О народной терминологии болезней домашних животных. ВОВ. № 6, 1905.

50. Дорошенко Л. Л. Суеверие и знахарство. ВФ. 1897.

51. Евсеенко С. С. Народный обычай держать козлов в конюшнях. ВВ. В. I. 1886.

52. Елпидинский С. Обход или спуск для скота. «Олонецкие губернские ведомости». № 52, 1871.

53. Ермолаев А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. В. 3. Животный мир в воззрениях народа. СПБ. 1905.

54. Ефименко П. О заклинаниях. Т. VI, Молитва пастуху скота пасти. «Труды архангельского губернского статистического комитета». Кн. 1, 1865.

55. Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. «Труды Этнографического отдела общества любителей естествознания и антропологии при Московском университете». Т. V, ч. 2. Имеются обереги скота.

56. Ефименко П. С. О Яриле, языческом божестве русских славян. СПБ. 1868. (См. ЗРГО, т. II. 1869.)

57. Ефименко П. С. Сборник малороссийских заклинаний. ЧИОИДР. Кн. 1, 1874. Имеются заговоры от болезней скота.

58. Ефимов Г. Средство, употребляемое киргизами от покусов бешеными собаками. «Тургайские областные ведомости» № 12, 1891.

59. Жеденов С. Н. Флоры и лавры. Из Пензенской старины. «Русская старина», Т. LXVIII.

60. Зеленин Д. Обыденные полотенца и обыденные храмы. ЖС. В. I, 1911.

61. Ибрагимов Магомет-Али. Киргизский способ лечения некоторых болезней скота. «Акмолинские областные ведомости». 1890. Особое приложение.

62. Иванов В. Народное лечение бешенства. ВВ. В. IV, 1886.

63. Игнатьев М. О кровопускании в ветеринарной медицине. «Сельский хозяин». 1886, 477 и 478 (о коновальстве).

63-а. Ильинский В. А. Народная медицина и ветеринария у ижор. «Клин. медицина» XII. 1928.

64. Исаков М. А. Кое-что о коновалах в Пермской губ. «Пермские губернские ведомости». 1891.

65. Казанский П. Об обычае в Московской губ. вешать на нашести, где сидят куры, горлышки от разбитых кувшинов (куричьи боги). Древности «Археологический вестник». № 4, 1867.

66. Калашников. О коновалах «Казанская газета» № 10, 1903.

67. Карпов А. Народные поверья относительно домашних животных и народная ветеринария. СПБ. 1881. (Из ЖК. 1881, № 6.)

68. Каффка С. Ведовство и народная ветеринария в Сибири. КК. № 77, 1895.

69. Кедров Н. Народный взгляд на уход за рогатым скотом в Новгородском крае. «Новгородский сборник». № 3, 1865. (Имеются заговоры.)

70. Клеменц Д. А. Наговоры и приметы у крестьян Минусинского округа. «Известия Восточно-сибирского отдела императорского русского географического общества». Т. XIX, № 3, 1888.

71. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северо-русского наречия. «Сборник академии наук». Т. XVIII, № 3. Приведен обширный заговор от болезней скота, из старинной рукописи.

72. Колпаков В. Суеверие. ВФ. 1898.

73. Конур-Аулис. Пещера около Семипалатинска, куда пригоняют скот в случае болезни и приносят жертвы. «Географический вестник». Витебск, № 63, 1893.

74. Кооль-Эстивенд И. Собирание материалов по народной ветеринарии в северной части Прибалтийского края. ВО. № 22, 1915.

75. Крайнев Б. «Кладь» коновалов при лечении лошадей и других животных. ВВР. № 23, 1913.

76. Крапивина С. Домашний быт и самолечение ново-сиверских чухон. «Здоровье». 1881. На стр. 43 приводятся практикуемые чухнами способы лечения домашних животных и средства, употребляемые знахарями.

77. Кулаков А. Коновалы недавнего прошлого. ВФВ. 1904.

78. Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1767 и 1769 г. СПБ. ч. I, 1771. (Имеется несколько описаний народной ветеринарии и авторских представлений о сущности заболеваний скота и о предохранении от заболеваний (стр. 3, 36 — 37, 76, 105 — 112, 134 — 135).

79. Логиновский К. Д. Материалы к этнографии забайкальских казаков «Записки общества изучения Амурского края». Владивосток. Т. 9, в. I, 1903.

80. Ляцкий Е. А. Представление белорусса о нечистой силе. «Этнографическое обозрение». № 4, 1890.

81. Майков Л. Великорусские заклинания. ЗРГО. Т. II, 1869. Имеются заговоры от болезней скота.

82. Макаренко А. Почитание огня у крестьян-сибиряков Енисейской губ. ЖС. В. 2. 1897. Применение от болезней скота; описан порядок добывания живого огня.

83. Мари Н. Н. Наша ветеринарно-санитарная действительность (о народной ветеринарии). ВД. №№ 12 и 13. 1886.

84. Матвеев В. Н. Загадочный значок в виде медного всадника (с рис.). ВОВ. № 8, 1911 (атрибут коновалов).

85. Масловский К. Быт, обряды и поверья мещеряков Керенского у., Пензенской губ. «Вестник императорского русского географического общества». Ч. XXVII, 1859. Приведен заговор от «червей» у скота.

86. Мещерский. О знахарях (доклад) «Протоколы заседаний 1 съезда ветеринарных врачей Вятской губ. 1874 г.». Вятка. 1875.

87. Миллер Ор. Ф. Опыт исторического обозрения русской словесности. 1865. Приведены заговаривания коровьей смерти.

88. Михайлов А. Жертвоприношение у христиан (Празднование дня св. Флора и Лавра в д. Кочах, Юксеевской вол., Чердынского у.). ИОАИЭ. Т. XIV, В. 4, 1897—1898.

89. Модестов. Заговоры (обходы) пастухов. «Новгородские губернские ведомости». № 50, 1868. Три заговора.

90. Мошков В. Из народной ветеринарии. АВН. Кн. 3. 1893.

91. Moulé. Божественные покровители животных (реф.). ВВр. № 25, 1910.

92. Неклепаев И. Я. Народная медицина в Сургушском крае. СПБ. 1900.

93. Никитин Н. Народная ветеринария. ВФ. № 9, 1911.

94. Никифоровский Н. Д. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах Витебской Белоруссии. Витебск. 1897. Имеются главы о животных: лошадях, коровах, овцах, свиньях, собаках, кошках, курах, гусях и пр. и болезнях и лечениях домашних животных.

95. Овчинников М. Народные средства при собачьем бешенстве «Сибирский архив». № 11, 5, 1913.

96. Оленич-Гненко П. П. Несколько слов о коновалах. «Южно-русская сельскохозяйственная газета» № 5, 1903. По поводу предыдущего — Л. Андреенко, там же, № 11.

97. Орфеев Н. Суеверие простолюдинов во время чумы рогатого скота. «Енисейские епархиальные ведомости». № 24. 1884.

98. Петров А. Л. Угрорусские заговоры и заклинания нач. XVIII века. ЖС. № IV, 1891. Имеются заговоры от скотских болезней, обереги скота от зверей и др.

99. Петрушевич А. С. Общерусский дневник церковных, народных, семейных праздников и сельскохозяйственных занятий, примет и гаданий. Львов. 1865.

100. Платонов Ф. Материалы для исследований народной ветеринарии в России. Юрьев. 1910. Отдельные оттиски из «Журнала научной и практической ветеринарной медицины», т. 3 в. 2, 1910.

101. Подпорин. Загадочный обычай (надевание головы с павшего скота на колья нард для сбережения живого скота). «Самарские губернские ведомости». № 35, 1862.

102. Полянский И. Обряд опахивания села Шарапова (Сергачского у.) «Современный листок». № 22, 1871.

103. Попов А. Г. Народное средство лечения ожогов. КК. № 3, 1890.

104. Попов И. П. Килы лошадей (К вопросу о народной ветеринарной медицине). ЖК. XII. 1886.

105. Попов И. О вреде народного лечения лошадей и о мерах к его устранению. ЖК. XVIII, 1887.

106. Попов И. П. О коновалах в Васильевском у., Нижегородской губ. ЖК. № 7, 1882.

107. Попов И. П. Опыт исследования традиционных основ в русской народной ветеринарной медицине. АВН. Кн. 4 и 5. 1888.

108. Попов И. П. Русская народная ветеринария (Опыт исследования суеверий, колдовства, знахарства, коновальства и пр. условий в народном скотоврачевании). СПБ. Изд. 2 журнала ВФ. 1908.

109. Попов И. Следует ли доверять коновалам. ВФ. № 12, 1903.

110. Попов И. Следует ли доверять коновалам. Изд. Казанского отдела российского общества покровительства животным. Казань. 1904. (Извлечение напечатано в журналах «Сельский вестник», № 16, 1904· «Земледелец», № 4, 1904, и «Нижегородская земская газета», №№ 25 и 26, 1904, и «Уфа» 1911.

111. Попов И. П. Суеверие и знахарство в народной ветеринарии. ВФ. № 2, 1901.

112. Потебня. Малорусские домашние лечебники. 2-е приложение (заговор от падежа скота). КС. 1890.

113. Пригоровский. Село Меленск Стародубского у. (Заговоры от кровотечения и опоя лошади). «Записки Черниговского губернского статистического комитета» кн. 1, 1866.

114. Протопопов Д. О коновалах «Земледельческая газета». 1868.

115. Раевский. Малорусские поверья. «Воронежская беседа». 1861. Лечение коровы «непочатой» водой, егоровской росой и ремезовым гнездом.

116. Романов Е. Р. Заговоры, апокрифы и духовные стихи. «Белорусский сборник». Витебск. В. V. 1891. Сборник 824 заговоров. Имеется 89 заговоров от болезней скота и несколько оберегов скота.

117. Рудинский Н. Знахарство в Скопинском и Данковском уездах Рязанской губ. ЖС. В. II. 1896.

118. Русов Н. Русская народная ветеринария. «Отпуск» для скота (по поводу пастьбы крестьянского скота). ВФ. № 1, 1909.

119. Рытов М. В. Русские лекарственные растения (дикорастущие и возделываемые). Т. I. ПТГР. 1918. Приводятся народные названия и употребление в народной медицине.

120. Савельев А. А. Божественские наговоры в Приангарском крае. «Сибирский врач». №№ 25 — 26 и 27 — 28 1915. Имеются «волходные» наговоры на скот и меры от них.

121. Сахаров И. П. Сказания русского народа. Ч. 2. Народный дневник. СПБ. 1855. (Имеются описания народных обрядов и верований в отношении скотских болезней.)

122. Сейдалин-Султан. Ветеринария у киргизов. ВОВ. № 6, 1906.

123. Семенов А. Лекарственный багаж и народные средства, отношение к ним современной медицины. М. 1893.

124. Синицын И. Суеверие. ВФ. 1892.

125. Скалозубов Н. Л. Народная медицина в Тобольской губ. ЕТГМ. Т. XIV. 1904.

126. Скрябин К. Лечение ударами нагайки у киргизов (гл. обр. от укусов бешеной собаки). «Исторический вестник». № 8, 1911.

127. Скрябин К. Способ лечения бешенства у киргизов. ВОВ. № 21, 1907.

128. Слюнин Н. В. Материалы для изучения народной медицины в России. В. I. Лекарственные вещества и травы: 1) Астраханской губ.: татарские, персидские, русские; 2) Саратовской губ.; 3) Бухарских аптек; 4) Минусинского округа и 5) Лечебные растения наших среднеазиатских владений; с местными названиями на арабском языке. СПБ. 1882. Имеются указания на применение в народной ветеринарии. Есть указатель литературы (на 4 — 5 стр. — 14 назв. и на 90 — 91 стр. — целый ряд источников).

129. Снегирев. Опахивание или изгнание коровьевй смерти и несколько слов о Волосе, скотьем боге. «Московские ведомости», № 195, 1861.

130. Снегирев Н. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. В. 3. М. 1838.

131. Соколов Н. Поверье многих из наших простолюдинов: о существовании домового, который будто бы имеет влияние на разводимый в хозяйстве скот, в особенности на лошадей. «Рязанские губернские ведомости». № 7, 1848.

132. Солнцев В. Народная ветеринария самоедов Ямальского полуострова. «Вестник современной ветеринарии». № 23, 1928.

133. Стольников В. Мат. по народно-бытовой ветеринарии. ВВр. № 29, 1907.

134. Стороженко Н. В. Малорусские суеверия, собранные в 1776 г. (Из рукописи Чепы.) КС. № 1, 1892. Заговоры от червей у скота, обереги скота.

135. Телесов А. Ходячие коновалы. ОВ. № 82. 1862.

136. Тихомиров М. Следует ли доверять коновалам. (К вопросу о лечении домашних животных.)

137. Троицкий Н. Суеверный обычай, требующий уничтожения (об опахивании селений). РСП. № 43, 1865.

138. Трунов А. Н. Понятия крестьян Орловской губ. о природе физической и духовной. ЗРГО. Т. 2. 1869.

139. Тяжелов Ф. О коновалах, костоправах, знахарях и шептунах. «Известия Ананьевского земства». №№ 64 и 65, 1911. Отд. брошюры издания Херсонской уезд. зем. управы. Херсон. 1914.

140. Фомичев И. и Девятков В. Коновалы (их деятельность в деревне). «Нижегородская земская газета». № 43, 1904.

141. Фролов Е. Несколько слов о коновальстве на Дону. «Юго-восточный хозяин». № 22, 1908.

142. Харитонов. Врачевание, забавы и поверья крестьян Шенкурского и Архангельского уездов Архан. губ. «Отечеств. Записки». 1858, т. 58; 1 — 8.

143. Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского у., Олонецкой г. Петрозаводск. 1893. На 14 — 21 стр. — заговоры, обереги скота и др.

144. Холевинский А. Богиня Гиппон — покровительница животных. ВВр. № 29, 1913.

145. Чистович. Старинные русские травники и лечебники. «Друг здравия». 1852.

146. Чубинский П. А. Материалы и исследования. «Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, снаряженной Императорским русским географическим обществом». Юго-Запад. Отдел. Т. I. СПБ. 1872. На стр. 56 — 58— лечение болезней домашних животных; на стр. 68—69—заклинания, относ. к животным.

147. Щуров И. Знахарство на Руси (врачевания, заговоры, сказания). ЧИОИДР. Кн. 4, 1867. Имеется материал и по народной ветеринарии.

148. Щуров И. Календарь народных примет, обычаев и поверьев на Руси. Там же, стр. 175 — 204.

149. Янович В. М. Пермяки. Этнографический очерк. ЖС. 1903. Имеется описание празднеств пермяков в честь «куриного бога» и «скотьего бога».

150. Варварство. ВФ. 1898.

151. Наши домашние животные и предрассудки. «Труды императорского вольно-экономического общества». № 11, 1862.

152. Местные народные заговаривания (от червей у животных). «Записки Юрьевского общества сельского хозяйства». В. 3, 1860, и в. 2, 1862.

153. Знахарский заговор от «ноктя». ВФ. 1897.

154. Знахарь для скота. ВФ. 1897.

155. Изгнание коровьей смерти (нечто из обычаев крестьян с. Рождественска, Крулого тож, Задонского у.) «Воронежские губернские ведомости». 1869.

156. Книга, глаголемая травник. (Один из самых редких сборников русских народных лекарственных средств, которые, по словам Н. Калачева, не заимствованы от иностранцев; имеется описание трав против болезней скота; относится к половине XVIII в. («Архив исторических и практических сведений, относящихся до России». Кн. 1, 1858). Также помещен в брошюре Л. П. Вейнберга — «К истории народной медицины». Отд. оттиски из журн. «Медицинская Беседа» 1888.

157. Коновалы. ВФ. 1898.

158. Коновалы и их промысел. «Мир божий». № 6, 1902 и ВФ. № 4, 1902.

159. Материалы для исследования народной ветеринарии в России. «Ветеринарно-фельдшерская жизнь». № 1, 1912.

160. Материалы этнографии. Отпуск пастуха скот пасти (род заклинания). «Архангельские Губернские Ведомости». № 35, 1866.

161. Невежество и суеверия простого народа относительно скота (в статье — Скотоводство Тверской губ.). «Тверские Губернские Ведомости». 1860.

162. Оборотни. Из сельских наблюдений во время падежа скота. «Новгородские Губернские Ведомости». №№ 16 и 17, 1871.

163. Обычай опахивания села во время падежа скота. «Волжский Вестник». № 210. 1890.

164. Окуривание заболевающего скота дымом от живого огня (местный обычай). «Казанские Губернские Ведомости». № 6, 1869.

165. Опахивание селений в Калужской г. СГВ. № 1, 1864.

166. Опахивание селений. «Калужские Губернские Ведомости». № 29, 1865.

167. Варварская операция. ВФ. 1898.

168. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. IV. 1867. Приведены четыре обширных оберега скота (книжного склада).

169. Проделки знахарей. ВФ. 1898.

170. Проделки знахаря. ВФ. 1897.

171. Суеверие. ВФ. 1899.

172. Дикое суеверие. ВФ. 1898.

173. О суевериях киргизов. КСГ. № 47, 1894.

174. Сборник (заговоров) Ирины Антоновны Семенцовой, доставленный из села Будниц Кролевецкого у., Черниговской губ. «Сборник Харьковского Историко-филологического Общества», т. IV, 1892. Имеются заговоры против болезней скота.

Дополнение.

175. Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и пр. Вып. 2. СПБ. 1908. Прилож. к журн. ЖС. Вв. I, II и IV, 1908. Имеются пастушьи молитвы, заговоры от болезней скота.

176. То же. Вып. III. СПБ. 1910. Прилож. к ЖС. В. IV, 1909.

177. Голышев И. Изображения икон св. Флора, Лавра, Модеста и Власия и значение этих образов в народе. Владимир.

178. Добровольский В. «Егорьев день» в Смоленской губ. ЖС. В. II, 1908.

179. Кирпичников В. Св. Георгий и Егорий Храбрый. СПБ. 1879. Гл. 3. — Егорьев день. Егорий в пословицах, заговорах и народных легендах.

180. Смирнов М. И. Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде. Гл. IV. — Культовый синкретизм в технической стороне народного сельского хозяйства (отд. II — Животноводство). См. книгу — «Труды Переславль-Залесского историко-художественного краеведного музея», г. Переславль-Залесский. 1927. В. I. Стр. 55 — 61. Экз. 300. Ц. 1 р. 50 к.

Излагаются современные суеверия и предрассудки в отношении скота.

181. Варварский способ лечения. ВФ. 1897.

АННОТАЦИИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С этого номера возобновляется начатое в книге V журн. «Этнография» печатание аннотаций иностранной литературы. В составлении аннотаций приняли участие: М. К. Азадовский (М. А — ий), А. Я. Брюсов (А. Бр.), Е. Н. Елеонская (Е. Е.), А. И. Иванов (А. И.), С. А. Токарев (С. Т.).

Со следующего номера редакция «Этнографии» ставит себе задачей возможно более полный учет и аннотирование всей важнейшей текущей иностранной литературы и систематическое печатание этих аннотаций. Эта задача осуществима только при коллективном сотрудничестве возможно более широкого круга этнографов. Редакция обращается поэтому с просьбой ко всем товарищам, следящим за новой иностранной литературой по этнографии и смежным наукам, — присылать свои аннотации прочитанных ими новых книг для напечатания в журнале, за что заранее приносится благодарность. Форма аннотаций дана в этой и в 5-й книгах. Направлять аннотации следует по адресу: Москва, Больш. Калужская, 30, Центральный музей народоведения, редакции журнала «Этнография».

I. Общие вопросы этнологии.

(Библиография, методология, общие сочинения.)

261. Volkskundliche Bibliographie für die Jahre 1921 und 1922. Herausgegeben von E. Hoffman-Krayer. Berl. und Lpz. 1927, p. 414.

Очередной том указателя Гофман-Крейера охватывает уже два года и значительно превосходит предыдущие выпуски полнотой материала, — один только список использованных периодических изданий состоит почти из 50 номеров. В настоящем выпуске представлен и русский материал, хотя еще не достаточно полно. *М. А — ий.*

262. Schwietering Jul. Wesen und Aufgaben der deutschen Volkskunde. Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte, Bd V; H. 4. 1927.

Интересная попытка построения Volkskunde на новых основах. По утверждению автора, современное немецкое Volkskunde не имеет ни прочной базы, ни строгого научного метода и представляет скорее собрание отдельных глав о жилище, одежде, верованиях, сказках и пр., чем стройную систему. Автор отвергает вообще возможность существования Volkskunde, как особой, самостоятельной науки. Основным объектом изучения должно явиться немецкое крестьянство в его современном состоянии и историческом развитии. (Volkskunde, как Bauernkunde), и, как таковое, Volkskunde относится к области исторического знания и должно работать историко-социологическим методом; связь с этнологией — неестественна и покоится, с одной стороны, на ложном отожествлении крестьянской культуры с примитивизмом, с другой — на пережитках романтического психологизма (поиски народной души и пр.). *М. А — ий.*

263. Geramb, Viktor von. Zur Fragen nach der Grenzen, Aufgaben und Methoden der deutschen Volkskunde. Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, H. 4. 1927/28.

Статья является ответом на указанную выше статью Швитеринга. В противо-

вес последнему, автор считает вполне нормальной связь Volkskunde с общей этнологией, хотя оно уже поднялось до степени самостоятельной науки. Объект Volkskunde ни в коем случае не исчерпывается крестьянством (Bauernkunde, по Швитерингу), но включает изучение тех общественных слоев, которые являются как бы срединными между культурой примитива и высшими формами индивидуальной культуры. Интересные замечания по поводу статьи Герамба см. в ст. К. Грушевской (Первісне Громадянство та його пережитки на Україні, вып. 2 — 3, 1928, стр. 110 — 114). *М. А—ий.*

264. Poniatowsky, Stanislaw. Zadanie i przedmiot ethnologji. Warszawa-Lwow. 1922. (Archivum Nauk Antropologicznych Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. Tome II, Nr. 2).

Интересная, но весьма сложная и недостаточно четкая попытка разграничения основных понятий: антропология, этнология, этнография. Автор предлагает следующее деление: с одной стороны, творцы и носители культуры, с другой — памятники культуры. Изучение первых относится к антропологии, вторых — к этнологии. Внутри последней следует также различать две основных группы: описание отдельных народностей, чем занимается этнография, и изучение явлений культуры (семейный быт, технология, искусство и пр.), т. е. собственно этнология. Вместе с тем этнография не является подчиненной частью этнологии, ее задачи не ограничиваются только описанием народов, к ним относится также генезис и эволюция народов и их взаимоотношения; общая же этнология занимается генезисом и эволюцией памятников культуры. Соответственно этому этнография работает историческим методом, а этнология — социологическим. В заключение автор подчеркивает, что хотя теоретически следует строго различать антропологию от этнологии, но практически этнолог обязан работать на антропологической основе, а антрополог пользуется этнологическими данными о влиянии культуры на человеческую природу и смешение человеческих рас. *М. А — ий.*

265. Festschrift (Publication d'hommage offerte au) P. W. Schmidt. 76 Sprachwissenschaftliche, ethnologische, religionswissenschaftliche, prähistorische u. andere Studien. Herausgeber W. Koppers. Wien 1928, p. XXIX + 977.

Сборник в честь 60-летия патера В. Шмидта. Портрет юбиляра, хронологический список его работ и ряд статей разных авторов. *С. Т.*

II. Антропология.

266. Sarasin, Fritz. Anthropologie der Neu-Caledonier und Loyalty-Insulaner. Brl., Kreidel, 1916-22, p. XIV + 651.

267. Sarasin, Fritz. Atlas zur Anthropologie der Neu-Caledonier und Loyalty-Insulaner. Brl., Kreidel, 1922, p. V + 64 Taf.

Автор измерил 436 особей обоего пола. Устанавливая наличие нескольких географически обособленных антропологических типов, он сравнивает их между собой и приходит к выводу о их образовании путем локальной свободной изменчивости, а не из скрещения этнических элементов. Сближая затем меланезийцев с австралийцами и тасманийцами, он признает их членами единой расовой группы, наиболее примитивной из всех ныне существующих. *С. Т.*

268. Shirokogoroff S. M. Anthropology of Northern China. Shanghai, 1923, p. 127. (Royal Asiatic Society, North China Branch, extra vol. 11).

Автор подверг измерению китайцев Шаньдуня, Чжили и Маньчжурии, а также маньчжур, корейцев и дауров, всего 667 особей. После обработки полученных цифр он приходит к выводу о существовании в изучаемом районе 4 основных антропологических типов, которые вошли в состав теперешних этнических групп. Он их обозначает типами А, В, Г и Δ и относит соответственно — гипотетически — к первоначальным китайцам, палеоазиатам, тунгусам и тюрко-монголам, пытаясь воссоздать историю миграций этих народов. *С. Т.*

III. Палеоэтнология.

269. Reallexikon der Vorgeschichte, herausgeg. von M. Ebert. Brl., W. de Gruyter, 1924 — 1929, Bd 1 — 14.

Капитальная энциклопедия по вопросам «доистории» (палеоэтнологии). Помимо вышедших уже 14 томов словаря, предполагается выпуск, в виде дополнительного 15-го тома— указателя к словарю. Каждый том содержит от 25 до 35 печ. лист., несколько сот таблиц рисунков на меловой бумаге, рисунки в тексте, планы, карты и т. д. Многие статьи имеют значение совершенно самостоятельных научных исследований. *А. Бр.*

270. Pfeiffer, L. Die Werkzeuge des Steinzeit-Menschen. Jena, G. Fischer, 1920, p. 415, 540 рис. в тексте, ц. 11 RM.

Этот труд представляет собою переработку вышедшей в 1912 г. аналогичной работы автора и является пока единственным исследованием по вопросу о технике каменного периода. Многие из глав этой книги печатались ранее в виде отдельных статей в Zeitschrift f. Ethnologie. *А. Бр.*

271. Childe V. G. The dawn of european civilisation, London, Kegan Paul, French, Trubner and Co. Ltd., 1927, 2-е изд. (1-е изд. вышло в 1925 г.), p. 328 с 148 рис. в тексте и 3 картами, ц. 16 RM.

Работа представляет собою компилятивную сводку последних данных о европейских культурах 3 — 2-го тысячелетий до хр. эры и является хорошим научно-популярным изданием, а в некотором отношении и полезным справочником для специалистов. *А. Бр.*

272. Kossina G. Die Indogermanen, Mannus-Bibliothek № 26; Lpz. C. Kabitzsch, 1921, p. 79; 150 рис. в тексте и 6 карт., ц. 12 RM.

Пользуясь громадным археологическим материалом, автор исследует вопрос о месте и времени происхождения индоевропейцев и их расселении. *А. Бр.*

273. Pfahlbauten. X Bericht. Mitteilungen der antiquarischen Gesellschaft in Zürich, 1924, p. 120; 15 табл. рисунков, ц. 11 RM. Этот десятый отчет о работах швейцарских археологов над раскопками доисторических свайных построек вышел после 36-летнего перерыва и, естественно, содержит много новых данных, часто совершенно изменяющих старые взгляды на эти памятники. Так, сильно уменьшена датировка их; доказывается вслед за Вуга, что свайные поселки стояли не на воде, а на болотистых берегах; пересмотрен вопрос о расе обитателей, о фауне и флоре. Сборник содержит статьи Д. Виолье, К. Зульцбергера, Р. Шерера, О. Шлангингауфена, К. Гешелера, Э. Неувейлера. *А. Бр.*

274. Gjessing H. Rogalands Stenalder, изд. Ставанерского музея, Stavanger, 1920, p. 181; 299 рис. на отдельных табл. и 1 карта, ц. 28 RM.

Автор далеко выходит за пределы поставленной задачи дать типологическое описание памятников каменного периода, собранных в 1914 — 1916 гг. в Рогаланде, что еще подчеркивается заключительной главой «Kulturforhold». Книга эта является совершенно необходимой для всякого исследователя северной археологии. *А. Бр.*

275. Brögger A. W. Kulturgeschichte des norwegischen Altertums, Oslo, N. Aschehoug og Co, 1927, p. 246.

Помимо фактического содержания, эта работа представляет громадный интерес благодаря постановке методологических вопросов. Автор делает ударение на экономических и социальных формациях общества и их эволюции, сводя к минимуму «одностороннее хронологически-типологическое направление, которое вело к неясной и даже неверной постановке проблемы». *А. Бр.*

276. Shetelig H. Primitive fider i Norge, Bergen, J. Grieg, 1922, p. 380 и 333 рис. в тексте, ц. 14 RM.

277. Shetelig H. Prehistoire de la Norvège, Oslo, H. Aschehoug et Co, 1926, P. 280 и 10 табл. рис., ц. $7^1/_2$ sh.

Подробное исследование по культурам каменного периода в Норвегии. Имя автора гарантирует ценность работы. *А. Бр.*

278. Sverdrup G. Fra gravskikker til dödstro i nordisk stenalder, Skrift. utg. av. Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, II Hist.-Filosof. Klasse. 1927, № 8.

Исследование по вопросу о характере доисторических погребений. Автор доказывает, что причиной происхождения погребений и погребальных обрядов было желание сохранить труп, как источник сил в племени и семье, что силу обряду придавал не страх, а сознание общности рода, что представление о душе является крайне поздним. Далее рассматривается эволюция погребальных обрядов на севере. В основу исследования положен археологический материал. *А. Бр.*

279. Pequart M. et S. J. et Le Rousie Z. Corpus des signes gravés des monuments mégalitiques du Morbihan. Préface de C. Jullian. Paris, A. Picard et Berger-Levrault, 1927, p. XII + 108 и 138 табл. рис. на меловой бумаге, 70 кальк и 22 плана, нумерованное издание, ц. 150 fr.

Этот труд представляет собою результат сорокалетней работы авторов. Все фототипии даны без ретуши. Текст содержит в себе классификацию изображений с необходимыми разъяснениями. *А. Бр.*

280. Kendrick T. D. The axe age, London, Methuen and Co. 1925, p. 177, 19 рис. в тексте, ц. 6 RM.

Монография по вопросу о проникновении в Англию мегалитической культуры, по мнению автора, из Парижской области. *А. Бр.*

281. Ailio J. Fragen der russischen Steinzeit, Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XXIX, Helsinki 1922, p. 110 и 35 рис. в тексте.

Монография по общим вопросам археологии неолита на территории СССР. Главное место отведено вопросу об эволюции типов керамики. *А. Бр.*

282. Andersson J. G. Archäologische Studien in China. Wien, 1924, p. 60 — 82 (оттиск из «Mitt. Anthrop. Ges. Wien» B. 54).

Результаты раскопок в пров. Хэнань. Автором открыта неолитическая культура с костяными орудиями, керамикой, остатками тканей, костями свиньи. Расписная керамика сходна с типом Анау. Автор предлагает назвать эту культуру «Ян-Шао» и относит ее предположительно к 2700 гг. до н. э. *С. Т.*

283. Andersson J. S. Preliminary report on archeological research in Kansu. Peking, The Geolog. Survey of China, Memoirs, Series A, № 5, 1925, p. 56 + plates (+ text in Chinese).

Текст на английском и китайском яз. Новыми раскопками в провинции Ганьсу автор устанавливает стадии развития поздне-неолитических и ранне-металлических культур сев.-зап. Китая, намечая 6 таких стадий и сопоставляя их с культурами Суз и Анау. Даже в самых поздних слоях нет следов письменности. По этим и другим соображениям А. относит эти культуры к промежутку времени от середины 4-го до середины 2-го тысячелетия до н. э. Интересно, что при множестве найденных стоянок эпохи конца неолита нет ни одной раннего или среднего неолита. Отсюда автор делает вывод о приходе носителей данной культуры с Запада. В приложенной статье Дэвидсон Блэк определяет найденные здесь же черепа и скелеты как монголоидные, точнее — прото-китайские. *С. Т.*

IV. Общественные формы.

284. Goldenweiser A. A. Early civilisation. An introduction to anthropology. Lond. — Calcutta — Sydney, Harrap (1921), p. 428.

Попытка этнологического синтеза. Автор дает описание нескольких культурных типов (эскимосы, ирокезы, ваганда и др.) и делает теоретические обобщения. Затем следуют этюды о ранних формах экономики, искусства, религии, общественной организации. Особо трактуется вопрос о влиянии географической среды и о культурной диффузии. Наконец автор рассматривает главнейшие теории первобытной психологии. Книга очень характерна для методологии современной американской школы этнологов. *С. Т.*

285. Haloun, Gustav. Contributions to the history of clan settlement in ancient China. I. Phratry Jen-Jing-Ki (Shao-hao). («Asia Major», 1924, v. I, fasc. I, 76 — III; 1924, v. I, fasc. 2 — 4, 587 — 623).

Автор устанавливает первоначальное—относимое им еще к 3-му тысячелетию до н. э.— территориальное размещение китайских родов, которые охватывали тогда только высшие классы (знать) и являлись самостоятельными территориально-политическими образованиями. Расщепление древних крупных родов на теперешние более мелкие кланы и охват ими всего населения — дело последующей эпохи (до конца династии Чжоу). *С. Т.*

286. Wilkinson H. P. The family in classical China. Lond., Macmillan, 1926, p. 239. Pr. 12 $/_2$ shill.

Доказывается изначальность патриархальной семьи у китайцев, оспаривается существование эпохи материнского права, анализируется терминология родства, из которой школа Моргана делала выводы о групповом браке, — и эти выводы отвергаются. *С. Т.*

287. Thurnwald, Rich. Die Gemeinde der Bánaro. Ehe, Verwandtschaft und Gesellschaftsbau eines Stammes im Innern von Neu-Guinea. Aus Ergebnissen einer Forschungsreise 1913 — 1915. Ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte von Familie und Staat. Stuttg., F. Enke, 1921, p. IV + 274.

Чрезвычайно интересное исследование социального строя маленького, до сих пор неизвестного папуасского племени бáнаро. За свое трехлетнее пребывание на Нов. Гвинее автор сумел глубоко проникнуть в сложную и оригинальную систему семейно-родственных отношений у бáнаро. Социальный строй их носит первобытно-коммунистический характер и основан на родственных отношениях. Интересный анализ классифицирующей терминологии родства. Делаются выводы о происхождении экзогамии, рода, государства. *С. Т.*

V. Религия.

288. Beth, Karl. Einführung in die vergleichende Religionsgeschichte. Lpz., Teubner, 1920, p. 125. (Aus Natur u. Geisteswelt, B. 658.)

Защитник преанимистической теории происхождения религии, автор стремится понять психологию религиозных переживаний. Как формы конкретизации последних, автор перечисляет «хрематоморфизм», «териоморфизм», «антропоморфизм», веру в героев, демонов, богов. Дальше исследуются внешние проявления религии — «откровение», культ в его разных формах. Чисто клерикальная (поповская) тенденция автора особенно сказывается в заключительных страницах, где он утверждает неуязвимость религии в ее спорах с наукой: «новая наука», по мнению автора, не колеблет «врожденного» человеку религиозного чувства. *С. Т.*

289. Bros A. Ethnologie religieuse. Introduction à l'étude comparée des religions primitives. Paris, 1923, p. 284. Курс лекций в Парижском католическом институте. Автор-католик пытается осветить со своей конфессиональной точки зрения историю и методы этнологического изучения религии, критикуя разные теории и примыкая к концепции В. Шмидта. Своей особой от последнего точки зрения у автора нет, и книга представляет мало интереса. Сравнительно интересны только собранные данные о ранних миссионерах-этнографах: Лежен, Лафито, Шарлевуа. *С. Т.*

290. Hopkins, E. Washburton. Origin and evolution of religion. New Haven, Jale Univ. Press, 1924, p. 370.

Книга Хопкинса, санскритолога, автора ряда работ по индусской религии и фольклору, выдержала за два года (1923 — 1924) 4 издания. Автор прослеживает ранние формы культа, пытается вскрыть психологические корни религии (эмоции страха, надежды и пр.) и затем подробно останавливается на идее троичности в разных религиях. Эта целиком эклектическая книга заканчивается апологией религии, как «опыта, в котором душа осознает свое единство с божественной душой». *С. Т.*

291. Otto, Rudolf. Das Heilige. Über das Irrationale in der Idee des gottlichen und sein Verhältnis zum Rationalen. Breslau, 10-te Aufl., 1923.

Эта книга, написанная либеральным протестантским богословом, имела в Германии в эпоху военного и после-военного кризиса огромный успех. Автор подвергает анализу психологическое содержание иррационального элемента в религии — понятия «священного» — das Numinose. Первобытным формам проявления идеи священного уделяется сравнительно мало внимания, автор больше занимается разбором этой идеи как абстрактной категории и ролью ее в ветхозаветной религии и в христианстве. *С. Т.*

292. Rivers, W. H. R. Medecine, magic and religion. Preface by G. Elliot Smith. London, Kegan Paul, 1924, p. VIII + 147. Pr. 10-6.

Магические и религиозные элементы в примитивной медицине. Р. в духе своей общей методологии разбирает вопрос о культурных миграциях, вызывавших разные комбинации упомянутых элементов. *С. Т.*

293. Schmidt, P. W. Der Ursprung der Gottesidee. Eine historisch-kritische und positive Studie. I. Historisch-kritischer Teil. 2-te, stark vermehrte Auflage. Münster-in-W. Aschendorfsche Verlagsbuchhandlung, 1926, p. XL + 382.

В этом втором издании капитального труда патера Шмидта (1-е вышло в 1912 г.) критическая часть весьма расширена. Включен разбор взглядов ряда новых теоретиков. В частности, прибавлена глава «Социалистическо-коммунистические теории». Автор подвергает здесь разбору теории и взгляды Маркса и Энгельса, Дицгена, Лютгенау, Кунова, Каутского, Эйльдермана и Эркеса — по вопросу о происхождении религии. Шмидт старается показать их несамостоятельность, зависимость от тех или иных буржуазных теорий. Кроме того, автор подводит итоги той кампании, которая была им же развернута за теорию «первобытного монотеизма»: особая глава посвящена отношению разных исследователей к этой теории. *С. Т.*

294. Schmidt P. W. Der Ursprung der Gottesidee. II Teil: Die Religionen der Urvölker. II Band. Die Religionen der Urvölker Amerikas. Münster-in-Wien, 1929, p. XLIV + 1065.

Второй том объемистого труда В. Шмидта. Автор тщательно подбирает материал о «высшем существе» в верованиях разных народов, — в данном томе народов Америки, в особенности наиболее примитивных из них: калифорнийских индейцев и огнеземельцев, также алгонкинских племен и др. *С. Т.*

295. Toy, Crawford Howell. Introduction to the history of religions. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1924, p. XIX + 639. 3-е издание книги, вышедшей впервые в 1913 г. Точка зрения автора — либерально-эклектическая, по большинству вопросов он старается занять среднюю позицию между разными взглядами и избегает «односторонних» теорий. Подбор фактов, иллюстрирующих общие положения, довольно богатый. *С. Т.*

296. Gräbner Fr. Das Weltbild der Primitiven. Eine Untersuchung der Urformen weltanschaulichen Denkens bei Naturvölkern. München, Reinhardt, 1924, S. 173.

Группируя все народы земли по устанавливаемым школой автора «культурам», автор пытается охарактеризовать свойственный каждой из них тип мышления, отражающийся и в мифологии и в языке и пр. *С. Т.*

297. Malinowski Br. Myth in primitive psychology. London, Kegan Paul, 1926, p. 128, 16°, pr. 2-6.

Интересное исследование роли мифологии в общественной жизни (на материале Тробриандовых островов). Автор высказывается как против «натуралистического», так и против «исторического» толкования мифов, и подчеркивает их социальное значение. Интересен также анализ роли магии. *С. Т.*

298. Wust, Walter. Der Lamaismus als Religionsform der Hochasiatischen Landschaft. Zeitschrift für Geopolitik. 1924. Mai.

Проработка вопроса о религии, как продукта хозяйственного уклада — первая попытка в западной литературе с отказом от установившихся взглядов на причины распро-

странения и на содержание и формы религии. Автор, к сожалению, обобщает характеристики, не делая различия между отдельными частями Тибета, хозяйственные уклады которых неодинаковы (земледелие в восточной части и в долинах и различные формы скотоводства), и не указывая на значение феодальных явлений. *А. И.*

299. Loeb E. M. Shaman and seer. American Anthropologist, v. 31, № 1, 1929, p. 60—85.

Выясняется разница между типами шаманов и подробно рассматривается тип шамана сибирского и тип шамана — врача Индонезии. *Е. Е.*

300. Moss, Rosalind. The life after death in Oceania and the Malay Archipelago. Oxford University Press, 1925, p. XII + 247.

Обработка материала по верованиям о загробном мире у океанийцев и индонезийцев. В конце делаются выводы о влиянии на эти верования географических и хозяйственных условий, миграций, способов погребения. Предисловие Р. Маретта. *С. Т.*

VI. Фольклор, искусство.

301. Piekarski E. Zagadki jakutskie. (Отт. из Rocznik Orjentalisticzny, tome IV (1926), Lwow (1928). В вып. 2-м «Rocznik'a» автором была опубликована серия якутских пословиц на якутском языке с польским переводом. Теперь по тому же плану им напечатано 45 якутских загадок, гл. обр. из своих собственных записей. Материалам предшествует небольшой очерк С. Е. Малова, заключающий полную библиографию загадок туземных племен СССР. *М. А — ий.*

302. Poliwka J. Les nombres 9 et 3 × 9 dans les contes des slaves de l'est. (Отт. из «Revue des Etudes Slaves», tome VII, 1927, fasc. 3 — 4).

В дополнение к работам Рошера, Вейнгольда и Лотта (Roscher, Weinhold и Loth), изучавших формулы чисел в фольклоре и мифологии, автор приводит материалы о «девяти» и «тридевяти» (за тридевять земель, тридевятое царство) в русских, украинских и белорусских сказках. Наиболее распространены эти формулы, особенно последняя, в русских и белорусских сказках, у украинцев — реже. В остальной части Восточной Европы распространены они также крайне слабо. Сопоставление с фактами, заимствованными из литературы прочих европейских народов, позволяет, по мнению автора, предположить, что данная формула усвоена русскими в очень отдаленную эпоху под культурным влиянием греков, которое было очень значительно благодаря существованию греческих черноморских колоний. Что же касается распространенной формулы «тридесятый», то она, по всей вероятности, позднейшего, сравнительно недавнего, происхождения. *М. А — ий.*

303. Thomas W. E. Some myths and legends of the Australian aborigines. Melbourne, 1923, p. 75.

Краткое предисловие и 17 мифов и легенд, без указания источников, в литературной обработке, повидимому, для детей. Научной ценности не имеет. *С. Т.*

304. Höver, Otto. Javanische Schattenspiele. Lpz., W. Goldmann, 1923.

Краткое описание народного теневого театра «ваянг» яванцев и альбом 24 художественных рисунков фигур «ваянга». *С. Т.*

VII. Этнографические описания отдельных стран и народов.

305. Pfizenmayer E. W. Mammutleichen und Urwaldmenschen in Nordost-Sibirien. Lpz. 1926, p. 331.

Описание экспедиций Академии наук за останками мамонта на р. Березовку и р. Санга-Юрах в Северной Сибири в 1901-2 и 1908 гг. Этнографические сведения о якутах, ламутах и других встреченных автором народах. Приложены многочисленные рисунки и географические карты. *Е. Е.*

306. Arlington, L. E. Symbolism of Chinese sign-boards. China Journal, 1929.

Сводка надписей на торговых заведениях в Китае. Имеет и практическое и научное значение, так как автор дает легенды, связанные с вывесками, без которых вывески со-

вершенно непонятны. Например, на лавке ювелира встречается вывеска, которая может быть прочитана при незнании: «двухэтажный дом». В деревне Уйли над харчевней висит вывеска, которую по незнанию можно прочитать «дом зеленой сливы». С аналогичной работой, помещенной в сборнике газеты Чэнь бао за 1925 г., получаем социологический материал, представляющий значительную ценность. *А. И.*

307. Hommel, R. P. The idols of the thieves. China Journal, 1929, February.

Популярные герои (Робин Гуд китайской легенды) Ши Цянь и Бо шэнь, обожествленные патроны воров. Один из них изображается стоящим на руках так же, как исполняет актер роль этого героя в одной из пьес. Деревянные изображения найдены в провинции Цзянь-си. *А. И.*

308. Kulp, Daniel Harrison. Country life in South China. The sociology of familism. V. I. Phenix village, Kwantung, China. N. - Y., 1925, p. XXXII + 367.

Обстоятельное монографическое описание одной деревни Гуандунской провинции. Ее социальный строй определяется автором как «фамилизм», т. е. господство родственного принципа. По методологии и терминологии автор примыкает к американской школе этнологов (особенно к Лоуи). *С. Т.*

309. Leong J. K. and Tao L. K. Village and town life in China. With a preface by L. T. Hobhouse. Lond., Allan and Unwin (1923), p. XII + 155, Pr. 6 shill.

Авторы — европейски образованные китайцы. Один из них дает описание структуры китайской автономной деревенской общины, родовой организации, семьи. Другой автор (Тао) рисует городскую административную систему и дает очерк китайского народного буддизма. *С. Т.*

310. Се Бин. Юнь-нань-ю-цзи. Путешествие по пров. Юнь-нань. 1924 г. (На китайском яз.). Автор знаком с иностранной литературой и с научным методом. Название не вполне соответствует содержанию, так как даются сведения о тех местностях, которые лежали на пути автора (Гуан-дун и Аннам), даются также и политические моменты. Ценность работы в социальном и этнографическом материале по народностям провинции Юнь-нань. Автором ранее была опубликована «Поездка по Синь цзяну», единственная работа по этой провинции. Обобщения и выводы автора не представляют ценности, тогда как сырой материал представляет значительную ценность. *А. И.*

311. Stevenson P. H. The chinese-tibetan borderland and its people (China Journal, 1927, April).

Автор статьи произвел антропологическое обследование западной части провинции Сы-чуань (Пян, Ло-ло, Си-фань и Гярун). Маршрут Чун-цин, Чэн-ду, Да-цзянь-лу, Я-чжоу, Суйфу, Чун-цин. Дана маршрутная карта с обследованными пунктами этой мало исследованной части Китая. *А. И.*

312. Rasmussen, Knud. Intellectual culture of the Iglulik Eskimos. Copenhagen, 1929 г., т. 304.

Наблюдения над интеллектуальной жизнью эскимосов: их обычаи, поверья, рассказы, песни, игры. Приложены географические карты и рисунки. *Е. Е.*

313. Mathiassen, Therkel. Archaeology of the central Eskimos. I — II, p. 327 + 201. Copenhagen, 1927.

Описание предметов из раскопок у Центральных эскимосов, определение древней «Фульской» культуры эскимосов и ее значения. Приложены географические карты и рисунки. *Е. Е.*

314. Birket-Smith, Kaj. The Caribou Eskimos. Material and social life and their cultural position. I — II, p. 306; p. 480. Copenhagen, 1929.

В первой части описание материальной культуры эскимосов — карибу (охотников за карибу), отличающейся большой примитивностью. Даны географические карты и рисунки. Во второй — анализ данной культуры, ее сравнение с культурой других северных народов и таблица распространения элементов культуры у эскимосских племен, палеазиатов и индейцев Сев. Америки. *Е. Е.*

315. Bromilow, William E. Twenty years among primitive papuas. London, Epworth Press, 1929, p. 316.

Миссионер Бромилов описывает свою многолетнюю деятельность, гл. обр. на острове Добу (Новая Гвинея). Много этнографических данных. *С. Т.*

316. Johnson, Martin. Mit dem Kurbelkasten bei den Menschenfressern. Abenteuer auf den Neuen Hebriden. Lpz., Brockhaus, 1927, p. 158.

Очень интересно написанные приключения кино-оператора на острове Малекула, наименее известном из Ново-Гебридских островов, где туземцы в наибольшей степени сохранили свой старый быт. Много этнографических данных. Книга переведена на русский язык и издана «Молодой Гвардией». *С. Т.*

317. Krämer, Augustin. Die Málanggane von Tombára. München, G. Müller, 1925, p. 91 + 100 (Tafeln).

Этнографическое описание Новой Ирландии (Архипелаг Бисмарка), некоторых обычаев и верований туземцев, а гл. обр. — особых резных (из дерева) фигур и изображений, имеющих здесь ритуальное значение. Большая половина книги занята атласом фотографий этих фигур. *С. Т.*

318. Parkinson, Richard. Dreissig Jahre in der Südsee. Stuttg., Strecker und Schröder, 1926, p. XII + 353.

2-е посмертное сокращенное издание большого труда, вышедшего в 1907 г. Автор, один из пионеров — исследователей Меланезии, дает много географических и — очень ценных — этнографических сведений о северной части острова Новой Британии, о северных Соломоновых островах, островах Адмиралтейства и др. Редактор А. Эйхгорн сильно сократил книгу гл. обр. за счет материала, заимствованного автором у других исследователей. *С. Т.*

319. Reischek, Andreas. Sterbende Welt.

Рейшек путешествовал по Новой Зеландии в 1877 — 1889 гг. Ему удалось проникнуть в недоступные для европейцев места поселения маори и прожить там годы отрезанным от всего остального мира, причем им добыто много ценного этнографического материала. Книга издана сыном покойного исследователя с дополнениями. *С. Т.*

320. Sarasin, Fr. Neu-Caledonien und die Loyalty-Inseln. Reise - Erinnerungen eines Naturforschers. Basel, 1917.

Описание 15-месячного пребывания и работы автора на Н. Каледонии. Наряду с естественно-научными наблюдениями, сообщаются и этнографические. *С. Т.*

321. Hassert, Kurt. Australien und Neuseeland geographisch und wirtschaftlich. Gotha-Stuttgart, A. Perthes, 1924, p. VIII + 178. (Perthes kleine Völker- und Länderkunde, 12-n B.).

Небольшой географический и экономический справочник по Австралии и Новой Зеландии с краткими сведениями по этнографии и истории этих стран. *С. Т.*

322. Horne G. and Aiston G. Savage life in Central Australia. London, Macmillan, 1924, p. XI + 184.

Книга написана Хорном, но большая часть материала собрана Эстоном, служившим в «конной полиции» более 20 лет среди племени вонконгуру в области оз. Эйр (Центральная Австралия). Хорошо описана материальная культура, много ценного материала по религиозно-магическим верованиям. Много хороших фотографий. *С. Т.*

323. Terry, Michael. Across unknown Australia. London, Jenkins, 1926, p. 311.

Описание путешествия автора на автомобиле через материк Австралии с востока на запад. Этнографических данных о туземцах в сущности нет, так как автор их почти не видел. *С. Т.*

Ответственный редактор: *С. Ф. Ольденбург.*

Ответственный секретарь: *Б. С. Хотинский.*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1930 г.

НА ЖУРНАЛЫ

ТРУДЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЩЕСТВА ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ

LX год издания

Ответственный редактор К. М. Дерюгин

Труды содержат в себе отделы: зоологии, физиологии, ботаники, геологии и минералогии

4 книги в год

Подписная цена: на год — 7 руб., на полгода — 4 руб.

ЗЕМЛЕВЕДЕНИЕ

Год издания 32-й

Ответств. редактор А. А. Борзов

„Землеведение" издается при редакционном участии Географического отделения общества любителей естествознания, антропологии и этнографии

Журнал должен быть в руках каждого краеведа и учителя и местных работников, имеющих дело с земною поверхностью и ее природными богатствами, их использованием и упорядочением

4 номера в год Подписная цена — 5 руб.

Подписка принимается в Периодсекторе Госиздата РСФСР (для иногородних подписчиков): Москва, Центр, Ильинка, 3. В Ленотгизе — Ленинград, Просп. 25 Октября, 28. В Мосотгизе „Московский Рабочий", Москва, Неглинный проезд, 9 (для московских подписчиков), во всех магазинах и киосках, в провинциальных отделениях, в филиалах и конторах и у уполномоченных.

2 руб.

809

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1930 г.

НА ЖУРНАЛЫ

ПСИХОЛОГИЯ

Год издания 3-й

Отв. ред. проф. К. Н. Корнилов

В журнале помещаются статьи общеметодологического характера, а также освещаются вопросы педагогической, медицинской и судебной психологии, психологии различных форм социальной жизни (театр, кино, реклама и т. д.) и конкретно практические жизненные проблемы

Объем журнала увеличен

В 1930 году выйдет 4 книги

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД 7 РУБ.

ЭТНОГРАФИЯ

5-й ГОД ИЗДАНИЯ

Ответственный редактор: С. Ф. Ольденбург

Ответственный секретарь: Б. М. Соколов

Программа журнала: исследования, обзоры, информация о работе на местах, библиография, хроника

ВЫХОДИТ 4 КНИГИ В ГОД

Подписная цена на год — 7 руб., на полгода — 3 р. 50 к.

2015596017